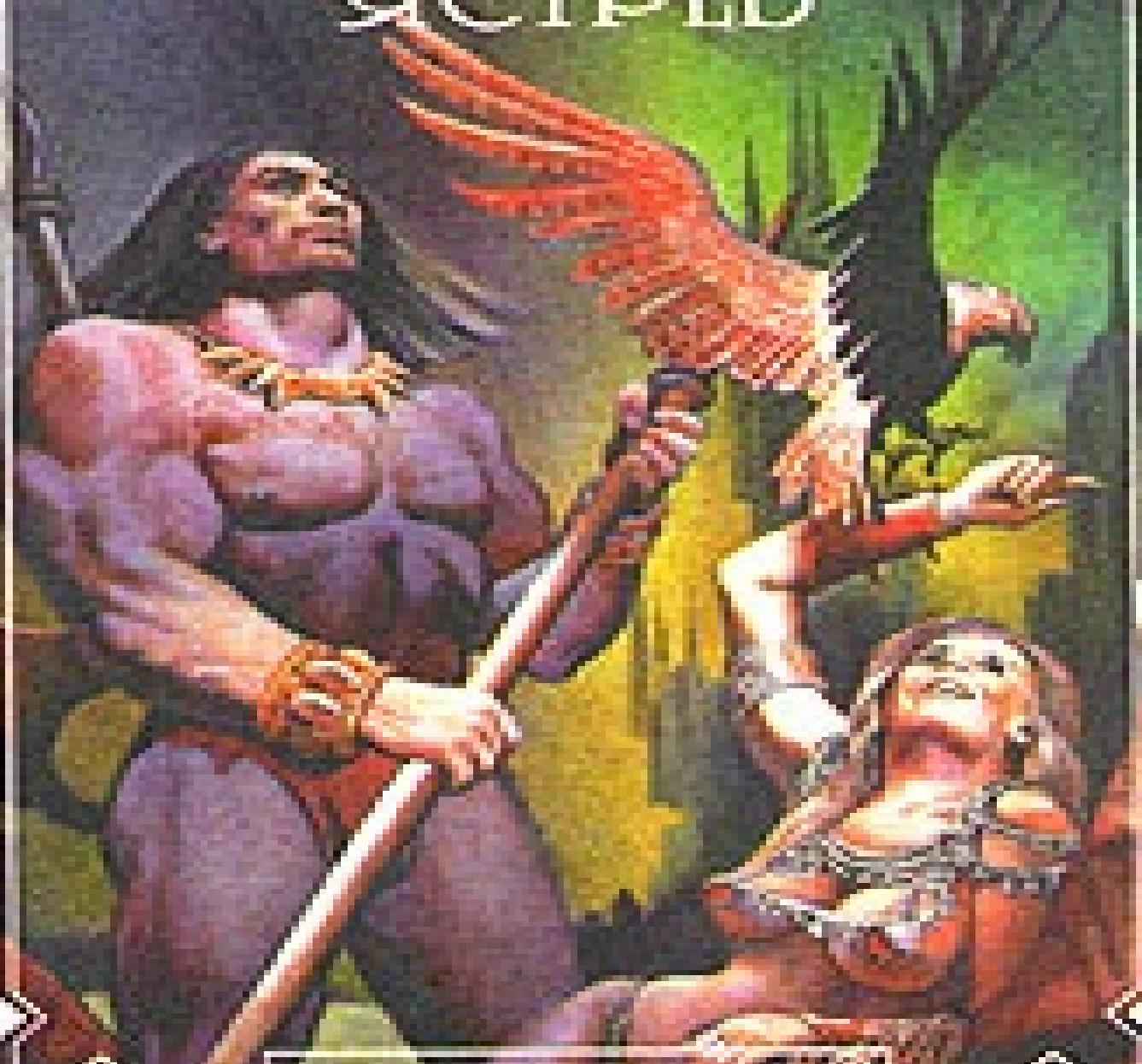

Дети
Всемирного
конца
и Рыжий
Ястреб

Северо-Запад

Annotation

На пути в Шадизар, случайно встретились и расстались Конан и юная Карела...
Они еще не знали, что судьбой им уготованы новые встречи...

- - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
-

Джорджия Лэнгтон

Карела Рыжий Ястреб

ГЛАВА 1

Ветер лихо раскачивал верхушки горных сосен. Кто часто бывал в этих местах, тот несомненно знал, что эти порывы нельзя назвать настоящим горным ветром. Но кроны вековых деревьев шумели грозно и настороженно, узкие расщелины и склоны горных отрогов спускались к тропе, ведущей через ущелье с запада на восток, ветер шипел и посвистывал, пробираясь сквозь извилистые лабиринты в скалах.

Над ущельем сгущалась темнота. До настоящей ночи было еще далеко, но солнце давно опустилось на покой и больше не светило в спины четырем всадникам, что медленно двигались по тропе, которая пролегала на самом дне Серого ущелья. Это был малоизвестный путь через горные перевалы Кофа. Но, по слухам, один из самых безопасных. Одинокий всадник на мощной лошади еще мог пробраться здешними извилистыми тропками, хотя даже на совесть подкованные животные кое-где рисковали сорваться в расщелину. Однако здесь, по крутым каменистым тропкам, скользким и влажным, не могли пройти груженные товарами караваны. А где нет поживы, там нет и лихих людей. Или, по крайней мере, здесь их было немного.

Четверо всадников двигались неторопливо. Правда, едва они вступили в ущелье, лошадей приходилось чаще погонять, чем сдерживать. И молодой плечистый мужчина, что ехал во главе процессии, то и дело подхлестывал своего жеребца.

Темные глаза всадника напряженно взглядывались в надвигающуюся ночную мглу. Но ни тени страха не было на его обветренном лице, выдававшем в нем человека бывалого, скорее привыкшего к лишениям, чем к шелкам и благовониям дамских спален. Он вел своих спутников по горному ущелью невозмутимо, как будто бы не один раз приходилось ему бывать в этих сумрачных местах. Под плотным шерстяным плащом всадника скрывался внушительных размеров меч, но рукоятка торчала наружу, ибо хозяин меча был готов к любым неожиданностям! Весь облик, а особенно несколько высокомерное выражение лица мужчины, его неторопливые жесты и полная достоинства манера сидеть в седле давали понять, что этот молодой воин несомненно знатного происхождения. И становилось ясно, откуда в его темных глазах взялся надменный огонек.

Сей благородный воин был потомком знатного офирского рода, и к миссии своей, занесшей его в этот горный край, относился так же, как и к своей воинской службе — как к делу чести.

Двою других всадников, что ехали позади, двигались бок о бок и негромко переговаривались. Оба они были всего лишь солдатами-наемниками и радовались удобному случаю перемыть косточки своему командиру за его спиной.

Четвертой в маленьком отряде была девушка, что ехала на своей низкорослой лошади между благородным воином и наемниками. В пути ей пришлось быть ничем иным, как объектом бдительной охраны. И хотя девушка была еще совсем юной, в седле она держалась свободно и по сторонам поглядывала так, будто бы это не ее сопровождали воины, а она сама прокладывала путь. И если бы кто-нибудь вздумал вслух усомниться в обратном, чуть косящие изумрудные глаза облили бы наглеца презрением. Если бы шутник не понял своей ошибки, пухлые губки сжались бы в суровую, совсем не подобающую этому почти детскому лицу гrimасу, и узкая девичья ладонь с длинными холеными пальчиками легла бы на небольшой кинжал, что висел у нее на поясе под зеленым плащом. А если и после этого в

чых-то неосторожных словах она усмотрела бы оскорблениe, шутник навсегда зарекся бы насмехаться над девушками.

— Госпожа Карела еще не устала? — ехавший впереди всадник обернулся и с вежливой улыбкой обратился к девушке.

— С чего ты взял, Эльрис? — нахмурилась девушка. — Я могу еще скакать и скакать вперед. Если ты сам не держишься в седле, так и скажи!

Благородный офицер пожал плечами и ответил невозмутимо:

— Пока хоть на десять шагов впереди можно разглядеть дорогу, нам стоит поспешить, иначе один Митра ведает, в каком диком месте нам придется останавливаться на ночлег». Эй, бездельники! — окликнул он солдат. — А ну, прибавить шагу!

Маленький отряд рванулся вперед.

Карела молча направляла свою кобылу след вслед за лошадью Эльриса. Не то чтобы она солгала ему, говоря, что не устала, но все же ей хотелось бы, чтобы скачка по ночному ущелью скорее прекратилась. Но признаться в этом высокородному Эльрису? Она лучше умрет, чем пойдет даже на такую мелкую уступку мужскому тщеславию. Лучше немного потерпеть, чем лишний раз потешить мужское самомнение.

В душе Карела проклиналась и этот вечер, и эту дорогу. Ей не хотелось вообще пускаться в путь. Что могло быть хорошего в том, чтобы оказаться в совершенно чужой и незнакомой Заморе, где она никогда не бывала и никого не знала? Куда милее ей были просторные равнины восточного Офира, покрытые скучным низкорослым лесом, где она росла, почти не стесненная никакими условностями. Неужели теперь бойкая и дерзкая девчонка с неуемным взглядом больших зеленых глаз и пышной копной огненных волос обречена на жизнь в душных покоях на женской половине богатого Шадизарского дома? Карела мало плакала, даже когда была ребенком, но одна мысль о том, какое будущее ее ждет, вызывала у нее злые безнадежные слезы, и она была благодарна горному ветру за то, что он мог бы послужить прекрасным оправданием в случае, если ее слабость будет замечена.

За свои семнадцать лет Карела хорошо уяснила — на собственном опыте — что как только мужчина обнаруживает в женщине то, что ожидал: слабость, глупость, беспомощность, — он, во-первых, теряет к ней всякий интерес, а во-вторых, пытается отвести ей место где-нибудь на задворках. На такое Карела никогда бы не согласилась. А значит, нельзя было уподобляться тем женщинам, которых Кареле удалось повидать в гарнизоне золотого прииска. Там были и почтенные дамы, матери семейств, озабоченные потомством и положением своих мужей, и ветреные молодые особы, сводящие с ума мужчин при первом свидании и прискутившие уже на втором, и глупые куклы, пригодные только для надзора за котлами в кухне, или в лучшем случае для вышивания.

Карела еще не знала, чего ей хотелось бы получить от жизни. Но она точно знала, чего бы ей не хотелось. Ей не хотелось, чтобы кто-то, пусть даже самый близкий человек, ограничивал ее свободу,ставил рамки, предписывал, что и как стоит делать... Пока был жив ее отец, старый и опытный воин, начальник гарнизона, никто не смел стеснять свободу белокожей и рыжеволосой девицы, его маленькой дочери, которая незаметно превратилась из надоедливой любопытной девчонки в самую красивую невесту в округе, глядя вслед которой, восхищенно вздохали все мужчины — от безбородых знатных юнцов до пожилых чумазых и пропыленных пилигримов.

Ее отец полжизни прожил в Офире и был одним из самых преданных и опытных, а

значит и самых высокооплачиваемых наемников в офирской армии, и стал он таким только благодаря своему совершенно замечательному характеру, от которого стонало и скрежетало зубами множество самого разнообразного народа. Это был суровый и властный человек, не терпящий неповиновения и никому не делающий поблажек из сострадания или по какой-либо иной причине. Карела сознавала, что эту черту отца она переняла в полной мере. Хотя в ее жилах текла не только кровь кофийского наемника, но и гордой золотоволосой немедийки, своим упрямством и своеволием Карела перешеголяла и мать, и отца. Старый солдат смирился с тем, что его единственным ребенком была девочка, поскольку манеры у этой девочки были, скорее, замашками мальчишки-сорванца. Снисходительно смотрел старый Клорус на то, как его дочурка, облачившись в длинные кожаные штаны и куртку, спрятав волнистую копну волос за воротник, скачет без удержу на лошади, как она метает кинжал или фехтует с тем из солдат, который имел несчастье слегка задеть ее гордыню или был настолько глуп, что внял ее просьбе и согласился немного «поиграть» с резвой доченькой командира.

Наверное, как все отцы, Клорус мечтал выдать непослушную проказницу замуж в надежде, что она, наконец, остынет. И поэтому, когда в гарнизоне появился молодой офицер Эльрис, старик воспрянул духом.

Красивый, знатный воин, уже украшенный боевыми отметинами доблести, Эльрис пленил все женское население городка. Но не Карелу. Благоволить тому, кого тебе так явно навязывают? Ну уж нет! Вот если бы отец был против, тогда Карела назло отцу еще могла бы пофлиртовать с дворянином... Но поскольку Клорус, что ни день, заводил разговор о красоте и силе господина Эльриса, Карела проводила ночи с тем, с кем желала, проходя мимо Эльриса с гордо поднятой головой и презрением во взгляде, которое скрывать даже не пыталась.

Но старый Клорус умер, и Карела, осиротев, осталась одна. Она собиралась податься в столицу, или остаться в вольных степях Офира, но Клорус перед смертью рассудил по-иному.

И вот Карела в сопровождении Эльриса и двух солдат-наемников ехала в Замору, где жила сестра Клоруса, что была замужем за судьей Шадизаром. Никогда в жизни не видев свою тетку, Карела плохо представляла себе, что может ждать ее там. И прибывать в конечный пункт их путешествия у нее не было никакого желания.

Несколько раз уже Карелу посещала мысль, что от спутников ей не худо было бы и отделаться. Не здесь, конечно, не в холодных, мрачных горах, а после, когда они выберутся в степи Заморы. Карела нисколько не сомневалась, что постоять за себя она сумела бы.

Но ночь над Серым ущельем сгущала тьму, и Эльрис снова сбавил темп. Лошади поплелись, оскальзываясь на каменистых склонах и подъемах. И до Карелы донесся приглушенный разговор солдат. Вряд ли они представляли себе, что девушка слышит их. Мало кто знал, какой острый слух был у рыжеволосой бестии.

— Какой день уже без удобного ночлега, без нормальной еды, да еще и без женщины, — проворчал один из солдат, и Карела узнала басовитый говорок молодого пройдохи по имени Бриан. Этот светловолосый бородатый немедиец был известен своим разгульным нравом. В сопровождение он пошел только потому, что по завершении пути солдатам причиталась некоторая дополнительная к обычному жалованию плата. Если бы не это, никогда и никто не заставил бы его покинуть гарнизон, где ему жилось вольготно.

— Куда ты торопишься? Хоть путь и не близкий, будет тебе и достойный ночлег, и хорошее вино, и жаркие да любезные заморанки, а если не будешь швыряться деньгами, ждут

тебя хорошие деньги, — рассудил второй, чей голос звучал глушше и принадлежал человеку значительно старшему, нежели Бриан.

— Да ну тебя, Мусто. Тебе монету посули, ты уже счастлив, а мне будет мало того, что нам обещали! — возмутился Бриан. — Разве же на тридцать монет можно погулять?

— Экий ты нетерпеливый, братец, — отвечал ему второй голос, хрипловатый и куда более спокойный. — Дорога хоть и не быстрая, но и не хлопотная. Уж не говори, что ты перетрудился. Тебе и меч-то обнажить не довелось.

Только едем всю дорогу да глазеем в спину дочке покойного Клоруса, да упокоит Иштар его душу.

— Вот еще удовольствие нашел — глазеть в спину, — фыркнул Бриан и резко добавил: — Если бы не этот надутый индюк Эльрис, давно бы стоило взглянуть на красотку не в спину, а совсем с другой стороны...

Едва сдержалась Карела. Но достоин ли неотесанный мужлан ее гнева? Что и ждать от него, как не грязных замечаний за спиной. К тому же при всем своем нетерпеливом и несдержанном нраве Карела понимала, когда стоит смолчать. Два меча в мужских руках против одного меча и девичьего кинжала... О том, что даже старый рассудительный Мусто в случае конфликта запросто может оказаться на стороне Бриана, она старалась не забывать. На горнойочной дороге такого гуся, как Бриан, лучше не дразнить. Но вот пусть они только окажутся на равнине, Бриан пожалеет о том, что отправился в это путешествие. А пока она навострила уши, стараясь не пропустить ни слова.

— Слушай, Мусто, а ведь деньги-то у него с собой! — заговорил снова Бриан. — И не только то, что он нам обязался уплатить по прибытии в Шадизар, но и его собственный кошелек.

— Так что же? — лениво отозвался Мусто. — Что же удивительного в том, что молодой дворянин не только богат, но и бережлив?

Карела невольно усмехнулась. Солдаты и офицеры Офира не могли пожаловаться на бедность. И только у таких разгильдяев, как Бриан, не знающих меры ни в чем, могла возникнуть зависть к содержимому чужих кошельков.

— Дурак ты, Мусто, — раздраженно ответил Бриан. — Можно подумать, что тебе лишняя сотня монет помешает. Слушай, братец, я тут подумал, а есть ли смысл ждать расчета от Эльриса?

— Не понял... — протянул Мусто. — Да разразит тебя Иштар! Ты болван, парень! Мы взялись доставить эту девчонку в Шадизар и получим там свои денежки. Что тебя так разбирает?

— Да не ори ты, праведник! — зашипел на приятеля Бриан. — Ну сам посуди. Приедем мы в Шадизар, доставим дочь Клоруса на место. И что? Эльрис тут же примется отвоевывать у родни девицы свое, и я думаю, что небезуспешно. А мы с тобой? Несколько дней в трактире, несколько женщин и несколько похмелей — вот и все, что мы будем иметь с этого приключения. Даже если мы соберемся обратно в Офир, то добираться до места придется с пустыми карманами.

— Можно будет попытать счастье в гарнизоне Шадизара, — вставил Мусто, но Бриан решительно оборвал его:

— Да что его пытать, когда вот оно! Впереди скакет. Мне кажется, что расщелины здесь есть довольно глубокие, и два юных тела будут чувствовать себя там очень уютненько! — хихикнул он. — На первом же привале: Эльрису нож в спину, а деньги поделим. Да и все. К

тому же девчонка — хороша стервочка. Столько раз меня отшивала, теперь не отвертится. И тебе дам попробовать, так уж и быть. Ну, что молчишь, Мусто?

— Ну, деньги я, пожалуй, взял бы. А девчонка... Жалко, молоденькая еще, ребенок.

— А ты считал, сколько тот ребенок с солдатами травки намял в кустах? — заржал Бриан и добавил: — Да и какая разница, ребенок или нет, все они Митрой для одного дела приспособлены. Можем натешиться да отпустить восвояси.

Мусто ничего не ответил, но поскольку Бриан прекратил уговоры, она с гневом поняла, что Мусто, скорее всего, кивнул в знак согласия.

Карела испытывающе глянула на Эльриса. Ждет ли заносчивый огирский дворянин обычного низкого предательства от своих же собственных солдат? Эльрис был, на ее взгляд, слишком надменным, и поэтому вряд ли он мог себе такое вообразить. Он вел своих людей так уверенно, словно принял вместе с ними не один бой.

Карела была вынуждена признать, что молодой офицер, мощный и крепкий, с пепельными волосами и темной бородкой нравился ей. Но то, как он настойчиво домогался ее благосклонности, очевидно и неприкрыто оскорбляясь неудачами на этом поприще, забавляло ее. А мужчина, забавлявший Карелу, не мог стать объектом ее восхищения, будь он хоть трижды красавец. Поэтому Карела решила подождать привала, посмотреть, не окажутся ли дерзкие намеки Бриана досужим пустословием. Если же эти грязные псы и вправду замыслили дурное, поверит ли Эльрис ее предупреждению? Почему-то Карела в этом сомневалась.

* * *

Темным и мрачным было ночное небо, но еще более сурово и безрадостно было на земле. Там, где горные отроги утонули в тяжелых тучах, нависших над северо-востоком Кофа, бушевал ветер. А внизу, у самого подножия череды скал, было на редкость спокойно и тихо.

Одинокий всадник спешился и с усилием, вставая на цыпочки, снял притороченные к седлу выюки. Они были слишком тяжелыми и объемными для путника, поэтому, поднимаясь со своей ношей по узкой и едва заметной тропе, что вела снизу к глубокой щели в скале, невысокий худощавый человек, больше смахивающий на подростка, пыхтел и изгибался, ловя равновесие.

Преодолев большую часть подъема, путник уронил свой тюк и опустился на него в изнеможении. Кожаный высокий шлем со стальными пластинами был надвинут на самые брови, короткая накидка из темной шерсти закрывала шею и плечи. Узкое смуглое лицо выглядело усталым и равнодушным. Только глаза сверкали двумя темными, блестящими капельками, словно у собаки, идущей по следу.

— Это здесь, я чувствую, что это здесь, — произнес человек неожиданно мягким голосом. Тонкая рука грациозно поднялась и сняла с головы шлем. Блестящие черные волосы высыпались из-под него, укрывая плечи молодой женщины. Она тяжело вздохнула, потрясла головой и решительно встала. — Неужели я нашла, наконец, это место?

Оставив свою поклажу, невысокая и хрупкая женщина, забыв про усталость и изнурительную дорогу, бойко полезла вверх, ко все приближающейся щели в скале. Она знала, что ждет ее там. Это был вход в пещеру, к которой она стремилась всю свою жизнь и которую искала в этих краях вот уже почти два месяца.

Ей с успехом удалось избежать множества опасностей, которым так легко подвергнуться любой женщине, путешествующей в одиночку. Любой, но не Михар, в совершенстве владеющей могуществом, которому позавидовали бы многие. Она с усмешкой вспоминала сейчас тех несчастных, кому встреча с ней стоила жизни. Презренные твари!

Добравшись до входа в пещеру, Михар задержалась, переводя дыхание.

— Славься, Деркэто! — провозгласила она и ступила под своды пещеры. Не успела она сделать и пару шагов, как невероятной силы невидимые флюиды охватили все ее существо. Невероятные ощущения, которые вдруг свалились на нее, вызвали сильную дрожь во всем теле, но это не было дрожью ужаса. Это было нетерпение.

Окунувшись во тьму пещеры, Михар остановилась. Она ничего не видела в темноте, но кожей почувствовала, что стоит лицом к лицу с огромным пространством и великой божественной силой. И она пришла сюда, готовая к тому, чтобы впитать в себя эту силу.

Вне себя от возбуждения, она метнулась назад, вниз, и спустилась к своему тюку. Тяжело дыша, она поволокла его в пещеру. Развязав веревку, стягивающую край тюка, Михар вынула из глубины завернутый в войлок светильник и бутылку с пальмовым маслом. Провозившись немного, Михар разожгла светильник и снова направилась внутрь пещеры. Некоторое время она шла по низкому и узкому коридору, но вот он закончился, и женщина ступила в большой зал.

Только взглянув по сторонам, Михар едва не лишилась рассудка от счастья: она нашла то, что искала! Храм мести Деркэто встретил ее таким, каким он был в ее снах и грезах!

Кто-то словно выгрыз в скале пространство, напоминающее по форме огромное полуширье. Пол пещеры был сухим и гладким, словно отполированным. Прямо напротив входа около дальней стены пещеры застыло каменное изваяние.

Это был мощный обнаженный мужчина. Он стоял на коленях, запрокинув голову и протягивая вперед руки. Застившее лицо с грубыми чертами было искажено страшной, мучительной гримасой... Конечно, кому приятно каменеть заживо, чувствуя, как сначала ноги, потом тело, руки, все становится частью горной скалы... Каменные мускулы напряглись и вздулись, и если бы этот мужчина был из плоти и крови, он наверное мог сокрушить все вокруг себя. Но месть Деркэто была неумолима, и этот гигант никому из женщин не принесет больше горя. Богиня страсти позаботилась о том, чтобы он вечно простирался в мольбе на полу тайного храма Деркэто в горах Кофа на пятаке трех границ. И суждено ему лишь ненадолго быть освобожденным из каменного плена, чтобы потом снова кануть в небытие, на этот раз уже навсегда.

И Михар пришла сюда именно для того, чтобы осуществить все это, чтобы претворить в жизнь заклятие Деркэто.

Никто никогда бы и не подумал, что в таком безлюдном месте может находиться храм самой великой и самой могущественной из женщин — богини Деркэто. Уж очень далеко он был от тех мест, где люди поклонялись этой богине. Как стигийцы, так и шемиты вряд ли часто бывали в этих горах. Здесь, где к востоку простирались степи Заморы, к западу — равнины Офира, а с севера высился Карпашский хребет, почти никто не жил, а значит, не могло быть и храмов.

Так считалось. Но люди потому и люди, что попадают в плen своих заблуждений.

В этом месте, диком, неприглядном, мрачном, действительно находился храм богини страсти, как свидетельство того, что неумолимая и могущественная Деркэто не обошла вниманием и эту землю.

Храм мести Деркэто создан был вовсе не людьми, а самой богиней. Она сама устроила эту обитель для того, кто был ей мил, и она своей рукой убила того, кто не смог оценить великий дар — любовь и страсть самой Деркэто.

Как зачарованная, стояла Михар, глядя на каменное изваяние, протягивающее к ней руки. Каково было ему стоять здесь не один век и тяжко раскаиваться в том, что пренебрег любовью Деркэто? Конечно, он не подозревал, с кем имеет дело, когда на глаза ему попалась восхитительная женщина. Разве мог он даже представить себе, что Деркэто объявились в этих краях?

Но боги — не люди, запертые в границах своего душного мирка. Боги сходят на землю так часто, как пожелают, там, где захотят, и в таком виде, какой им больше нравится.

Еще мать Михар, могущественная стигийская чародейка, прочитала в древних письменах эту легенду о мести Деркэто. О том, как, натосковавшись по земной страсти, спустилась богиня на землю туда, где нашелся человек, достойный стать ее возлюбленным. Этот человек, молодой, сильный и независимый, уединенно жил в этих местах, забытых всеми богами. И она пришла к нему, прекрасная и гордая, и предложила ему свою любовь. Он не отверг страсть и нежность, но, отведав сладостей любви, предназначил богине место своей служанки, покорной и бессловесной. Гордая женщина была ему не нужна. С горечью поняла Деркэто, что ошиблась, что ее возлюбленный не из числа тех достойных ее любви, которым нужна не тряпка, валяющаяся под ногами, а женщина, стоящая с мужчиной вровень. Сильно обиделась Деркэто и превратила своего возлюбленного в камень. И положила к его ногам свое оружие. И пообещала той, которая завершит ее заклятье, красоту, силу и страсть, способную сводить с ума каждого мужчину и дающую женщине неограниченную власть над мужскими сердцами, телами и душами.

Михар подошла поближе. Рядом с каменными коленями изваяния лежала небольшая кривая сабля, на эфесе которой мерцал сапфир размером с голубиное яйцо.

— Славься, Деркэто! Пришла та, которая хочет принять от тебя силу и страсть, вечную молодость и великолепие, — прошептала женщина и опустилась на гладкий пол. — Я та, которая желает стать восприемницей твоей власти на земле.

Руки Михар невольно потянулись к сабле богини. Но она заставила себя отвести их. Нельзя было ей касаться оружия, на которое было наложено заклятье Деркэто! Ни один человек из смертных не мог взять его в руки и остаться в живых, даже чародейка Михар.

Получить оружие Деркэто, а вместе с ним силу ее заклятья, можно было только из рук каменного изваяния. А для этого Михар предстояло немало потрудиться.

Едва пришла в себя черноволосая женщина и осторожно встала на ноги. Отойдя к стене и поставив на пол светильник, она медленно, пошатываясь, побрела наружу, к своим вещам.

Несколько минут в храме, казалось, прибавили ей сил. Выйдя из пещеры, она вдруг ощутила прилив энергии, словно и не провела она в седле много-много часов. Почти вприпрыжку молодая женщина сбежала вниз, к лошади, забрала второй тюк и потащила его вверх, даже не останавливаясь, чтобы передохнуть.

Вскоре все вещи Михар уже лежали в пещере. Подстилка из тонкого и мягкого, но прочного войлока была развернута, и расшитые шелковые подушки разложены на ней. Ларец со снадобьями, инкрустированный серебром, примостился рядом.

Приглушенный писк и вой заставил Михар метнуться к одному из мешков. С причитаниями женщина стала расшнуровывать завязки.

— Милый ты мой дружок, как же я о тебе забыла?

Их мешка, отряхиваясь и потягиваясь, вылез головастый дымчато-серый кот с огромными желтыми глазищами.

— Фипон, киска, не сердись на хозяйку, больше я о тебе не забуду! — Михар подняла кота на руки, прижалась лицом к его боку, потискала. — Беги, Фипон, погуляй, да не потеряй дорогу назад! — ласково сказала она и спустила животное на пол.

Кот громко мяукнул и стремглав бросился наружу. Надоела ему долгая дорога в душном мешке, и он с удовольствием отправился на первую свою прогулку на новом месте.

* * *

Под гулким каменным сводом раздавался нежный женский голосок. Светловолосая девушка плавно кружилась в такт своей песенке, воздев тонкие грациозные руки. Ее полные груди, едва прикрытые изящными чашами с переливчатой вышивкой, заманчиво колыхались, бедра призываюно покачивались и врашались то в одну, то в другую сторону, заставляя тонкий и совершенно прозрачный шелк, свисающий с пояса, отделанного изумрудами, взлетать и открывать взору соблазнительной белизны и упругости округлые ягодицы.

Девушка танцевала с удовольствием, то отходя подальше, то приближаясь к своему единственному зрителю, дразня и возбуждая его.

Наблюдавшего за танцем трудно было назвать мужчиной. Скорее, это был юноша лет восемнадцати-девятнадцати, кудрявый и темноволосый. Он с любопытством смотрел на танцовщицу, склоняя голову то к левому, то к правому плечу, и недовольно хмурился, когда она отдалась от него в повороте. На юноше были короткие штаны из мягкой кожи, невысокие сапоги и безрукавка, надетая мехом внутрь. Он сидел у самого костра и смотрел на девушку сквозь пламя.

Бедняжка, она была так рада своему чудесному спасению... Случайно отбившись от своих спутников на прошлой неделе, она заблудилась в горах и несколько дней проплутала, обессилев и едва не умерев от страха и голода.

Как счастлива была она, когда красивый улыбчивый юноша вдруг встретился ей на тропе и протянул руку помощи. Он привел ее в грот, закрытый от холодных горных ветров, напоил чистой водой и накормил еще свежими лепешками, согрел у костра. И теперь она готова была на все для улыбчивого паренька, который не выглядел ни воинственным, ни опасным. Он жадно смотрел на нее, радовался ее смеху, тому, что слезы на ее лице просохли, а румянец снова вернулся на пухлые щечки. И он ничего от нее не требовал и не задавал вопросов. Он не был похож ни на жреца-пилигрима, ни на солдата, решившего сменить нанимателя. Скорее, он был похож на пастуха, так решила девушка. Ей было невдомек, что в этих местах не было пастбищ, и по крутым склонам здешних ущелий не водили караванов.

Она сама была всего лишь невольницей, для которой происшествие в горах едва не стало роковым.

— Танцуй, Ганда, танцуй! — прошептал юноша и даже языком прищелкнул, когда тугие гладкие бедра снова промелькнули невдалеке от его лица.

Еще несколько минут он с удовольствием смотрел на девушку и, наконец, протянул к ней руки. Она пошла к нему, не прекращая петь, и опустилась на колени, заглядывая в глаза своему спасителю.

— Иди ко мне, Ганда! — мягко сказал юноша, но девушка почувствовала в его просьбе

неожиданно непреклонную силу приказа. Она вдруг поняла, что не в силах воспротивиться ему. Ей не очень-то хотелось сопротивляться этим блестящим карим глазам, но сила, потекшая вдруг с пальцев юноши, едва он тронул плечи Ганды, почему-то испугала ее. Однако, она ни слова не сказала, позволяя ему увлечь себя пряником на мягкий войлок. Едва спина ее коснулась подстилки, а руки юноши развязали шнурок,держивающий на ее груди расшитые чаши, Ганда прикрыла глаза и отдалась этим рукам, которые принялись неторопливо и изошренно ласкать девушку.

— О, Табасх! — прошептала она, и губы юноши нежным поцелуем оборвали ее слова. Она нисколько не воспротивилась, когда Табасх решительно расстегнул застежку на ее поясе.

Что-то мягкое и пушистое коснулось ее плеча и осторожно двинулось вниз, коснулось полной груди, плоского живота, поползло по бедру. Так же мягко щекотал ее своей бородой хозяин, в чьем гареме она была последние пять месяцев... Но у Табасха нет ни бороды, ни усов. Чем же он ласкает ее?

Ганда с любопытством открыла глаза, чтобы взглянуть на Табасха... Над ней нависало, тяжело и прерывисто дыша, жуткое чудовище, мохнатое и уродливое, с широкими влажными губами и круглыми выпученными глазами!

Ганда, оцепенев от ужаса, уставилась на чудище и в правом глазу его увидела отблески жарко пылающего костра и себя, обнаженную и распростертую под мохнатой нечистью, на широких губах которой скапливалась слюна.

— Ганда, милая! — простонало чудище, высунуло огромный сиреневый язык и медленно лизнуло враз побледневшую девушку.

Не в силах больше переносить этот ужас, Ганда пронзительно завизжала и потеряла сознание.

Чудовище слезло с тела девушки, тряся головой, встало на колени и провыло что-то. В звуках его голоса отчетливо проявился мотив той простенькой, но зажигательной песенки, которую напевала девушка, танцуя перед ним. Он завыл громче, и постепенно его голос стал совершенно человеческим. Встряхнувшись, словно вылезшее из воды животное, чудовище стало меняться на глазах. Исчезла, словно выпадая, шерсть, выпрямились руки и ноги, заблестели кудрявые черные волосы. Преобразившийся на глазах Табасх снова присел подле Ганды и погладил ладонью нежную грудь девушки.

— Эй, милая, что с тобой?! Расскажи, что тебе привиделось? Открой глаза, пожалуйста!

Но Ганда лежала в глубоком обмороке. И Табасх неожиданно весело рассмеялся. И эта красавица тоже не смогла выдержать его любимой шуточки с перевоплощением... Неужели его мохнат так страшен? Взглянуть бы на самого себя хоть одним глазком! Но зеркала у Табасха не было.

Он оборвал смех так же внезапно. Ох, если бы это было и вправду шуткой! Другое дело, что иногда это забавляло Табасха. Он веселился, глядя на то, как его вид повергает людей в ужас. Но сейчас это было очень некстати и совершенно не смешно.

С тоской и неожиданной грустью взглянул он на девушку. Разве может продолжаться дальше такая мука? Стоило Табасху пожелать женщину, как немедленно, само собой, наступало это превращений! И пока ничего с этим поделать было нельзя. Освободиться от такого тяжкого проклятия было совсем не просто.

Схватившись за голову, Табасх заскулил, пряча лицо в колени. Нет ему никакой радости от того, что происходит. И бедняжку Ганду напугал до потери сознания». Что ж, придется избавиться от нее, пока он не принес невинной девушке еще большей беды. Оставить ее в

гроте и уйти самому дальше в горы?

Он-то не пропадет, а вот Ганда очнется одна у потухшего костра, испуганная и замерзшая, и что ей останется? Скитания по скалам в поисках даже не пищи — какая уж пища в таком месте для девушки, не представляющей, что такое охота, — а хотя бы горных родников. И будет она в страхе бродить, пока не отыщет свою смерть, ведь вряд ли она после всего случившегося доверится даже безобидному на вид путнику в горах.

— Прости меня, Ганда, — задумчиво сказал Табасх. И под сводами грота зазвучало заклинание, извлеченное взбудороженным сознанием Табасха из самых глубин древней мудрости. Табасх давно уже не задумывался, откуда известны ему подобные заклинания. Он уяснил, что таким он рожден на свет. Он просто повиновался первому же порыву и начинал произносить слова, даже не зная заранее, к чему они приведут. И только уже взглянув на результат, он понимал, что слова найдены им верно.

И вот на мягкой подстилке из войлока рядом с расшитыми чашами и небрежно брошенным поясом лежала белая чайка, беспомощная и неподвижная. Ее глаза-бусинки были замутнены, но сердечко глухо и редко билось в ее груди.

— Вот и все, Ганда, теперь ты улетишь отсюда и станешь вольной. Будешь ли ты вспоминать об этой ночи, хотя бы как о страшном сне, в котором ты, свободная птица, была невольницей и едва не погибла в горах?..

Табасх взял птицу в руки и медленно вышел из грота. Пройдя несколько шагов, он положил птицу на камень и отошел в сторону. Облокотившись на каменную гряду, Табасх заглянул вниз, на еле заметную тропу, что вилась по ущелью.

Да, уже несколько дней никто не проезжал и не проходил здесь, кроме огирского купца с целым отрядом охраны. Хитрый купец решил пройти малоизвестной тропой в надежде избежать грабежа. Если ему это удастся, если купец выберется в Замору живым, он будет очень удивлен, заглянув в сумки, которые берег в пути пуще глаза. Табасх не удержался от съедавшего его желания хоть чем-нибудь насолить упитанному настороженному бородачу. Вряд ли плоские камешки, куски глины и мелкие осколки щебня покажутся купцу достойной заменой слиткам золота.

Само же золото Табасх скинул в пропасть, оставив лишь слиток размером с кошачью голову. Его он бросил на дно горного родника. И пусть повезет тому, кто его найдет.

За его спиной послышался хлопок.

Табасх обернулся. Крупная белая чайка стояла на камне, с удивлением глядя на него.

— Как ты себя чувствуешь, Ганда? — поинтересовался Табасх с грустной улыбкой.

Чайка гаркнула, взлетела и унеслась прочь. Не один день пути предстоит ей, прежде чем она достигнет берегов моря Вилайет. И никогда больше в ее птичью головку не придет мысль о том, что она когда-то действительно была соблазнительной девушкой.

Оставшись один, Табасх совсем загрустил. Четыре года скитаний сделали его привычным к одиночеству. И встречи с людьми только выбивали его из колеи. Он приносил людям несчастья, да и ему самому люди доставляли только лишние проблемы. Но он так хотел стать одним из них. Он мечтал в один прекрасный день выйти к людям, и чтобы никто не заподозрил в нем того, кем он был на самом деле. Он хотел исходить вдоль и поперек землю, завести друзей и сразиться с врагами, благо в последних недостатка не бывает никогда. Стоит лишь пройти поперек многолюдного места и наступить на ногу подвыпившему мужлану, и нескучное времяпрепровождение обеспечено. Он хотел бы любить красивых женщин, таких, как Ганда.

Но пока он все еще тот, кем рожден, а значит, ему надлежит прятаться от людей и искать путь к избавлению. Путь этот он знал, и не зря пришел в Серое ущелье Кофских гор. Пока он жив и помнит о том, кто он такой, у него есть надежда на лучшее. А без такой надежды нет смысла жить никому, человек ты или нелюдь.

Проводив взглядом чайку, с криком исчезнувшую в ночном небе, Табасх уже хотел вернуться к костру, но отдаленный стук копыт задержал его у каменной гряды. Когда звук приблизился настолько, что Табасх смог различить, сколько именно лошадей бредет по тропе, он решил остаться и подождать, посмотреть, как маленький отряд проедет мимо.

Темнота была уже почти полной, но зоркие глаза Табасха различили и знатного воина, возглавляющего отряд, и солдат, замыкающих процессию. И девушку с волнистыми и очень густыми волосами, которые она убрала с лица, перевязав их лентой. Ему показалась, что девушка еще очень юна и очень красива. А уж если что он и смог сказать определенно, так это то, что двое солдат, один из которых был довольно молод и подвижен, а второй, пожилой, крайне нетороплив, просто источали вокруг себя какое-то черное напряжение. Табасх почувствовал такие знакомые ему по прежним встречам с людьми волны необузданной алчности и похоти, злобы и зависти. И тревога шевельнулась в его душе. Он не хотел, чтобы рядом с его тихим горным пристанищем развернулась какая-нибудь трагедия. На сегодня ему уже хватило и Ганды.

Вспомнив о ней, Табасх совсем опечалился. Если уж на то пошло, не худо было бы и спросить девушку, что ей больше по нраву: умереть человеком или окончить дни чайкой.

Что ж, теперь поздно было сожалеть об этом. Табасх еще раз взглянул на то, как, повинувшись приказу командира, солдаты начинают разбивать лагерь на ночь, и медленно побрел обратно в грот.

* * *

Отказавшись от еды и от вина, Карела уединилась и теперь молча лежала в своей палатке. Полог был чуть приоткрыт, и она хорошо видела Эльриса, сидящего у костра. Ни словом не перемолвилась она с ним. Во-первых, потому что он снова попытался подать ей руку, когда она слезала с лошади, и, во-вторых, потому, что спросил, не желает ли она оставить на ночь в палатке зажженный светильник. Он вообразил, видите ли, что ей страшно! Подумать только, что за мысли посещают его благородную голову! Правду сказал Бриан, индюк — он и есть индюк!

А между тем, Кареле было страшновато. Или нет, скорее неспокойно. Уж больно непохожи были слова Бриана на пустую нудную болтовню. Бриан был известен в гарнизоне Клоруса и своей редкостной жадностью, и охотой до женщин. И ни в первом, ни во втором не знал удержу. Оставалось только удивляться, почему он до сих пор был в наемниках, а не разбойничал на большой дороге. Самое ему место там. Неизвестно, задумал ли он дурное, но опасаться его, конечно, следовало.

А посему Карела лежала под своим плащом, вынув кинжал из ножен и положив его рядом по правую руку. Ей не хотелось, чтобы что-нибудь застало ее врасплох.

Она любила своего отца, но никак не могла ни понять, ни простить ему его последней воли. Ну что ей делать в Шадизаре, в компании с престарелой теткой?

Она всегда мнила себя вольной и решительной. Она считала, что готова к тому, чтобы

взять в собственные руки свою судьбу. Ну и что, если она женщина? Ну и что с того, что молода? Велика ли беда в том, что мускулы, хоть и крепкие, слабее, чем у Эльриса и Бриана? Кроме грубой силы есть у Карелы многое другое. А если чего нет — наживем! Так думала Карела.

Пусть кто-нибудь попробует остановить ее, если ей чего-нибудь захочется! Она взрослая с открытыми глазами и представляла, из чего состоит мир, окружавший ее. Карела быстро поняла, что нигде ни в грош не ставилась человеческая жизнь, которую отдавали и брали в обмен за минутные удовольствия или за подлинные, а то и за мифические богатства.

Здесь невозможно было отыскать хоть что-нибудь, чему стоило бы отиться, забыв себя. Мало что значили слова о любви, привязанности, преданности и чести. Возможно, такие вещи и существовали, но на глаза Кареле они пока не попадались. И она уже твердо знала, что мир переделке не подлежит.

И если мысли Карелы о ее способности противостоять жизненным трудностям в одиночку были, возможно, несколько наивными, ее решение принять правила игры было далеко от наивности и говорило о том, что в голове у юной красавицы не мякина.

И Карела была готова к тому, что нужно быть твердой и независимой. Для себя она давно решила, что никто не заставит ее делать то, что ей не по нраву. И вдруг... Этот бессмысленный переход в чужую страну, где ее не может ждать ничего хорошего. Ну, если она, конечно, прибудет на место. А в последнем она сильно сомневалась. Темная тень упала на палатку. Карела замерла и напряглась. Это Бриан бесшумно прошел мимо и присел рядом с офицером.

— Клянусь Митрой, господин Эльрис, нечего тебе сидеть всю ночь да плятиться на огонь. Места здесь тихие и безобидные, зверья и то нет, — буркнул он, зевая.

— Иди да спи, Бриан, сменишь меня под утро, — угрюмо ответил Эльрис. Видимо, он решил исполнять свой долг до конца. Еще бы, добро, которое он берег в дороге, он почитал уже наполовину своим.

Карела знала, что отец перед смертью написал письмо своей сестре в Шадизар, где заявил, что не будет против, если Эльрис попросит руки Карелы. Не забыть бы выкрасть да уничтожить письмо, подумала вскользь девушка.

— Под утро Мусто уже высится да и сменит дежурного, — неторопливо возразил Бриан. — Иди отдыхать, высокородный, а я посижу, погляжу по сторонам.

Эльрис встал и, отойдя всего на несколько шагов, опустился среди сложенных тюков. Сняв плащ, он ослабил ремни, стягивающие на нем легкие доспехи, и улегся, накрывшись плащом.

Да, он действительно болван! Как можно было так слепо доверять такому прохиндею, как этот Бриан?! Карела негодовала! А если бы она была такой, какой Эльрис мечтает видеть свою жену — тихой да бессловесной мышкой, беспомощной и жалкой? Если бы она вверила себя, свою жизнь и честь этому самоуверенному человеку? Но, благодаря богам, Карела не такая! И если Эльрис вlipнет в историю, пусть пеняет на себя!

Воцарилась тишина. Только еле слышно потрескивал костер, да временами где-то в вышине гортанно и жалобно, словно плача, кричала одинокая чайка, невесть как попавшая в эти горные земли.

Усталость все-таки давала о себе знать, и Карела незаметно для себя задремала. Однако ушко ее сразу же уловило еле слышные звуки, и, открыв глаза, она увидела Бриана и Мусто, стоявших у костра в полный рост. Они ничего не говорили друг другу, только обменивались

жестами. В руке Бриан держал короткий узкий кинжал, а у Мусто из кармана торчал моток пеньковой веревки.

Бриан махнул Мусто рукой, указывая на палатку Карелы, а сам осторожно, стараясь не зашуметь, двинулся к спящему неподалеку офицеру.

Карела стиснула рукоятку своего кинжала, откинула укрывающий ее плащ и повернулась на правый бок, готовая стремительным выпадом поразить того, кто подойдет к ней сзади.

Зашуршала ткань полога. Огромная тень Мусто пролегла в палатке. Карела слышала, как колотилось ее сердце, стремясь вырваться из груди. Но толстокожий недалекий Мусто не мог ни слышать, ни вообразить себе, что его уже ждут. Как только рука солдата легко коснулась ее плеча, Карела слегка шевельнулась и сонным голосом забормотала что-то.

— Госпожа Карела! — Старик потряс ее за плечо. Он рассчитывал, что разморенная сном девушка развернется к нему, и он без труда свяжет ее. Ха! Ну-ну...

Карела начала поворачиваться и... нанесла удар со всей своей силой!

Но то, что она действовала только на слух, подвело ее. Кинжал вонзился Мусто не в грудь, как она рассчитывала, а всего лишь в руку между плечом и локтем. Тем не менее солдат заревел от неожиданной боли, присел — и Карела толчком ноги опрокинула его на спину, одновременно извлекая из руки Мусто свое оружие.

Грязно ругаясь, Мусто сразу же принялася вставать.

Отскочив назад, Карела поняла, что даже с пожилым раненым солдатом она может и не справиться. Вонзив кинжал в ткань палатки, она сделала два быстрых надреза и в прыжке юркнула в образовавшуюся щель в тот самый момент, когда Мусто был уже на ногах и собирался схватить ее за лодыжку.

Больно шлепнувшись на землю, девушка постаралась побыстрее вскочить и рванулась прочь, закричав пронзительно:

— Эльрис! Эльрис, проснись!

Но ответом ей был громкий вскрик от костра, стон и возня вперемешку с отвратительной руганью солдат.

— Эльрис! — крикнула она еще раз, в надежде, что офицер отзовется, и сразу же поняла, что совершила глупейшую ошибку.

Эльрис-то, скорее всего, был уже мертв, а Кареле удалось укрыться в густой темноте ущелья, где за десять шагов от костра невозможно было разглядеть человека. И если бы не подала она голоса, солдаты долго бы искали ее, и наверняка ей удалось бы тихо и незаметно удрать на безопасное расстояние. Но увы!

Оба охотника до легких денег и женщин сразу же сориентировались, и Карела увидела, как от костра в ее сторону двигаются два силуэта.

Она бросилась бежать, но почти сразу же поняла, что на тропе она будет схвачена через минуту. И тогда даже ленивый Мусто, разгневанный своей раной, не упустит случая отыграться на ней.

И девушка метнулась к скалам. Почти прилипнув к горной гряде, она быстро передвигалась вдоль нее на ощупь, пытаясь найти хоть какую-нибудь мелкую расщелину, куда можно было спрятаться, или тропку, что позволит подняться вверх по склону.

Когда ее рука вдруг сорвалась с гряды, и она упала на камни, раздирая колени и локти, Карела поняла, что нашла как раз то, что искала. Стараясь не выдать себя ни единственным стоном или громким вздохом, девушка стала карабкаться по обнаруженной расщелине вверх.

Но мелкие камешки с тихим шуршанием посыпались из-под подметок ее низких

сапожек, и оба преследователя с ревом и воплями бросились за ней.

Карела старалась быть проворнее их, но кинжал в руке мешал ей цепляться за скалы. Она убрала кинжал в ножны и потратила на это такое драгоценное в ее положении мгновение. Голоса солдат были уже близко. Настолько близко, что они вряд ли теперь потеряют девушку из вида.

Расщелина вывела ее на странную плоскую площадку. Глядя снизу, с тропы, никто бы и не догадался, что здесь вдоль горной гряды кем-то проложена целая дорога.

Карела побежала по ней, слыша сзади уже не голоса, а только тяжелое, сбивчивое дыхание своих преследователей. Она с неожиданным злорадством подумала, что спокойная гарнизонная жизнь, обжорство да распутство не очень-то способствуют поддержанию хорошей формы. Подъем вымотал обоих солдат так, что они уже и словом не могли перемолвиться друг с другом... Но тут же Карела с ужасом поняла, что несмотря на очевидную усталость двое бандитов неумолимо приближаются к ней.

Заметив слева от себя черноту какого-то проема, Карела поспешила туда и замерла за скалой. Вцепившись зубами в собственную руку, чтобы заглушить хриплое дыхание, она смотрела на остановившихся в растерянности солдат.

Напряженный, как сжатая пружина, Бриан вертелся из стороны в сторону, ища беглянку, а старый Мусто стоял, сгорбившись, и зажимал рукой рану на плече.

— Где эта стерва? — процедил Мусто. — Ты видишь ее?

— Погоди, погоди, братец. Никуда ей не деться. Заплатит она и за переполох, и за твою рану! Тут она где-то.

Карела протянула руку к ножам и медленно вытащила кинжал.

Убьют, непременно убьют, подумала она. Не найдут ее ночью, так отыщут с рассветом.

Неожиданно откуда-то сзади потянуло дымком костра. И прямо из-за спины Карелы стал постепенно разгораться свет. И не только затаившаяся девушка почувствовала это сразу же, но и Бриан тут же зашмыгал носом:

— Дым!.. И свет! Неужели девчонка, прах ее побери?! А ну-ка, проверим!

Они двинулись прямо на Карелу, и в разгорающемся свете сразу же заметили силуэт девушки, в ужасе прижавшейся к скале.

— Ага! Вот и птичка-невеличка! — злобно и плотоядно пропел Бриан. Карела уже видела, как блестят его глаза, как ухмыляется в кривой улыбке белозубый рот!

Она попятилась. Сзади потянуло теплом. Свет залил пространство огромного грота, пребывавшего за минуту до этого в полной темноте. Кареле некогда было задуматься о том, что там, позади нее, кто разжег костер, и не будет ли для нее это место еще большим злом, попасть в лапы которому не приятнее, чем к двум разъяренным насильникам.

Продолжая пятиться, Карела споткнулась о задравшийся край войлочной подстилки и упала на спину. Подняв к лицу руку с кинжалом, она уставилась на оскалившегося Бриана и перекошенного от боли Мусто, которые в зловещем молчании приближались к ней.

ГЛАВА 2

Табасх сам не понял, что заставило его снова вернуться в оставленный им грот. Он принял решение немедленно уйти и даже сделал это. Просто ему стало вдруг ясно, что вернуться надо. С ним часто случалось такое: он начинал чувствовать необходимость того или иного поступка без всяких на то объяснений. Некое знамение свыше всегда виделось ему в подобного рода предчувствиях, поэтому Табасх обычно безропотно подчинялся им. Вот и сейчас он с готовностью повернулся обратно.

Слышал он и шум, и крики внизу, и даже подозревал ссору или того хуже — драку. Все, что происходило у людей, совершенно его не касалось. Но это всегда было ему интересно. Эта была часть того мира, куда он стремился. Из шума, криков, склок и кровавых стычек и состоял целиком мир людей.

Может быть поэтому, а возможно и по какой-то иной неизвестной причине Табасх вернулся. Он чувствовал, что в оставленном им гроте готово вот-вот произойти нечто ужасное. Издалека он проследил за тем, как стремительная женская фигурка промчалась вдоль каменной гряды, заслонявшей вход в его покинутое только что убежище. Следом за ней, пыхтя и переругиваясь, пробежали двое дюжих мужчин.

Табасху стали очевидны их намерения. Женщина пыталась скрыться от преследователей, а те были полны решимости схватить ее.

И Табасх оживил потущенный им самим костер в гроте — для него это было проще простого. Он почувствовал потянувшийся запах дыма. И когда вся троица скрылась внутри грота, Табасх поспешил туда. Место прелюбопытнейшего зрелища было им подготовлено, и действующие лица были на месте.

Прокравшись бесшумно и незаметно, он спрятался за выступом скалы у самого входа. Он увидел именно то, что ожидал.

За широкими спинами двух солдат, у самого костра на оставленной Табасхом подстилке лежала женщина. Ее чуть раскосые зеленые глаза горели гневным огнем. Опираясь на локоть левой руки, в правой она грозно зажала небольшой кинжал. Тонкие пальчики от напряжения стали белыми, как алебастр. Сжатые губки вздрагивали с каждым шагом солдат. Плечи девушки были обернуты широким и длинным куском превосходной шерстяной материи, выкрашенной в густо-зеленый цвет. Ткань растрепалась, развернулась, обнажая великолепную пышную грудь, а темно-коричневые просторные шаровары, заправленные в короткие узкие сапожки, были покрыты пылью. Лента, которую Табасх заметил на ней прежде, была, видимо, потеряна, и густые и блестящие огненно-каштановые волосы раскинулись по войлочной подстилке.

Табасх был просто ослеплен необычайной броской красотой девушки, которой, судя по всему, едва ли исполнилось семнадцать. Два необузданых преследователя, несомненно, нагнали на нее смертельный ужас. Но решимость и самообладание, с какими девушка пыталась его преодолеть, заслуживали самого искреннего восхищения!

Мужчины разделились, обходя девушку с разных сторон. Видно, кинжалчик в ее руках чего-нибудь да стоил. Не зря же куртка и штаны пожилого колченогого солдата, старающегося не отстать от своего молодого приятеля, были обильно залиты кровью.

Девушка стремительно переводила взгляд с одного солдата на другого и бледнела с каждой секундой. Мужчины одновременно бросились к ней с разных сторон.

Она отчаянно брыкалась и извивалась в их руках. Прежде чем молодой солдат поймал ее запястье и грубо, едва не сломав ей руку, выкрутил его и отобрал кинжал, она успела пару раз полоснуть им по плечу нападавшего и, кажется, рассекла ему правое ухо... Но через несколько секунд она была уже распластана на войлоке, а затем ее перевернули на живот и связали за спиной локти.

Оба солдата отвратительно и без умолку поливали ее руганью, но она молчала даже тогда, когда молодой принял саскивать с нее шаровары, только попыталась укусить руку раненого старика, намотавшего на кулак ее волосы, да лягнула в грудь того, кто ее раздевал.

Табасх уже знал, что непременно вмешается, но он не торопился. Нагота рыжей красавицы показалась ему настолько пленительной, что, стоя в своем укрытии, Табасх не мог оторвать глаз от свежей тугой груди, так призывающе вздыхающей в такт учащенному дыханию, от бархатных белоснежных бедер, что никак не хотели покориться грубости насильников. Двоих солдат было явно недостаточно, чтобы силой заставить девушку лежать спокойно. Мускулы крепкого женского тела не могли сбросить цепкие руки мужчин, но красавица не переставала отчаянно сопротивляться.

Табасх смотрел на девушку, словно зачарованный. И созерцание судорожных рывков такого соблазнительного обнаженного юного тела сделало свое дело. Сильное желание охватило Табасха. Вцепившись в выступ камня, он напрасно старался подавить его. И вот уже привычное покалывание во всем теле подтвердило, что его усилия совершенно тщетны. Юная красавица с такой силой разожгла его собственный огонь, что сдерживаться больше Табасх не смог. Он вышел из своего укрытия.

Его лохматые, покрывшиеся вдруг шерстью руки и ноги зачесались. Табасх почувствовал, как увеличиваются в размерах его глазные яблоки, вылезая из глазниц, как распухает и не вмещается больше во рту язык, вываливаясь через расплывшиеся вдруг губы.

Возня на войлоке не прекращалась. Сопротивление рыжей девушки все еще было достаточно упорным. Ее приходилось сдерживать в четыре руки, и у молодого солдата не было даже времени на то, чтобы раздеться самому. Изрядно подустав корчить из себя дамского угодника — в его понимании, — он размахнулся и ударил свою упрямую жертву. Девушка вздрогнула и, устремив на насильника сухие от ненависти и гнева глаза, плонула ему в лицо. Взревев от негодования, он размахнулся для второго удара, но тут взгляд девушки упал на медленно приближающегося Табасха.

Большие зеленые глаза и вовсе округлились и стали, как два блюдца. Девушка истощенно закричала.

Такого крика Табасху еще не приходилось слышать. От вопля ему заложило уши, и он остановился. Сначала Табасх даже не понял, что именно поразило его, и только потом осознал: да, девушка кричала, как никто еще не кричал. Но при этом она не собиралась ни падать в обморок, ни прятаться, ни бежать. А такая возможность у нее появилась: раненый солдат, увидев, что именно приближается к ним от входа в грот, сразу же выпустил плечи и волосы девушки, а она тут же скинула с рук ослабшую в борьбе веревку.

Молодой светловолосый насильник обернулся, от увиденного челюсть его отвисла, глаза остекленели. О своей жертве он совершенно позабыл.

К удивлению Табасха, старик опомнился раньше, и, не вполне, видимо, понимая, что делает, набросился на Табасха. Подосадовав вскользь на то, что приходится поступать именно так, Табасх схватил руки старика своими мохнатыми лапами и резко притянул человека к себе. Он увидел полные беспросветного страха выщербленные глаза на морщинистом

лице и легонько боднул человека в лоб. Хруст шейных позвонков возвестил о том, что старик больше не причинит беспокойства. Отбросив в сторону труп, Табасх повернулся к светловолосому солдату.

Новая неожиданность ждала Табасха. Мужчина лежал на войлоке, неловко запрокинувшись и закатив глаза так, что из-под полуприкрытых век виднелись одни налитые кровью белки. Два пореза на плече и мочка правого уха кровоточили, но больше никаких повреждений не было. Табасх в изумлении уставился на солдата, гадая, что бы могло значить это неожиданное поведение сильного крепкого мужчины.

Табасх вздохнул и перевел дыхание. Он почувствовал, что снова приходит в норму. Тело снова зачесалось, кожа стала гладкой, и все органы приняли свои привычные размеры.

Он взглянул на девушку. Она сидела, поджав ноги и закрыв лицо ладонями. Табасх шагнул к ней и присел напротив. В полной тишине прошло несколько минут. Табасх ждал.

Девушка по-прежнему не шевелилась и сидела так тихо, что он не слышал даже ее дыхания. Наконец на ладони правой руки, плотно прижатой к лицу, слегка раздвинулись тонкие белые пальчики, и зеленый глаз выглянул из своего ненадежного укрытия. Глаз уставился на Табасха и широко раскрылся, куда шире, чем даже прежде, когда преображеный Табасх выбрался из-за своей скалы.

Девушка медленно отвела руки от лица и провела языком по пересохшим губам:

— Одна Иштар ведает, что мне привиделось! — прошептала она и посмотрела вокруг. — Неужели ты один отправил этих двоих мерзавцев в гости к Нергалу?! — В ее голосе прозвучало восхищение. — И голыми руками?

— Не совсем голыми, — уклончиво ответил Табасх и, подобрав с подстилки шаровары и зеленую шерстяную ткань, передал девушка — Хотя здесь и не холодно, тебе, возможно, хочется одеться.

Вez всякого стеснения девушка поднялась на ноги и стала одеваться Табасх отвел глаза, но не из ложного приличия. Ему хотелось смотреть на ее обнаженное тело бесконечно. Но он внезапно испугался, что снова не сможет взять себя в руки.

Девушка невозмутимо затянула шнурок шаровар и стала наматывать на плечи зеленую шерсть. Делала она это неспешно и довольно мастерски. Когда Табасх снова взглянул на нее, ее глаза уже горели каким-то новым огнем. Возможно, виной этому был зеленый цвет ее шерстяной накидки, который невероятно шел ей.

— Признаться, я думала, что мне конец, — произнесла она и с яростью пнула ногой труп старика. — А отец имел глупость хорошо отзываться об этом негодяе!

Она подошла к своему кинжалу, что лежал в стороне от костра, и вернула его обратно в ножны на поясе.

Наконец она взглянула на Табасха и испытующе изучила его с головы до ног.

— Ты не похож на воина, — уверенно сказала она. — Ты вообще ни на кого не похож. Кто ты такой?

— Меня зовут Табасх, — ответил он. — Я просто странник.

— Просто странник, которому есть дело до чужих проблем? — удивилась девушка. Было ясно, что ответ Табасха ее не устроил. — По-моему, простых странников вообще не бывает, а если и бывают, то они никому не ломают шеи. Любопытно, из каких краев привела тебя сюда сиятельная Иштар?

Табасх хотел ответить, что если кто-то и вел его сюда, то уж никак не Иштар. Хоть внешность Табасха и выдавала в нем южанина, к этой достойной и почитаемой многими

народами богине он не имел никакого отношения Но Табасх смолчал и только пожал плечами:

— Какая разница, откуда? Главное, что я оказался в нужное время в нужном месте, что обычно мне редко удается. Мне показалось, что эти двое зажились на этом свете.

— Ты прав, клянусь Иштар! — Глаза девушки сверкнули. — Не скажу, что твое вмешательство было лишним!

Она принялась плести свои непослушные волосы в толстый жгут и просунула его на спине под свою зеленую накидку.

— Между прочим, — спохватилась девушка. — Меня зовут Карела.

— Я запомню, — сдержанно отозвался Табасх, хотя имя необычной девушки музыкой зазвучало под сводами грота.

— Послушай, а что мы будем делать с этим гнилым дерьямом? — неожиданно резко спросила Карела. — Бросим здесь?

— Не стоит, — улыбнулся Табасх. — Зачем захламлять такой удобный грот, который послужит хорошим ночлегом еще не одному пилигриму? Дерьму самое место на дне пропасти.

— Ну да, — согласно вздохнула Карела. — Вот только руки морить...

— Зачем морить? — удивился Табасх и кивнул в сторону, где у стены валялся забытый им небольшой мешочек: — Положим этих крыс сюда и выбросим в пропасть.

— Да в такой мешок даже один вонючий сапог Бриана и то едва влезет, — разочарованно протянула Карела, разглядев брошенную вещь.

Пока она оглядывалась назад и изучала мешок, Табасх пробормотал заклинание. А когда девушка снова посмотрела на него, на этот раз укоризненно, он опять улыбнулся:

— Ты не права. Они обе туда прекрасно поместятся!

— Обе? Обе кто? — опешила Карела.

— Обе крысы, — пояснил Табасх.

В гроте уже не было трупов. Только одежда лежала на тех местах, где только что были солдаты, причем в тех же самых позах, в которых тела находились за мгновение перед тем, как исчезли. Остолбеневшая Карела только тихо охнула и отпрянула назад, в смятении глядя на одежду солдат.

Табасх встал и, порывшись в тряпках старика, вытащил оттуда за хвост крупную коричневую с проседью дохлую крысу с окровавленной передней лапой и свернутой шеей.

— Окажи любезность, подай мешок, — попросил Табасх.

Не отрывая взгляда от крысы, Карела принялась шарить за спиной. Нащупав мешок, она встряхнула его, расправляя, и протянула Табасху. Табасх бросил крысу на дно мешка и, скомкав тряпки, сунул их туда же. Он старался не смотреть на Карелу. Девушка была перепугана, но молчала и даже не задавала вопросов. Он уже собрался заняться второй грудой одежды, но Карела неожиданно опередила его. Она подползла к месту, где распластались куртка и штаны молодого солдата, и запустила руку внутрь.

С гадливой гримаской она вытащила за хвост белую толстую крысу с лоснящейся шкурой и с разрезанным обвисшим ухом. Держа ее на вытянутой руке, Карела медленно стала поворачиваться к Табасху, подставившему раскрытый мешок. Но крыса неожиданно дернулась и взмыкнула лапами.

— Ой! — взвизгнула Карела, выпустив крысиный хвост из пальцев и отскакивая в сторону с проворством горной козочки. — Ой, Табасх, она еще жива!!!

Ударившись о землю, крыса забила лапками, задергалась, перевернулась и заметалась по пещере. Через мгновение, найдя наконец-то выход, животное стремительно выскочило наружу.

— Ты боишься крыс? — изумился Табасх. — Ты?

— Я... Да... Нет... — замялась Карела. Она разумянилась от возбуждения. Ее попытка исправить свой промах была очаровательна. Она резко взорвала. — Я не боюсь! Нет, правда, я не боюсь, просто я не ожидала, что она подскочит у меня в руках! Уж не думаешь же ты, что я боюсь каких-то крыс?!

— Ни в коем случае! — твердо ответил Табасх. — Пока я думаю лишь о том, что она убежала.

— Кто, Бриан? — уточнила Карела, приводя в порядок растрепавшиеся волосы.

— Крыса. Брианом ему уже не быть никогда, — пояснил Табасх, сгребая и засовывая в мешок одежду.

— Он это заслужил. Пусть теперь побегает на четырех лапах! — назидательно сказала девушка. — А ты» Может быть, ты объяснишь, как ты это делаешь?

Ее глаза светились настороженным любопытством. Не ускользнуло от глаз Табасха и то, что Карела передвинула ножны на поясе так, чтобы кинжал был всегда под рукой.

Он замешкался с ответом, не зная, как ему заговорить обо всем, а прежде всего, стоит ли ему это делать.

Неожиданный шорох и стон совсем рядом заставил из обоих вскочить на ноги. Карела немедленно выхватила кинжал. Табасх сделал ей предупреждающий знак и уже хотел сам пойти и посмотреть, в чем там дело, но в ту же секунду из темного проема вывалился и упал, раскинув руки, окровавленный человек в разодранной куртке и грязных штанах. Его белесые волосы и темная бородка тоже были в крови. В правой руке он крепко сжимал меч.

Табасх остановился над ним в нерешительности, но удивленный голос Карелы прервал его размышления.

— Эльрис? — изумленно прошептала девушка и бросилась к бездыханному телу мужчины. — Как же ты добрался сюда, Эльрис?!

* * *

В бронзовой чеканной чаше, изготовленной в виде черепа, курились благовония, наполняя горный храм диковинными ароматами. Возможно, это была всего лишь иллюзия, но Михар казалось, что здесь привычные ей запахи ощущаются сильнее, опьяняют, сводят с ума.

Небольшой костер был со знанием дела сложен рядом с войлочной подстилкой. Легкий дымок поднимался вверх и терялся где-то в темноте неровных каменных сводов. Пространство пещеры было слишком велико, чтобы дым всего одного костра мог затруднить дыхание Михар.

Молодая женщина уже сняла свою запыленную дорожную одежду. Теперь на ней была всего лишь одна обычная короткая юбка на узком жемчужном поясе. Сидя на расстеленном войлоке, Михар медленно расчесывала костяным гребнем прямые черные волосы, разглядывая себя в овальное зеркало, прислоненное к ларцу.

Зрелище не доставляло ей удовольствия. Узкое лицо, острые скулы, глубоко запавшие

глаза и необычно густые черные брови огрубляли ее лицо, а иссиня-черные волосы делали его еще более мрачным и строгим. С тоской и сожалением бросала Михар удрученные взгляды на свое отражение. Не на что было там посмотреть: выпирающие ключицы, плоская грудь, по которой никогда не скользили иные взгляды, кроме равнодушных.

О, как злилась она на богов, обделивших ее своими милостями! Она была женщиной, и не обычной смертной, а чародейкой, овладевшей секретами магии в еще большей степени, чем ее мать! Но этого ей было мало! Она хотела пленять, она хотела сводить с ума всех! Мужчины должны были желать ее, лишь однажды увидев, а женщины — терять рассудок от зависти!

Однако ни те, ни другие не торопились осуществлять тайную мечту Михар. Это была мечта обозлившейся ущербной женщины, но Михар скорее умерла бы, чем призналась себе в этом. Мечта привела ее сюда, в горы Кофа. Теперь у нее появилась надежда. Теперь она могла начать действовать.

Ей предстояла задача еще более сложная, чем поиск горного храма. Жертвой заклятия Деркэто пал не только незадачливый возлюбленный могущественной богини, чары заклятия лежали не только на каменном изваянии и небольшой сабле.

Михар покосилась на изваяние и невольно содрогнулась. Какая мощь чувствуется в этом каменном теле! И какова была та сила, что одолела его! Михар получит ее, непременно получит. Но для этого придется потрудиться. Прежде всего, отыскать Табасха.

С досадой подумала Михар о том, что плохо представляет себе, где ей искать брата. Он всегда был себе на уме, пропадал где вздумается, а исчезнув четыре года назад, домой больше не вернулся.

Она чувствовала, что рано или поздно Табасх придет сюда в храм Деркэто, потому что и он тоже привязан заклятьем к этому месту. Но такой расклад не устраивал Михар, ей решительно не подходил вариант «поздно». Табасха нужно было привести сюда немедленно, потому что только его руки могут коснуться заветной сабли Деркэто, и только он должен вложить ее в ладонь каменного гиганта. Табасх знал об этом. И знал о том, что может за этим последовать. И конечно же, он не горел желанием делать что-либо, что было на руку Михар. В горном храме был у него свой интерес, только здесь мог Табасх исполнить какую-то другую часть заклятия, в точности неизвестную даже самой Михар.

Михар с неприязнью подумала о матери, которая так и не рассказала никому из детей всей правды. Дочери она поведала о том, как может женщина стать новым земным воплощением Деркэто, ее силы и ее мести А сыну она рассказала о том, как он может освободиться от проклятия богини. Догадывайся теперь, что может выкинуть сумасброд Табасх. Он поистине одержим желанием стать человеком, и теперь он наверняка где-то поблизости.

Что ж, если набраться терпения, все получится. И мечта Михар того стоит. Она лелеяла свою мечту, как ребенка. Многих могущественных женщин в разных уголках мира повидала она. Были среди них и богатые знатные дамы, в ногах которых валялись мужчины, прельщеные их богатством. Были очаровательные и соблазнительные невольницы-куртизанки, вертевшие своими сюзеренами, словно прислугой, и влияющие на ход войн и на капризы правосудия. Встречались Михар и дерзкие вольные женщины, поставившие себя вне закона везде, где бы они ни появлялись, перед которыми трепетали лихие люди.

Богатство не интересовало Михар. Она могла бы стать богатой немедленно, если бы только захотела этого. Многие тайные обряды, позволяющие это сделать, были известны ей

еще от матери. Но богатство для многих, а если посмотреть глубже, то и для всех — лишь инструмент, быстрее прочих прокладывающий дорогу к власти.

Именно к власти стремятся те, кто дает волю своей неуемной алчности и не интересуется вроде бы ничем иным, кроме богатства. Чужая зависть для них — живое воплощение их власти в этом мире.

Не такой власти и силы жаждала Михар. Она хотела стать совершенством, способным жестоко мстить тем, кто отвергал и презирал ее тогда, когда она была костлявой смуглой худышкой... Конечно, она и сейчас была вполне способна на месть, но насытить на людей тайные напасти — это было совсем не то! А стать всесильным воплощением богини любви и страсти — это означало конец всем ее страданиям. Теперь она будет нести проклятье и муки, в первую очередь мужчинам. Всем без исключения. Так завещала Деркэто своей восприемнице. А уж она знала толк в мужчинах и знала, чего заслуживает подавляющее большинство из них.

С гневом и яростью взглянула Михар на каменного истукана. С какой радостью она будет наблюдать за тем, как этот негодяй воскреснет и умрет снова! И если бы она могла, она бесконечно повторяла бы это, каждый раз с наслаждением вслушиваясь в его мольбы об избавлении!

Легкое шуршание отвлекло ее внимание. Обернувшись, Михар увидела своего четвероногого любимца, который вбежал в пещеру, таща в зубах что-то большое и белое...

— Филон, что за гадость ты принес! — возмутилась она и поманила кота: — А ну, киска, иди-ка сюда, иди к Михар. Кис-кис...

Кот нерешительно замялся на месте, не зная, куда кинуться. Расставаться с добычей он не хотел. Но Михар быстро подбежала к нему и отобрала у него крупную белую крысу. Шкурка животного была испачкана и взлохмачена, порозовела от крови. Красные глазки крысы остекленели и казались мертвыми.

— Да где ж ты ее нашел, Фипон? — удивилась Михар. Она не могла, конечно, знать всю живность, что водится в горах, но никогда не слышала о том, чтобы в таких местах водились белые крысы, да еще такие упитанные, словно животное только что сбежало из золотой клетки в богатом доме, где дети держали крысу из прихоти.

Она взяла ее в руку и сразу же почувствовала сердцебиение животного. Фипон не додумал свою добычу. Да какая разница, в конце концов, чем решил позабавиться кот. Михар уже хотела вернуть коту его ужин, но странное покалывание в ладони, на которой лежала крыса, остановило ее.

Михар положила крысу на колени и потрясла рукой. Когда покалывание прошло, она снова взяла животное в руки... Точно! Покалывание снова заявило о себе, и на этот раз почти сразу же.

Ох, как хорошо было знакомо Михар это ощущение! Она сразу же вспомнила, как в детстве побегала к огромной чаше с фруктами и хватала какое-нибудь лакомство. И как множеством иголок начинало колоть ей руку, и с каждой секундой все сильнее и сильнее, пока она с криком не выпускала из рук персик или гроздь винограда. Но не успев долететь до пола, фрукт превращался в птицу, и, ошелев от вновь обретенной свободы, птица начинала метаться по залу или по галерее, пока не находила путь на волю! Михар вопила от испуга и обиды, а из-за какой-нибудь колонны за ее негодованием с веселой издевкой наблюдали маленькие темные глазенки, которые она готова была тут же выщапать, если бы мать не вступалась за своего любимчика. С малолетства братишко был мастер на такие

фокусы, которые самой Михар давались не всегда и с трудом.

И сейчас, держа на ладони полуодохлую крысу, Михар безошибочно определила — крыса отнюдь не коренная жительница Кофских гор. Она — очередная жертва изощренных проказ Табасха, этого маленького ублюдка. Хотя, не такого уж и маленького. Табасх был моложе Михар всего на шесть лет, а значит, сейчас он уже достаточно взрослый мальчик. Только продолжает развлекаться все в том же духе.

Михар отшвырнула от себя крысу, потому что вибрация плоти на ладони вдруг настолько усилилась, что женщине показалось, будто мышцы сейчас начнут отслаиваться от костей...

Она вдруг счастливо рассмеялась, несмотря на боль в руке. Если Фипон так быстро поймал и притащил сюда эту гадкую тварь, значит, Табасх совсем рядом! И возможно, если прокричать его имя с верхушки горной гряды, горный ветер, путешествующий по отрогам самыми причудливыми тропками, донесет зов до ушей этого ублюдка. Но вот беда, Михар не знала то имя своего брата, которое было ей необходимо. И ни осталось на земле ни одного человека, кто знал бы его...

— Ничего страшного! Деркэто привела меня сюда и дала мне знать, что Табасх близко! Значит, она решила не лишать меня своей милости, — твердо сказала Михар и покосилась на толстую крысу, которая начала судорожно подергивать лапками.

Вот кто может помочь ей поскорее найти Табасха!

Женщина метнулась к своему ларцу и извлекла оттуда небольшую книгу в тисненом кожаном переплете. Раскрыв ее на нужном месте, она громко и торжественно произнесла короткие фразы заклинания.

Она не ошиблась, это было именно то заклинание, которое и раньше помогало ей устраниТЬ последствия проделок Табасха. Только на этот раз оно не подействовало так же моментально, как должно было.

Видимо, Табасх придумал за два года что-то новое! Вместо того, чтобы сразу превратиться в человека, крыса сначала выросла до размеров высокого и мощного человеческого тела, потом лапы ее начали вытягиваться, а тело уменьшаться, потом шерсть стала не пропадать без следа, а выпадать клочками, обнажая покрытую неровным загаром кожу» Особенно долго менялась голова. Лицо с трудом избавилось от крысиных черт, а правое ухо, разрезанное, мягкое, круглое крысиное ухо размером с хороший лист лопуха, долго сморщивалось и усыхало, пока не превратилось в человеческое. Из рассеченной мочки снова потекла кровь.

Утомившись вконец ждать окончания превращения, Михар подсела к телу, что корчилось и вздрагивало на полу рядом с ее подстилкой.

Перед ней лежал не толстый, как можно было предположить, глядя на тугой крысиный животик, а превосходно развитый мощный мужчина. Правда, его крепкие мускулы были сведены жестокой судорогой, сквозь стиснутые зубы сочилась кровавая пена, и если бы Михар не знала наверняка, что это состояние скоро пройдет, она бы решила, что это агония. Мучимый превращением человек показался ей очень похожим на каменного идола, жертву мести Деркэто.

Но вот конвульсии утихли, мышцы расслабились, руки беспомощно вытянулись вдоль тела. Мужчина открыл налитые кровью глаза и громко застонал. Михар наклонилась к лицу бедняги, жадно глядываясь в него. Это был молодой, полный сил человек, которого, к тому же, трудно было назвать уродом. Он показался Михар даже красивым. Его прекрасное обнаженное тело блестело от пота, белки глаз приобретали постепенно свой нормальный

цвет, кровь прилила к полным чувственным губам мужчины, а взгляд, наконец, стал осмысленным. Увидев над собой незнакомую женщину, чье тело было прикрыто лишь тонкой юбочкой и шелковистыми черными волосами, он вздрогнул, и глаза его забегали по сторонам. Он что-то искал и, вроде бы, боялся обнаружить это что-то рядом с собой.

— Где оно? Где оно?! — зашептал он лихорадочно.

— Оно? О чём ты, незнакомец? — строго спросила Михар.

Мужчина приподнялся на локтях и повертел головой. Увидев в нескольких шагах от себя огромного каменного истукана, он задрожал и сжался.

— Почему ты боишься его? — удивилась Михар. — Это просто камень.

— Его я не боюсь! — пробормотал мужчина. — Да это и совсем не то место, где я видел чудовище.

— Чудовище? Какое чудовище? — заинтересовалась Михар.

Мужчина открыл рот, но потом подозрительно уставился на женщину:

— А кто ты такая вообще? И где это я?

— Ты не смеешь так обращаться ко мне, смертный! — сурово ответила Михар. — Вспомни о почтении, с каким следует обращаться к госпоже, а не то мне придется снова вернуть тебе твой голый хвост и скормить тебя на ужин моему коту!

Мужчина покосился на кота, крайне недовольного утратой деликатеса. Кошачья морда с наглыми желтыми глазищами не обещала ему ничего хорошего.

— Прошу прощения, госпожа...

— Михар.

— ...госпожа Михар... Если это ты спасла меня от чудовища... — начал мужчина, но Михар перебила его:

— Спас тебя, по всему видно, мой Фипон, но вот заклятье с тебя сняла именно я. Поэтому учти: любое неповинование — и я запросто превращу тебя в навозного червя, и ты сдохнешь с голода, прежде чем доползешь до ближайшей кучки навоза в этих диких горах.

Поскольку возразить несчастному было решительно нечего, Михар снова приступила к допросу:

— Как твое имя, и что ты делаешь в горах?

— Меня зовут Бриан, — запинаясь, произнес мужчина. — Родом я из Немедии, а последние три года был наемником в Офире, в гарнизоне на золоторудном прииске. Мы сопровождали в Замору одну девицу, — Бриан замолчал. Его снова охватила дрожь, когда он вспомнил все, что с ним случилось. Михар сделала вид, что терпеливо ждет продолжения. А на самом деле ее просто сжигал огонь нетерпения. Она повернулась к Фипону и ласково заговорила с ним:

— Что загрустил, милый? Кушать хочешь, маленький? Подожди, я чувствую, что голодать тебе недолго.

— О, г-госпож-жа!.. Митрой клянусь, я все расскажу! — завопил Бриан, бросаясь на колени перед Михар.

Немного полюбовавшись позой распростертого у ее ног мужчины, она снисходительно заметила:

— Жду с нетерпением! И Фипон тоже.

— Да... Да, госпожа Михар! — Бриан затараторил, уткнувшись лицом в пол. — Мы ехали уже несколько дней, и мне наконец все надоело...

Он взахлеб рассказывал о своем приключении, а Михар молча слушала, поглаживала

кота и чувствовала, как поднимается в ней предчувствие близкого ее торжества.

* * *

Карела подбросила в костер еще немного из принесенного Табасхом хвороста и снова уставилась на проем в скале, который уже не был таким темным: снаружи давно занялся рассвет.

Эльрис крепко спал на войлоке. Карела не пожалела своих холеных ручек, отмывая его тело от крови чистой родниковой водой, которую Табасх принес в кожаном мешке.

Кудрявые пепельные волосы офицера уже просохли и распушились. Разглядывая раненого, Карела невольно подумала о том, что в такие роскошные шелковистые пряди очень приятно было бы запустить пальцы. Но она прогнала прочь эти мысли. А то так всегда бывает: сначала кудри приглянулись, потом плечи широкие понравились, затем внимание переключится на что-нибудь еще, и... пошло-поехало. Глядишь, а слово-то, самой себе данное, позабыто.

Спящий выглядел совершенно безмятежным, словно и не было на его груди глубокой раны. Казалось, что она совсем не беспокоит его, лишь иногда смутная тень пробегала по точеному породистому лицу молодого воина, словно виделся ему в эту минуту гадкий сон.

В грот вошел Табасх, как всегда, совершенно бесшумно. Карела в который раз уже оглядела его мягкие сапоги странного фасона и подивилась его неслышной походке.

— Он еще не просыпался? — удивился Табасх. — В таком случае, он еще крепче, чем мне показалось. Боль должна была уже разбудить его..

Уверенность, с которой говорил темноглазый юноша, не могла не вызвать изумления Карелы. Таких юных лекарей она никогда в жизни не видела. Она и вообще-то видела всего двух врачей, и оба были старыми высохшими рыбинами, к тому же, скорее всего, шарлатанами.

А Табасх был полон сил и обаяния. Кровь, казалось, так и кипит в его жилах. Мускулы, которых не скрывала легкая одежда паренька, так и поигрывали при каждом его движении. Он часто улыбался и был совершенно не похож ни на солдат, которых кроме жратвы, вина и женщин, ничего не интересовало, ни на совершающего паломничество жреца, сурового отшельника, покорного божественным канонам. Весь он был какой-то не такой. Не видела Карела ни на одном мужском лице такой мягкой, чуть виноватой улыбки. Мужчины умели, в лучшем случае, ухмыляться да скалиться, ну или еще гоготать над плоской шуточкой. По крайней мере, те мужчины, которых знала Карела. А она видела их в своей жизни ровно столько, сколько нужно, чтобы сделать некоторые обобщения.

Нет, конечно, мягкость и улыбчивость, более свойственные женственности, Карела никогда не относила к качествам, необходимым мужчине. Но Табасха нельзя было назвать излишне женственным. Одному негодяю он сломал шею, а другого довел до обморока. А после...

Карела не хотела думать о том, что было после. Она была тогда настолько взвинчена, что со страха ей могло привидеться что-нибудь похуже лохматой пучеглазой твари... Карела настолько стыдилась признаться в своем испуге, что не стала расспрашивать Табасха о лохматом уроде. Она была уверена, что только с большого перепугу можно было спутать темноволосого юношу, чья внешность слегка напоминала о его стигийском происхождении, с

мохнатым чудищем. А кому же приятно признаваться в собственном страхе?

Но вот крысы. Допустим, крысы тоже были из области полуобмороочных видений, но ведь одну из них Карела собственной рукой держала за хвост!

Несомненно, это магия, и ничто другое. Все спокойно обдумав, Карела пришла к выводу, что только этим можно было объяснить необычность Табасха.

Тогда Карела впервые в жизни видела живого чародея. Это было удивительно, но она не испытывала перед ним ни малейшего страха. Он не только спас ее. Он сам, не дожидаясь просьб, помог ей промыть рану Эльриса и привести офицера в порядок, он носил хворост и воду, и ни о чем ее не спрашивал. Правда, как и она его.

— Не знаю, правильно ли я сделал, но я собрал внизу ваши вещи и брошенное оружие, — сказал Табасх. — Лошади привязаны были накрепко, поэтому они тоже на месте. Если вы захотите тронуться в путь, можете делать это хоть прямо сейчас.

— В путь? — удивилась Карела. — Да вряд ли он сможет.

Словно слыша ее, Эльрис застонал сквозь зубы и с трудом открыл глаза. Еще не успев понять, где он и что с ним, он зашарил рукой по войлоку, нашупал лежащий рядом меч и неожиданно крепко и ловко ухватился за рукоятку.

— Эльрис! Эльрис, все в порядке! — встрепенулась Карела и бросилась к нему, чтобы успокоить.

Ее маленькая ладонь легла на воспаленный лоб офицера, она постаралась поймать взгляд мутных темно-серых глаз.

— Все в порядке, Эльрис, — Карела склонилась к нему.

Рука офицера медленно разжалась и выпустила меч. Раненый часто и тяжело задышал, словно выплескивая напряжение.

— Карела, где эти два подонка? — прошептал Эльрис, ища взглядом врагов.

— Их здесь нет. Они мертвы, — решительно ответила Карела. — Оба.

— А это кто? — подозрительно спросил офицер. Превозмогая боль, он приподнялся и сел. Пот градом катился по его вискам, но он, тем не менее, встал на колени, а потом поднялся на ноги. Рана на груди снова стала кровоточить, но он только покосился на нее, сморщился от боли и шагнул к сидящему Табасху. Видимо, то, что у Табасха не было видно никакого оружия, заставило Эльриса на время забыть о своем мече.

— Я хочу знать, кто это и какого черта он тут делает! — повторил офицер.

В ответ на грубый тон Эльриса Табасх нахмурился, но смолчал.

— Это друг, — поспешно сказала Карела. — Не трогай его, Эльрис, это может стоить тебе дороже, чем ножевая рана.

Эльрис резко повернулся к девушке. Он был бледен и еле держался на ногах, но в глазах его блеснул огонь:

— «Может стоить мне дороже»? Я должен бояться простолюдина? Безоружного бродягу? Опомнись, Карела, я не узнаю тебя!

Табасх тоже встал. Его лицо стало недобрый. Точно таким же, каким оно было перед тем, как трупы солдат стали двумя крысами.

— Ты кто? — грубо спросил Эльрис. — Если собираешься и дальше молчать, я сброшу тебя со скалы!

Эльрис протянул руку, пытаясь схватить Табасха за полу безрукавки.

Еще не поняв толком, зачем она это делает, и стоит ли ей поступать именно так, Карела сорвалась с места и вклинилась между двумя мужчинами.

— Табасх! Не трогай его! — Она вложила в свой голос всю мольбу, на которую была способна. Она редко просила кого-нибудь даже о мелочах. Но сейчас она решительно заслонила собой еле живого офицера и впилась взглядом в посеревшее от ярости лицо Табасха. Ее новый приятель готов был взорваться. А Карела поняла, что если ей не удастся погасить ссору, в пропасть полетит еще одна крыса, или что еще хуже, раненая жаба» — Табасх! Не надо, посмотри на него, он же не понимает, что говорит!

— Я очень хорошо понимаю... — начал Эльрис, но вдруг навалился на Карелу и стал оседать.

И Табасх, по-прежнему сурово поджавший губы, нехотя подставил свое плечо, освобождая девушку от непосильной ноши.

— Я дам ему выпить эликсир, — проворчал Табасх, укладывая Эльриса обратно на войлок. — Он снимет жар и, может быть, добавит ему немного разума.

— Разума у него достаточно, — вздохнула Карела, присаживаясь рядом с потерявшим сознание офицером. — Выкачать бы из него немного спеси.

— Да, он крайне кичлив, но, будем надеяться, что, придя в себя, он поймет свою ошибку, — согласился Табасх и отошел к своей сумке. Порывшись в ней, он достал глиняный флякончик и стертую с одного бока деревянную ложечку.

Всего несколько капель эликсира наполнили грот резким и пряным запахом. Табасх подсел к Эльрису, ловко открыл ему рот и влил туда содержимое ложки. Эльрис причмокнул, скривился и неожиданно резко сел. Тараща глаза, он посмотрел по сторонам и покачал головой:

— Словно огонь проглотил...

Он пристально взглянул на Табасха. Карела заметила совершенно чистый и незамутненный взгляд офицера. За считанные секунды! Эльрис повертел головой и взглянул на свою грудь:

— Клянусь Митрой, этот ублюдок Бриан всадил мне лезвие на целую ладонь, не меньше! Почему же боль такая, словно меня ранили уже пару недель назад.

— Наверное, — Карела пожала плечами и осторожно посмотрела на еще сердитого Табасха. — Наверное, потому что тебя лечил Табасх. А ты был непростительно груб с ним, Эльрис!

— Я увидел подле тебя незнакомого подозрительного человека! — решительно возразил Эльрис. — Если меня предали собственные солдаты, могу ли я довериться первому встречному?

— Этот первый встречный!.. — запальчиво начала Карела, но Табасх вдруг поднял руку:

— Он прав, Карела. Доверять нельзя никому. Разве вы оба доверяете друг другу?

Карела насупилась. Конечно, она помнила свои собственные размышления. Она не доверяла своим провожатым и оказалась права. Надменный офицер не смог защитить ее от насильников, да и она, если честно, поступила крайне необдуманно, не рассказав Эльрису сразу о подслушанном разговоре.

— Но Табасх?! Зачем же ты тогда помогаешь, если советуешь самого себя опасаться? — недоуменно спросила Карела.

— Потому что я знаю себя, — произнес Табасх и отвернулся. — Меня надо опасаться.

Он пошел к своей сумке убирать ложку. А Эльрис снова потянулся за своим мечом. Карела была уверена, что офицер собирается непременно убрать чудного странника. На всякий случай.

Однако Табасх, не оборачиваясь, заметил:

— Ну, за меч ты зря хваташься, досточтимый Эльрис. Убить меня не так-то просто, и уж во всяком случае не этим железом.

Растерянно захлопав глазами, Эльрис посмотрел на Карелу. Она пожала в ответ плечами, и офицер полуутвердительно заявил:

— Так ты колдун?

— Нет, не колдун, — усмехнувшись, ответил Табасх. — Хуже.

— Хуже? — переспросил Эльрис. — Во имя пресветлого Митры, что может быть хуже колдовства?!

— О-о-о, досточтимый, — с легкой издевкой заметил Табасх, подходя ближе. — Есть множество такого, в сравнении с чем магия покажется невинной игрой. Но в моем случае речь идет немного о другом. Да, я колдую помаленьку, и небезуспешно, в чем Карела имела случай убедиться. Но если колдуном называют человека, овладевшего магией, то это не про меня. Потому что я не человек.

Карела ясно почувствовала, как сердце стало медленно проваливаться в пятки. Вспомнив чудовище, которым показался ей Табасх, она несмело произнесла:

— Значит... той лохматой тварью был ты? Значит, то чудище на самом деле было?!

Табасх повернулся к ней. Казалось, что глаза его, темные и бездонные, наполнены болью и тоской. Без улыбки он ответил:

— Оно было на самом деле, и это был я.

Эльрис крепче сжал меч и одним прыжком вскочил на колени. Он протянул руку и коснулся плеча Карелы:

— Отойди-ка от него подальше, я прошу тебя!

Но Табасх не собирался ни нападать, ни защищаться. Он поджал ноги и обхватил руками колени. Спрятав лицо в коленях, он замер, поглощенный своими мыслями.

Карела давно почувствовала, что с этим юношей не все так просто. Но не одно существо в здравом уме, к тому же похожее на человека, не станет само признаваться в том, что оно не человек. Потому что кому охота подставлять свою голову под меч приверженца пресветлого Митры?

Эльрис зловеще усмехнулся и, вытянув меч, кольнул Табасха острием в колено:

— Значит, ты был чудовищем?.. Так ты не демон ли случаем?

— Хуже, — отозвался Табасх.

— «Хуже, хуже»! — вспылил Эльрис. — Начал говорить, так скажи все, как есть, я тебя за язык не тянул!

— Я рожден от женщины-стигийки и демона, которого она сама создала силой своего магического искусства, — произнес Табасх — Это значит, что я не человек и не демон. Я демон-полукровка. А это много хуже и обычного человеческого колдовства, и демонического могущества, потому что это ни то ни се...

Эльрис глянул на Карелу и нахмурился. Вопросительно вздев брови, он покрутил пальцем у виска, дескать, похоже, парень просто совершенно спятил.

— Ну насчет «ни то ни се» ты перегнул, — сказала Карела, чтобы хоть как-то разрядить тяжелое молчание. — Ты человек.

Карела имела в виду то, что Табасх на взгляд ничем совершенно не отличается от человека. Но всего лишь внешнее сходство, видимо, мало утешало Табасха.

— Не надо меня уговаривать! — взорвался он. — Я не для того сказал вам об этом,

чтобы меня сочли ненормальным! Я не боюсь ни вас, ни ваших угроз, потому что стоит мне произнести пару слов, и с вами будет покончено! Но я не хочу этого делать! Не хочу, потому что больше не хочу быть таким, какой я есть! И мне вдруг показалось, что вы можете помочь мне, — голос Табасха оборвался на высокой ноте, и он глухо закончил. — Вижу, что я ошибся... Вы люди. Вы привыкли поступать по-другому.

Табасх встал, подошел к своей сумке и закинул ее на плечо. Неслышно ступая, он направился к выходу из грота.

— Нужно было прикончить его, — буркнул Эльрис, когда Табасх скрылся из вида. — Кто бы он ни был, он вполне заслужил это.

— Он не лгал нам, Эльрис, — задумчиво сказала Карела. — Не лгал. И нам стоило терпеливо выслушать его. Дело даже не в том, что он спас меня и вылечил тебя...

— Сдается мне, что дело именно в этом! Обычная история! Чудом уцелевшая женщина до слез благодарна таинственному пилигриму... с большой дороги! — процедил Эльрис.

Карела едва сдержалась, чтобы не влепить ему пощечину. Сообразив, что в споре с Эльрисом весомых аргументов у нее не будет, она замолчала и насупилась. Что-либо доказать прямолинейному офицу было возможно только силой. А ссориться следовало не здесь, а после, когда он вывезет ее из горных ущелий куда-нибудь в более обжитое место.

— Ты сердишься на меня, Карела? Конечно, я виноват, — заговорил Эльрис. — Из меня получился плохой страж. Когда об этом узнают мои друзья, меня подымут на смех. Рана затяняется, а я всю жизнь буду помнить, как едва не погубил самую красивую женщину офицерских степей. Никогда себе не прошу, что так крепко и безмятежно уснул. Хвала великому Митре, он уберег тебя!

— При чем тут Митра?! — возмутилась Карела. — Я знала, что не должна спать, потому что слышала разговор солдат.

— Слышала? — Эльрис хмурил брови, соображая Наконец, он помрачнел, склонил голову и горько сказал: — Что ж, не за тебя, а за себя самого надо благодарить мне солнцеликого. Ты едва не добилась своей цели. Еще бы чуть-чуть, и ты навсегда бы от меня избавилась. Если это желание не перегорело, попробуй повторить, если сможешь. Но я поклялся Митрой и своей жизнью, что доставлю тебя в Шадизар, и сделаю это, чего бы мне это ни стоило!

Он замолчал и осторожно лег на войлок, распахнув куртку и подставив рану свежему воздуху.

Карела немного пожалела о том, что невольно выдала себя, но ее сожаление быстро прошло. На ее взгляд, Эльрис получил хороший урок. Но вот о Табасхе она подумала с неожиданной и острой тоской. С ним было немного жутковато, но как-то совершенно необычно...

От такого попутчика, как Табасх, Карела бы не отказалась. Зачем они так неосторожно прогнали ненормального беднягу-пилигрима?

Минуты проходили в молчании. Карела ждала, что Эльрис заговорит, но он не издавал ни звука. Рана на его груди, залеченная изумительным даром Табасха, порозовела и затянулась. Офицец лежал с закрытыми глазами, но ресницы его беспокойно трепетали. Он не спал.

— Пить будешь, Эльрис? — спросила Карела.

— Не буду. Зальем костер и пора трогаться в путь. Эльрис поднялся, взял кожаный мешок с водой и вылил ее на тлеющие угли. Подобрав свой меч, офицец пошел вперед, по-

прежнему не Желая разговаривать с Карелой.

Девушка шла за ним и сама не знала, рада ли она тому, как обернулось дело, или не рада.

— Что это?! — пораженно выдохнул Эльрис и остановился.

Карела взглянула вперед. На ровной тропе, опоясывающей скалу, в полусотне шагов от грота лежал, скорчившись, Табасх.

Девушка почти бегом поспешила к нему, не обращая внимания на предостерегающий вскрик Эльриса. Офирец не выдержал и, плонув на боль в свежей ране, обогнал Карелу и был у тела Табасха первым.

Перевернув Табасха на спину, Эльрис приподнял его и встряхнул. Юноша попытался снова свернуться клубочком, и только подоспевшей Кареле удалось привести его в чувство легкими хлопками по щекам.

Табасх открыл глаза и прохрипел:

— Это Михар. Сестра знает, что я рядом. Что же мне делать?..

ГЛАВА 3

Михар внимательно следила, как на дне чаши рассасывается грязно-зеленый тягучий сгусток. Ей так хотелось продлить все это подольше, но всему есть предел. Михар утешала себя тем, что и эти несколько минут, пока действовали чары, ее братцу пришлось несладко. Мучительная боль должна была ненадолго подержать его в объятиях. И как Михар сразу же определила близкое присутствие Табасха, едва взяв в руки крысу, так и Табасх не мог не вспомнить парализующую силу заклинаний сестры, которая всегда умела хоть недолго, но очень чувствительно «ласкать» братишку.

Сначала Михар колебалась, стоит ли ей выдавать себя из-за того только, что желание слегка помучить Табасха было совершенно непреодолимо. Но, подумав немного, она рассудила, что, даже узнав о том, что Михар уже в Сером ущелье, Табасх не бросится прочь, сломя голову. Даже если бы у него и появилась мысль избежать свидания с сестрой, он ни за что не ушел бы из Кофских гор. Даже опасность, не очень серьезная, но ощущимая, не заставит его отказаться от намерения сбросить с себя проклятье Деркэто. А сделать это он сможет только здесь, в храме мести. И глупейшее его желание стать человеком непременно приведет его прямо в руки Михар.

Она улыбнулась своим мыслям, глядя на уже совсем прозрачную воду в чаше. Боль Табасха рассосалась, и теперь у него есть возможность подумать и взвесить свои силы.

Вдруг поймав себя на том, что она по-прежнему продолжает думать о Табасхе снисходительно, Михар резко одернула себя Быть к Табасху снисходительной было нельзя. Табасх был существом весьма опасным. И как бы не хотелось Михар презирать брата, подобное пренебрежение могло очень дорого стоить стигийке.

И она попыталась рассуждать трезво. Сразу же Михар вынуждена была признать, насколько же ее брат на самом деле силен. Его мощь позволяла ему выкидывать фокусы куда сложнее, чем превращения. И если Михар требовалось подчас много времени, чтобы подготовить амулеты, снадобья или отыскать заклинание в древних книгах, то Табасху ничего этого не требовалось. Его демоническое начало не просто умело, оно **ЗНАЛО** все это, и на проделки свои Табасх не затрачивал ни времени, ни каких-то чрезмерных усилий.

И если бы этот вздорный придурок повиновался своей демонической половинке, не нашлось бы, наверное, никого, кто мог бы осилить его. Потому что как ребенок, рожденный от отца и матери, происходящих из разных рас, бывает необычайно красив, силен и крепок здоровьем, так и существо, родившееся от женщины и демона, не знает себе равных в жизненной и магической силе.

Но Табасх то ли по глупости своей, то ли еще по какой причине, не вполне достойной его происхождения, вбил себе в голову вздорную и нелепую мысль — заплатить своими демоническими способностями за возможность стать обычным человеком.

Судорожно прижав к груди кулаки, Михар заскрипела зубами от бессильной злобы. Какая несправедливость!.. Почему такому маленькому никчемному существу, даже не понимающему очевидных выгод своего положения, дано то, чего так жаждут другие, и прежде всего Михар?! Да если бы Михар была на месте своего брата, она по достоинству оценила бы дар судьбы. Этот же фокусник по совершенно непонятной причине извелся, исстрадался по человеческой беспомощности. Он всегда мечтал выйти к людям, расставшись

с вынужденным уединением. Ради чего? Отказаться от редкого могущества, которое при умелом использовании может потешить любые самые изощренные прихоти человеческой, да и не только человеческой натуры! Несчастный недоумок. Михар презрительно скривилась. Какой глупец! Не мечтать ни о чем другом, кроме как погрязнуть в мелких склоках, бессмысленных и кровавых стычках, обыденном предательстве и низменных страстиах, присущих всякому месту, где люди собираются количеством более двух! Быть свободным от этого и, тем не менее, этого же всего жаждать...

Михар вдруг ощутила нечто вроде легкой жалости к нерадивому братцу.

Но нет, Табасх не глуп, он всего-навсего сумасшедший, заключила, наконец, Михар свои рассуждения. Что хоть и не одно и то же, но в данном случае — совершенно сходные обстоятельства. Более того, благоприятные обстоятельства!

Михар встала и прошлась под сводом храма, покачивая бедрами. Вообще-то, там не было особо чем покачивать. Но она уже видела себя умопомрачительно прекрасной, такой, какой она станет благодаря милости Деркэто... И тогда все мужчины будут у ее ног, и она будет решать, как ей поступить с каждым из них.

А пока у нее был только один воздыхатель — Бриан. Михар подозревала, что мозгов у немедийца не слишком много, но их, возможно, хватит на то, чтобы уяснить: со стигийкой шутки плохи. Михар давно наблюдала за трясущимся беднягой. То, как он терпеливо молчал, не жалуясь даже на промозглый холод, означало, что мужчина напуган до полусмерти.

Михар взымела власть над ним даже не будучи одаренной милостью Деркэто. Ну и что такого в том, что власть эта зиждилась ни на бессильном вожделении, как мечталось Михар, а на животном страхе? И из такой ситуации можно извлечь массу приятного для себя. Напряженные от холода мощные мускулы немедийца вызывали у Михар довольно недвусмысленные желания, и она уже начала упиваться своей властью, предвкушая большего.

Михар решила, что вполне может оставить в покое Табасха на некоторое время. В конце концов, зачем добиваться какой бы то ни было власти, если не оставлять времени для того, чтобы воспользоваться приятными ее плодами?

Немедиец сидел, скорчившись, у дальней стены и стучал зубами. Поскольку Бриан был на две головы выше Михар и втрое шире ее в плечах, она не смогла бы пожаловать ему что-либо из своего гардероба, даже если и захотела бы. Поэтому Бриану оставалось прибегнуть к старому, как мир, способу самообогрева — дрожать сильнее. Что он и сделал, продолжая с опаской наблюдать за костлявой и смуглой юркой женщиной, угрозы которой звучали воистину божьей карой за все те порочные излишества, которые теперь назойливо припоминались немедийцу.

«О, Митра, милостивый и справедливый, клянусь, что больше ни одного глотка вина... сверх меры! Ни одной шлюхи! Ни одной украденной монеты! Женюсь... на дочери какого-нибудь трактирщика! В кости играть брошу! И... И... — Бриан с тоской подыскивал еще что-нибудь, что можно было бы пообещать пресветлому. — На храмы пожертвую! Пилигримов кормить буду! Только убереги от этой проклятой стигийки! Жизнью своей клянусь, никогда больше!.. Никогда!..» — истово твердил немедиец и сам верил своим словам.

Михар остановилась перед своим пленником, которого отнюдь не веревки и не цепи, а всепоглощающий страх удерживал даже от мыслей о возможности побега.

— Замерз? — догадалась Михар. — Могу предложить Фипона в качестве грелки.

Дремлющий у маленького костерка Фипон, заслышив свою кличку, приоткрыл один глаз и покосился на немедийца, которого, похоже, до сих пор считал огромной и наглой

безволосой загорелой крысой.

— Благодарю, госпожа Михар, — заикаясь, ответил Бриан. — Но... Стоит ли из-за меня мучить вашу киску? Я, знаете ли, люблю животных. Кошечек там, лошадок...

— Крысок, — добавила Михар с усмешкой.

Язык Бриана прилип к гортани. Он промычал что-то вовсе невнятное и низко склонился перед чародейкой.

— Впрочем, — продолжила Михар, — Я могу предложить тебе еще кое-что, что вполне сгодится для обогрева».

Бриан несмело взглянул на стигийку. Ее темные глаза, в которых невозможно было отличить зрачок от радужки, повлажнели. Женщина провела языком по сухим бескровным губам и произнесла загадочно:

— Полагаю, что ты не вздумаешь отказаться...

Не сводя глаз с оцепеневшего немедийца, Михар отстегнула пояс и сняла прозрачную короткую юбочку. Мотнув головой, она откинула назад свои блестящие волосы — то единственное, что было у нее действительно достойным восхищения.

С торжеством и вожделением смотрела Михар на мужчину, прекрасно сознавая, что ее власть над ним безгранична, и стоит ей сейчас приказать ему, он будет неутомим и послушен ей, а если не захочет — пожалеет, что родился на свет.

— Что ты думаешь обо мне? — промякала Михар, подходя вплотную к немедийцу.

Бедняга еле разлепил губы. С тоской глядя на тощую и крайне неаппетитную плоть цвета незрелой оливки, Бриан вскользь подумал, что в сравнении с котом новая грелка несомненно проигрывает. Но он отчаянно взмахнул рукой: — Моя госпожа прекрасна!.. Михар в упор смотрела на немедийца, и ее взгляд недвусмысленно приказывал Бриану поторопиться.

Что-что, а чувство самосохранения, позволившее Бриану вовремя упасть в обморок перед Табасхом, было развито у немедийца сильнее прочих. «Если она останется мной недовольна, Фипона будет ждать сытный ужин», — безошибочно догадался Бриан. И неистребимая жажда уцелеть во что бы то ни стало оказалась на высоте. Она умудрилась вовремя скомандовать нужным органам, а те, не будь дураками, вовремя послушались.

Бриан принял в объятия свою грозную госпожу, взывая к Митре о прощении.

* * *

Карела осторожно зачерпнула воды из родника и подала глиняную кружку Табасху. Он жадно глотал, проливая воду, и его безрукавка мгновенно потемнела. Бессильно откинувшись на толстый тюк, рядом с которым его посадил Эльрис, Табасх вытер лицо. Его посиневшие губы дрожали, а в глазах стояли слезы.

— Ты не мужчина, — презрительно буркнул Эльрис. — От боли нюни распустил, как изнеженная баба.

— Эльрис, прекрати сейчас же! — строго сказала Карела.

Она чувствовала к беспомощному Табасху почти материнскую нежность и считала, что должна непременно оградить его от бессовестных нападок офицера.

— Если бы я пускал слезы по поводу каждой царапины, которую получил в своей жизни, я выплакал бы глаза годам к семнадцати, — сухо возразил Эльрис. — Впрочем, я

многое от него и не требую, чего можно ждать от грязного прохожего странника, к тому же больного падучей.

— Я здоров, — отозвался Табасх. — И никакой падучей у меня отродясь не было. Это все чары моей сестры! Я узнал бы их, в каком бы месте и в каком бы виде она их не преподносила. Мы с ней хорошо изучили друг друга еще в детстве. Она не уверена, что справится со мной, но знает, каково мне бывает от ее нападок.

По молодости лет Карела страдала любопытством. И, возможно, это была единственная из чисто женских черт, присущая ей в полной мере. Поэтому она уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но поймала сумрачный взгляд Эльриса:

— Нас это не касается, Карела! Кто там с кем хочет справиться, это не наше дело. Боги они, демоны или просто недоумки — пусть разбираются между собой сами.

Карела встала, отошла от притихшего Табасха и решительно подошла к офицеру. Если рассудить здраво, Эльрис говорил дальние вещи, опираясь на свой немалый уже жизненный опыт. Двадцать пять лет для воина, взявшего в руки меч еще в нежном юном возрасте, это срок, достаточный для того, чтобы иметь право поучать пылких девушек, ничегошеньки не смыслящих в том, что такое магия.

Но Карела не признавала за Эльрисом этого права. Если даже покойного отца, от одного взгляда которого трепетали многие, Карела всего лишь слушала, но никогда не слушалась, что можно говорить об Эльрисе?

Да, Карела была готова признать, что в магии она понимала мало, но она твердо произнесла, глядя на офицера в упор:

— Если ты и вправду намерен и дальше сопровождать меня, тебе придется смириться с тем, как я отношусь к Табасху. Можешь думать о нем, что хочешь. Но не пытайся в чем-либо меня переубедить. Перестань задирать его. Я так хочу.

— Клянусь Митрой, Карела, ты еще пожалеешь об этом! — побледнел Эльрис, и рука его нервно ухватилась за рукоятку покоящегося в ножнах меча. — Этот таинственный пилигрим еще встанет у нас поперек горла! И тогда, возможно, будет поздно!

— Не страшай! Ты слышал мои слова, и иного не дождешься! — закончила Карела и повернулась к Табасху.

Тот уже вставал, поправлял безрукавку и поднимал свою сумку.

— Табасх, — начала Карела. — У нас две лишние лошади. Не хочешь ли отправиться в путь вместе с нами?

Темные, еще не оправившиеся от боли глаза, с нежностью взглянули на девушку:

— Нам не по пути, Карела. Мне жаль, но нам не по пути.

— Так ты идешь в Офир? — расстроилась Карела.

— Нет, не в Офир. Но и не в Замору, — неопределенно ответил Табасх.

— Что ж, тогда все равно, возьми одного коня, — предложила Карела. — Зачем идти пешком, когда можно ехать верхом.

— Благодарю тебя, а также... досточтимого Эльриса, — Табасх покосился на мрачного офицера. — ...за то, что он до сих пор не снес мне голову своим грозным мечом. Но конь мне не нужен. Я никуда не еду, Карела. Дело в том, что я уже на месте. Теперь я знаю, что не ошибся и не сбился с пути. Если здесь рядом Михар, значит, и моя цель тоже рядом. Жаль только, что сестра оказалась на месте раньше, чем я. Но выбирать мне теперь не приходится.

Он забросил за плечо свою объемистую кожаную суму и молча склонил голову перед Карелой.

— Подожди, подожди-ка! — Карела схватила его за плечо. — Ты идешь прямо в лапы той женщины, что наслала на тебя муку? Ради чего? Не разумнее ли было бы избегнуть такой встречи?..

— Похоже, что наш пилигрим так же, как и ты, Карела, не обращает внимание на здравый смысл! — буркнул Эльрис. — Но позвольте заметить, нам давно пора двигаться в путь, и я хотел бы, чтобы вы поскорее распрощались.

Карела вздохнула: Эльрис был прав. Оставаться на тропе горного ущелья дольше было бессмысленно. Вещи были собраны, лошади напоены, Эльрис прекрасно держался на ногах... Она взглянула на Табасха, и слова прощания застрили у нее в горле. Темные глаза звали ее за собой. И преодолеть этот зов было почти невозможно.

— Табасх... — прошептала она, едва ворочая языком от внезапной слабости. — Что ты хочешь от меня? Куда ты меня зовешь?..

— Я не смею... Вернее, не должен этого делать, но... — Табасх облизнул губы и сглотнул. — Карела, ты не зря встретилась мне на этой дороге... Ты — мой добрый вестник. Если бы ты могла мне немного помочь...

Эльрис издал какой-то возмущенный звук и демонстративно повернулся спиной к Табасх и девушке.

— Как я могу избегать встречи с сестрой, если она опередила меня? Она уже в храме Деркэто и ждет меня там, — заговорил Табасх. — И вся беда в том, что мне не миновать этого храма. Я два года его искал. Там мое спасение. Деркэто повесила на меня заклятье, словно я один должен страдать за мужскую слепоту, низость и бесчувственность. Правда, сиятельная богиня оставила мне шанс...

— Сиятельная богиня?! — взорвался Эльрис, разворачиваясь резким прыжком. Он был набожным человеком, и оскорбленная душа истинного митрианца не выдержала слов Табасха. — Сиятельная шлюха Сэта, ты хочешь сказать! Не поминай при мне это имя, пилигрим, или твоя больная голова все же найдет себе покой на дне одной из расщелин!

Табасх прищурился, на удивление спокойно переждал тираду офицера и ответил:

— Богов не трогают ни поклепы невежд, ни славословие велеречивых жрецов, ни заблуждения простых смертных. Боги слишком хорошо осведомлены о сущности человеческой, чтобы обращать внимание на пустые слова. И я счел за благо следовать их примеру. К тому же Деркэто уже покарала тебя за то, за что сочла нужным, а ты даже не задумался об этом... досточтимый Эльрис.

— Покарала? Чем же это?

— Тем, что лишила тебя благосклонности самой прекрасной женщины на свете! — четко сказал Табасх — Не думаю, что ты когда-нибудь добьешься любви Карелы!

— Ах ты, Нергал тебя забери! — пораженно выдохнул офицер, столбенея от невиданной наглости. — Негоже поднимать руку на безоружных юнцов, но Митра простит мне этот грех!..

Меч взлетел в воздух и со свистом опустился... вдоль правой руки Табасха. Вне себя от негодования Эльрис снова занес оружие и с отчаянным усилием, в которое вложил всю свою ненависть к юному стигийцу, снова... рубанул воздух.

— Ну я же говорил, что железом меня убить очень затруднительно. И до тех пор, пока я не сброшу с себя заклятье Деркэто и не стану таким же, как ты, досточтимый, вряд ли тебе удастся отвести душу! — с усмешкой сказал Табасх. — Если хочешь, можешь немного подождать.

— Вот это, — тяжело дыша, Эльрис вытянул руку и ткнул указательным пальцем в лицо Табасха. — Вот это, звереныш, единственная достойная причина к тому, чтобы остаться в этом ущелье и понаблюдать за тем, как ты, вонючий отброс, собираешься становиться человеком!.. И клянусь Митрой, коль скоро Карела не спешит в Шадизар, я не буду ей препятствовать!

Пока мужчины ссорились не на жизнь, а на смерть, Карела, словно окаменев, смотрела на них, и тревожное предчувствие сначала слегка, а потом все сильнее и сильнее зашевелилось в ее душе. Намерения свои Эльрис выразил красочно и недвусмысленно, и Табасху, действительно, могла теперь угрожать опасность.

— Ну ладно, замолчите-ка вы оба! — грозно оборвала их Карела.

Мужчины уставились на нее в ожидании. Только Табасх смотрел на девушку благоговейно и восхищенно, а Эльрис словно хотел сожрать красавицу целиком, во взгляде его сквозило возмущение и гнев оскорбленной гордыни.

— Мое решение таково — я остаюсь в Сером ущелье ровно настолько, насколько захочу, — возвестила Карела. — А поскольку дальше стоять на тропе совершенно незачем, пусть Табасх поможет мне перенести мои вещи обратно в грот! Жаль только, что костер залили, теперь на новом месте кострище складывать...

— Об этом не думай, Карела! — радостно перебил ее Табасх. — Костер снова горит на прежнем месте!

Табасх подхватил тюки, на которые указала ему Карела, и полез по расщелине наверх к гроту.

Карела деловито поправила волосы, поддернула ножны на поясе и решительно двинулась вслед за своим новым другом.

Она немного удивилась тому, что офицер молчит и не останавливает ее. Пускать дело на самотек было не в обычай досточтимого Эльриса. Кареле нравились ее постоянные стычки с офицером, они подогревали ее, заставляя кровь быстрее течь по жилам. Поэтому то, что молодой воин сейчас молча стоял и просто наблюдал за тем, как девушка претворяет в жизнь свой очередной каприз, изумило ее.

Обернувшись к Эльрису, она заметила:

— А ты? Что, едешь дальше один?

— Ехать одному? У меня другие планы, Карела, и ты о них знаешь. Дальше я поеду не один, а с тобой, и выполню обещание, которое я дал старому Клорусу перед его смертью, — хмуро ответил Эльрис.

— Если тебя тяготит это обещание, я снимаю его с тебя. Я не буду в претензии, если ты исчезнешь сейчас и навсегда!

— Не тебе освобождать меня от клятв, которые я приносил другим! — обиделся Эльрис. Но вдруг лицо его смягчилось, и он быстро заговорил: — Карела, я давно знаю тебя и даже смирился с твоими вздорными причудами. Поверь мне, я кое-чего повидал! Женщины не созданы для крови, стычек и опасных приключений, в которых и мужчины-то частенько остаются без голов! Я умоляю тебя, опомнись! Я готов ради тебя на все, а ты даже не хочешь прислушиваться к моим словам! Ну если ты не хочешь ехать в Замору, давай повернем назад, я отвезу тебя в родительский дом! Никто никогда не посмеет сказать тебе грубого слова, никто не оскорбит даже взглядом! Все, чего ты не пожелаешь, в ту же минуту будет у твоих ног! Моя жена ни в чем не будет знать отказа и никогда не пожалеет, что стала моей!

— Твоя жена, Эльрис, ни о чем не пожалеет, охотно верю, — оборвала его Карела. — Но

не я, потому что никогда не стану твоей, как, впрочем, и ничьей! Я — своя собственная!

— Ты еще дитя, Карела, — растерялся Эльрис. — То есть, ты, конечно, необыкновенно прекрасная расцветшая женщина, и я сверну шею тому, кто посмеет это оспорить, но ты ничего не смыслишь в жизни.

— Или ты ничего не смыслишь в женщинах, — буркнула Карела. — Не заговаривай мне зубы, досточтимый Эльрис, и вообще... Не вынуждай меня становиться твоим врагом, потому что тогда уже твоя голова будет в опасности! И в этом я обойдусь без чудес Табасха, потому что с детства знакома с тем, за какой конец клинка надо браться! Ты не забывай, досточтимый, что я не принцесса, и даже не захудалая дворянка. Я дочь солдата, Эльрис!

— Твоя мать была знатных немедийских кровей! — возразил Эльрис, но Карела постаралась вложить во взгляд все кипевшее в ней раздражение. И офицер замолчал.

— Чего ты хочешь, Эльрис? Чтобы я стала твоей собачонкой, невольницей, украшением твоей богатой спальни?

— Я... Я... Я люблю тебя, Карела! — проговорил офицер с содроганием, словно непривычные слова кололи ему язык. Дорого стоило признание человеку, высокомерно полагавшему, что чувства и намерения его должны быть поняты без слов и приняты с благодарностью.

А девушка в ответ лишь презрительно хмыкнула.

— Во имя Митры, Карела! Я никогда не произносил таких слов! Зачем ты унижаешь меня?! Я не какой-то там безбородый юнец, на которого можно так просто наплевать! — Голос Эльриса задрожал от негодования.

— Прошу прощения, благородный Эльрис, но плевать я еще даже и не начинала, — запальчиво возразила Карела, глядя на бледное лицо офицера, по которому уже пошли красные пятна. — Не гневайся на меня, вздорная девчонка не достойна такого знатного, богатого и доблестного воина, как ты... досточтимый!

Карела попробовала говорить серьезно, но уже на середине фразы не смогла сдержать улыбку. Эльрис закусил губу так, что, казалось, кровь готова вот-вот брызнутъ Но офицер справился с собой, решив, видимо, что не пристало благородному человеку так недостойно поддаваться гневу и обиде перед женщиной. Он махнул рукой и взялся за оставшийся тюк с провизией:

— Прах тебя побери, Карела! Забудем все, что только что наговорили друг другу. Будем считать, что у нас длинный привал по дороге в Шадизар.

И хотя едва затянувшаяся рана сильно ему мешала, длинные крепкие ноги офицера ловко и быстро принялись преодолевать подъем по расщелине.

Карела молча смотрела ему вслед. Где-то в глубине души она чувствовала неловкость, но торжество победило. Последнее слово осталось за ней! А на иное Карела ни за что не согласилась бы.

* * *

Когда с едой было покончено, Эльрис предпочел отползти в самый дальний угол грота. Здесь до него едва доходило тепло костра, но зато он был достаточно далеко от ненавистного стигийца.

Оскорблённое самолюбие клокотало в груди офицера. Разве же мог он предположить, что

прекрасная дочь Клоруса, по которой Эльрис затосковал сразу же, как впервые увидел ее, окажется на деле такой безжалостной и совершенно безмозглой!.

Любой другой давно уже плонул бы и, оставив непокорную рыжеволосую красавицу в компании странного улыбчивого чародея, убрался бы восвояси! Пропадай, если Добрые слова мимо ушей и мимо сердца пропускаешь!

Эльрис был потомком очень знатного огирского рода. Предки его всегда были не последними при дворе Ианты. А значит, гордость была у Эльриса в крови. Мужчину, нанесшему оскорблению, подобное тому, на которое осмелился Табасх, Эльрис порубил бы на куски в ту же секунду. Но стигиец просто-напросто высмеял его, да еще совершенно безнаказанно! А эта рыжая бестия!.. Эльрис всегда был снисходителен к женщинам, но после сегодняшнего он начинал уже склоняться к мысли о том, что и хорошенъкая женская попка иногда вполне заслуживает порки!

С неожиданной злобой и жаждой мести Эльрис представил, как бы он осуществил это наказание! Но... Это могло оставаться только мечтами. Он лежал, положив голову на суму с тряпьем и, не отрываясь, смотрел на точеный профиль девушки, сидящей у костра рядом с Табасхом. Он не смел сейчас даже подойти к ней, не то что поднять на нее руку. Отвергнутый и осмеянный, он сердился и в то же время решительно признавался себе, что все отдал бы за один ласковый покорный взгляд или нежное, ободряющее слово... Но дочь Клоруса не знала таких слов!

Может быть потому, что многое в жизни доставалось Эльрису слишком просто, явное сопротивление Карелы не только злило, но и разжигало азарт. Эльрис вдруг понял, что сам перестанет уважать себя, если не переломит девчонку. Крепость противника, не желающую сдаваться добровольно, следует брать осадой, а при крайней стойкости осажденных, военачальник может применить и штурм, грозящий разрушениями цитадели противника. Но на разрушения можно не обращать внимания, если покоренный объект не потеряет главной своей прелести. Карела еще лет двадцать, а то и больше, не утратит своих прелестей, которые будут будоражить мужскую фантазию.

И несмотря на обиду Эльрис словно наяву видел, как Карела плавно идет ему навстречу по галерее его дома в Ианте, ставшего их общим домом, идет с улыбкой, затянутая в тончайший зеленый бархат с золотой вышивкой, окутав прозрачной воздушной тканью полуобнаженную грудь.... В конце концов, хоть Эльрис еще довольно молод, скитания и сражения, развлекавшие его в юности, уже не были для него пределом мечтаний. У него не было необходимости добывать средства к существованию, его род всегда был богат... Почему бы и не осесть в столице с юной красавицей женой?

А может быть, выбросить из головы все это, забыть прелести своей вожделенной цитадели? Ведь на любых невольничих торгах мало кто сможет перебить цену, которую Эльрис в состоянии предложить за приглянувшуюся рабыню! Любая невольница считет за великое счастье принадлежать молодому, красивому и богатому хозяину, который к тому же не имеет обыкновения издеваться над женщинами... \$\$\$ Но как ни уговаривал себя Эльрис, пышная точеная фигурка Карелы и взгляд ее зеленых глаз острой занозой засели в сердце оскорбленного огирца. Судорожно пытаясь слглотнуть непослушный комок, застрявший в горле, Эльрис жадно поедал глазами рыжеволосую грациозную девушку и спокойно сидящего рядом с ней у костра Табасха.

Ох, как люто ненавидел Эльрис этого смуглого сопляка в поношенной безрукавке и коротких штанах, которые в приличном доме Огира и на последнего конюха не наденут!

Мальчишка был сведущ в тонкостях стигийской магии, в этом не могло быть никаких сомнений. Но в целом Эльрис не мог найти приемлемого объяснения всем причудам Табасха. Что было у него на уме?

Мрачные и злобные колдуны. Они проводят свои дни среди глухих стен грозных и зловещих замков, в окружении источающих мрак и тлен амулетов и изваяний. Они вынашивают грязные планы, цель которых — столкнуть человечество пряником в пасть целой уйме богов и божков, обосновавшихся в преисподней. Так Эльрис все это себе представлял.

Но никогда не слышал он, чтобы стигийский полудемон пустился странствовать по свету с целью стать человеком. Это было похоже то ли на бред, то ли на сказку, сочиненную наивным ребенком, ни разу еще в жизни не пострадавшим от порчи, наведенной чародеем.

Грезя наяву, негодяя и страдая, Эльрис, тем не менее, не забывал о том, что неспешная беседа, которую вела Карела со своим драгоценным стигийцем, все еще продолжалась. И он слушал все, что говорил этот нищий ублюдок.

— «Михар всегда ненавидела меня просто за то, что я есть на свете, а потом, когда она поняла, насколько я сильней ее, я стал первым и главным из ее врагов, — сказал Табасх. — Наша мать была изгнана из своего круга, поскольку пренебрегла теми канонами, которых придерживались прочие жрицы Деркэто. Ей посулили проклятье богини, но она не остановилась ни перед чем. Зная во всех подробностях ту историю о мести Деркэто, мать стала внушать своей дочери мысль о том, что именно Михар должна стать новым земным воплощением богини страсти. Мать давно это задумала, когда дочь ее была еще младенцем, и для того, чтобы Михар выросла и смогла это осуществить, согласно заклятью богини, должен был появиться я. Мать много трудилась, и ею был вызван из глубин мрака один из демонов, подвластных самой Деркэто. Она зачала от него, и родился я.

Табасх надолго замолчал, глядя на огонь. Карела уже стала нетерпеливо ерзать на своем месте, и Табасх очнулся от дум:

— Мать моя была все-таки человеком, и видимо тогда, когда я, беспомощный и плачущий, лежал у нее на руках, сердце ее дрогнуло. Она полюбила меня, как обычно мать любит свое дитя, и, может быть, пожалела о том, что затеяла все это. Но остановить начатое она уже не могла. Она должна была дать мне имя, чтобы я обрел силу демона, но она нашла выход из положения и дала мне два имени. Мое человеческое имя — Табасх. В устах моей матери оно звучало нежной музыкой... Мое демоническое имя она сообщила мне самому и Деркэто. И дала мне строжайший наказ — никогда, нигде, никому не называть своего второго имени, и даже никогда не произносить его вслух наедине с самим собой. Потому что стоит моим ушам услышать это имя, зазвучавшее рядом со мной, и я начну делать то, что предназначено мне первым заклятьем Деркэто, то есть именно то, чего сейчас ждет от меня Михар. Но пока ей не известно это имя, жизни моей ничего не угрожает. Мы с Михар можем бесконечно бороться, мучая друг друга, но она никогда не возьмет надо мной верх!..

— Разве нет у нее возможности узнать это имя? — поинтересовалась Карела, глаза которой от услышанного загорелись огнем любопытства.

— Не думаю, что сиятельная Деркэто спустится на землю и шепнет его на ухо моей сестре! — засмеялся Табасх. — Это имя — два коротких слова на древнейшем и всеми забытом языке, и они означают «повинующийся заклятью». Михар никогда его не узнает.

— Ты сказал, что, услышав имя, начнешь выполнять первое заклятье, а что, есть и второе?

— Да, есть и второе, — помрачнел Табасх. — Но оно никак не зависит от того, кто и как меня назовет.

— Расскажи, — попросила Карела.

— Да ты видела, — вздохнул Табасх. — Страшный мохнат, исходящий слюной... Я молод, здоров, в конце концов я мужчина, я хочу любить женщин, но заклятье Деркэто всякий раз превращает меня в чудовище, как только я дам волю своей страсти!

Эльриса, молча слушающего рассказ Табасха, только передернуло от брезгливости и негодования. А Карела нахмурилась и уточнила сочувственно:

— Тебе бывает больно?

— Больно? О, нет, — покачал головой Табасх. — Только тело чешется от этой вонючей шерсти». Сколько уже раз я не смог обуздать себя! Я убивал этих несчастных женщин, потому что не в силах был отказаться от их тел... Они умирали то ли от страха, то ли от тех ран, что наносил им мохнат... Любить — и быть отвергнутым, любить, убивая и не видя в этом смысла: вот в чем проклятье богини. Многие мужчины, если не все, заслужили его в свое время, но именно мне, как сыну моих родителей, нести эту кару...

— Но ты говорил, что от этого можно освободиться! — напомнила Карела.

Табасх едва поднял склоненную голову и тоскливо вздохнул:

— Можно. Можно стать обычным мужчиной, потеряв все способности к магии, и освободиться от ненавистного проклятья. Но для этого кое-что нужно».

— Что? — уточнила Карела. Табасх молчал.

— Как, ты не знаешь? — удивилась девушка.

— Он все знает, Карела, — Эльрис не выдержал и приподнялся со своего места. — Он не хочет говорить это тебе, потому что уверен: если ты узнаешь, без оглядки умчишься от него!

— Это правда, Табасх? Ты... ты способен на то, чтобы просто заморочить мне голову, а потом предать? — возмутилась девушка.

— Не иначе, Деркэто требует с него жертвоприношения. И возможно, только ослепительные красавицы подходят для таких целей! — продолжал говорить Эльрис. Офицер чувствовал свою правоту. И он знал, что должен уберечь свое сокровище от хитрого демона, чего бы это ему ни стоило.

Табасх молчал. Отвернувшись от своих собеседников, он сжался, дрожа от напряжения. Чтобы добить врага, пока он не успел поднять головы, Эльрис закончил обвинительную речь:

— Ты очень наивная девушка, Карела, в тебе еще осталась способность к состраданию. И он этим пользуется! Да ты посмотри на него! Он преспокойно убивал всякого, кого пожелает, загубил, видимо, не одну несчастную жертву своей похоти, а прикидывается этаким невинным созданием, страдающим за всю мужскую половину человечества. Если бы он и вправду был невинен, он не стал бы морочить тебе голову трогательными сказками про добрую маму. А впрочем, Карела, я обещал не настаивать... Я ложусь спать, потому что уже больше суток не смыкал глаз, да и рана ноет. Если я проснусь и найду здесь твой растерзанный труп, Карела, я, по крайней мере, не удивлюсь.

— То-то и оно, что если проснешься, — спокойно заметил Табасх, но от его ровного голоса повеяло таким холодом, что Эльрис невольно вздрогнул.

— Угроза?! — вскинулся Эльрис, но невидимая и неодолимая сила мягко швырнула офицера на спину. Веки отяжелели, уши заложило, тяжелый, душный сон охватил досточтимого Эльриса так быстро, как он сам никогда не смог бы заснуть.

Подскочив с места, Карела несколько секунд постояла в оцепенении, очаровательно приоткрыв пухлый алый ротик, а потом с негодующим возгласом бросилась к неподвижному телу офицера.

— Эльрис! Эльрис! — Она принялась ощупывать его, потом взяла в ладони его голову и взгляделась в странно безмятежное лицо высокомерного дворянина. — Эльрис, скажи что-нибудь!

Но офицер молчал, а когда Карела выпустила из рук его голову, Эльрис грузно и безвольно свалился между мешками. Раскрасневшись от возмущения, Карела повернулась к Табасху:

— Зачем? Зачем ты это сделал?!!

— Да что я сделал? — нетерпеливо махнул рукой Табасх. — Пускай поспит себе крепко, как младенец. А то его нудный голос мне, право, уже сильно поднадоел.

— Так он всего лишь спит? — недоверчиво уточнила Карела.

— Всего лишь спит, — подтвердил Табасх.

Он откровенно любовался девушкой. Он вообще любил резвых и грациозных женщин, но из этой жизни просто била ключом, и сам не заметил Табасх, как восхищенная улыбка перестала сходить с его губ.

— Ну что ты улыбаешься? — недовольно нахмурилась Карела, бросая взгляд вниз, на свою одежду. Но там все было в порядке, и она уже раздраженно воззрилась на юношу: — Так в чем дело, Табасх?

— Да ни в чем, — пробормотал он, едва заставив себя отвести взгляд от разрумянившихся щечек и рыжеватых прядей. Мысли принялись цепляться одна за другую, и вот уже недавно виденная им сцена насилия, печально закончившаяся для Мусто и Бриана, припомнилась Табасху ясно и красочно... И противная щекотка, от которой хотелось чесаться, уподобившись блошивой обезьяне, разом охватила тело Табасха.

Он в ужасе метнулся к дальней стене, пытаясь выйти из полосы света. Чесотка не прекращалась. Скорчившись на полу, Табасх закрыл глаза, заткнул уши, стараясь забыться, вытеснить из памяти и из воспаленного мозга все то, что так некстати могло ему помешать.

— Что с тобой? — легкая ладонь тронула его за плечо.

— Ничего, — только и смог выдавить из себя Табасх, по-прежнему не открывая глаз и настойчиво убеждая себя, что к нему прикасается не восхитительная молодая женщина, а старая сморщенная карга, чудом сохранившая такой нежный, такой волнующий голосок.

— О, Иштар!.. — выкрикнула вдруг Карела, и Табасх услышал, как девушка отскочила от него, да так стремительно, что мелкие камешки, отскочившие из-под ее сапожек, больно царапнули голые ноги Табасха. — Прекрати сейчас же, или...

Табасх был бы рад прекратить. На худой конец, он был бы согласен на «или». Чтобы закончить со всей этой мукой раз и навсегда, он, пожалуй, решил бы свести счеты с жизнью. Тем более, если разгневанная и перепуганная красавица посодействует ему в этом». Ради этого Табасх смог бы даже пригасить свою магическую защиту ровно настолько, чтобы стальной клинок смог беспрепятственно войти в его сердце. Так он и сделал бы, и немедленно, если бы не существовало шанса обрести, наконец, покой, оставшись к тому же в живых.

Почувствовав, наконец, что ему удалось обуздать мохнача, Табасх открыл глаза и отер ладонью потное лицо. Поискав глазами Карелу, он увидел ее около костра. Табасх ожидал, что девушка будет ждать дальнейших событий если и не с кинжалом в руке, то по крайней мере с ладонью на его рукоятке. Однако Карела сидела, подтянув колени к подбородку и обняв себя за ноги, и смотрела на Табасха заинтересованно и грустно.

— Почему?.. — проговорил Табасх, но дыхание его сбилось, и он закашлялся.

— Почему что? — ровным голосом спросила Карела.

— Ты не убежала, не отошла подальше, и даже... даже не готова защититься. А если бы я не смог справиться с этим?

Карела немного покраснела:

— Я увидела, как ты хотел справиться. Я решила, что это подвластно тебе.

— Я же уже говорил, что почти нет, — сокрушенно сказал Табасх. — Наверное, мне стоит быть очень осторожным до тех пор, пока я не попаду в храм Деркэто и не сброшу с себя заклятье. Я бы не хотел подвергать тебя опасности.

«...До тех пор, пока не перестану в тебе нуждаться!» Этих слов Табасх не произнес. Он скорее откусил бы себе язык. Скажи он об этом, и любопытная Карела шаг за шагом вытащила бы из него все объяснения до одного. И тогда, как справедливо заметил заносчивый офицер, Карела умчалась бы без оглядки. И вожделенное избавление было бы отложено на совершенно неопределенный срок... Досточтимый Эльрис, когда говорил об этом, строил только догадки и брызгал слюной исключительно с досады и в жгучей своей обиде. Ни сам Эльрис, ни тем более Карела даже не подозревали, до какой степени офицер был прав в своих предсказаниях, полных злобы и желчи.

— Ну спасибо, что предупредил, — пожала плечами Карела. — Я постараюсь не вводить тебя в искушение и теперь буду отходить от тебя подальше, когда мне нужно будет поправить сползшую с плеч ткань.

Табасх видел, что девушка немного раздражена. Никогда, видимо, не задумывалась она о том, какое впечатление производит она на мужчин, потому что не встречалось прежде на ее пути такое всеми проклятое существо, как Табасх.

— Значит... Значит, вы с сестрой оба искали это место?

— Да. Я сбежал из дома сразу же после смерти матери, — отозвался Табасх, радуясь слухам переключиться на воспоминания, которые хоть и мучали, но не ставили под угрозу все дальнейшие планы демона-полукровки, как это делали его вольные грэзы. — Я четыре года бродил по свету...

— Совсем один?

— Некоторые пытались показать мне всю легкомысленность и опасность таких странствий для подростка, — угрюмо усмехнулся Табасх.

— И что с ними стало? — поинтересовалась Карела.

— А это кому как повезло. Или не повезло, — нехотя ответил Табасх. Карела все чаще и чаще демонстрировала ему, что причуды и фокусы чародея не коробят и не страшат ее. Но у него не было желания еще раз проверять это и вести страшные рассказы.

— Почему же ты так долго бродил где-то, а сюда попал только тогда, когда здесь оказалась и твоя сестра? Почему не пошел сразу сюда?

— Михар имела почти точный план. У меня были только рассказы матери и слухи, которые я наскреб по разным закоулкам, — лениво засмеялся Табасх. — Все всегда складывалось для меня неудачно, поэтому и сюда я прибыл несколькими часами позже

Михар.

— Ну, на неудачника ты, положим, не очень похож, — уверенно сказала Карела. — Чего не скажешь о моем ретивом телохранителе.

Девушка с презрительной гримаской оглядела Эльриса, который хралел между тюками, время от времени аппетитно причмокивая.

Табасх немного помялся, но все-таки заметил:

— Зря ты дразнишь его. Такие люди, если их дразнить, свое родовое достоинство перекачивают в ненависть, а правила хорошего тона до капли переплавляют в жажду мести. И вместо благородного дворянина может объявиться самый натуральный разбойник.

— Ну, может быть, ты и прав, — усмехнулась Карела. — Но поверь мне, Табасх, иметь дело с разбойником мне будет много проще, чем с изысканным спесивым мужчиной. На каком языке разговаривать с разбойниками, я представляю! — добавила девушка, и зеленое пламя, вспыхнувшее в глазах ее, подтвердило, что слова ее справедливы. Не уточнялось, правда, хватит ли силенок, чтобы добавить их в случае чего к представлениям прекрасной воительницы, но Табасх предпочел не вдаваться в такие детали, чтобы не сделать девушку своим врагом.

Он должен будет войти под каменный свод храма рука об руку с прекрасной женщиной. А поскольку не исключалось, что за ближайшей, кроме Карелы, прекрасной женщиной идти пришлось бы не один день, следовало не спугнуть подарок судьбы, которая обычно была не очень-то щедра к несчастному чародею. Он был очарован Карелой и сразу же понял, что никакая другая женщина не подойдет так идеально для свершения его заветной мечты.

— Кстати, а чего хочет от тебя твоя сестра? — поинтересовалась Карела.

Табасх почувствовал облегчение от того, что Карела спросила его вначале именно об этом. Чем дольше девушку не заинтересует вопрос, а чем именно она, Карела, может помочь Табасху, тем больше у него шансов вовлечь красавицу в свое предприятие.

— Разве я не говорил? — удивился Табасх. — Михар хочет стать земным воплощением самой Деркэто, а без меня у нее это не получится.

— Разве ты способен превратить обычную женщину в неотразимое существо и предмет вожделений? — недоверчиво фыркнула Карела.

— Я — нет. Но моя кровь — да, — выговорил Табасх, с трудом скрывая, какой трепет охватил его при одной мысли о том, что ждет его, если... Впрочем, стоит ли опасаться Михар настолько? Пока не услышит Табасх, как рядом звучит его имя, сестричка может до потери сознания любоваться в зеркало своей плоской желтой грудью и мохнатыми бровями.

— Что же она не наняла никого прирезать тебя во сне? — засмеялась Карела. — Она не настолько сообразительна?

— Нет, она умна. Настолько, насколько может быть умна женщина, одержимая страстью избавиться от собственной неполноценности. Но ей нужна не кровь Табасха, а кровь демона-мохнча. И не добытая по слухаю, а пролившаяся на каменный пол храма мести из-под клинка Деркэто. Каменный исполин, жертва своего бездушия и недалекого ума, неминуемо отсечет мохнчу голову, как только в его руки ляжет сабля Деркэто.

Карела нахмурила хорошенъкий чистый лобик:

— Для этого не надо слишком много: мохнч должен стоять перед ним. А сабля Деркэто?

— Она лежит у каменных ног. Едва она коснется рук изваяния, камень оживет. Но никто из людей не может взять ее в руки и передать ее каменному исполину. Тронувший саблю

человек умрет в муках. Только я могу взять ее и передать ее кому угодно.

— Так не делай этого! — вскричала Карела.

— Так и не делаю! — усмехнулся Табасх. — Не делаю, потому что пока не услышал свое второе имя. А лишь только услышу — обращусь в мохнача, забуду обо всем, даже о своей мечте и о своих страхах и побегу в храм, возьму саблю и сам передам ее в руки своему палачу. Один взмах — и... Михар останется лишь подставить чашу и глотнуть моей крови.

— Я поняла. Только как-то это все запутано!.. — вздохнула девушка.

— Есть немного, — согласился Табасх. — Но это потому лишь, что Деркэто — слишком изощренная сущность. Да к тому же не одно заклятье может свершиться в храме. Если я попаду туда в своем человеческом облике и передам саблю...

Табасх в ужасе прикусил язык. Да что это с ним сегодня такое. Улыбчивый колдун, так располагающий к себе, не был ни наивным, ни простодушным. Ему было, конечно, за что похвалить себя, но Табасх знал, что для своей цели он готов поступиться многим и взойти к ней по чьим угодно костям. Почему же он уже в который раз едва сдерживается, чтобы не выдать своих истинных намерений? Да, девушка, несомненно, не только красива, но и горда, энергична, очаровательно упрямая и норовиста, но... Это, к сожалению, не причина, чтобы ради нее забыть о себе.

— Что-что? — произнесла Карела.

— Чуть после, — отозвался Табасх. — И не здесь. Пойдем-ка на воздух.

Он схватил ее за руку, рывком поднял на ноги и потянул к выходу из грота.

— А Эльрис? — слабо сопротивляясь Табасху и оглядываясь на офицера, пробормотала Карела. — Эльрис проснется?

— Куда он денется? — проворчал Табасх Судьба высокородного Эльриса волновала его куда меньше, чем судьба чайки по имени Ганда, чей крик все еще чудился Табасху в рассветном небе над горами северо-восточного Кофа.

ГЛАВА 4

Я не надеюсь на то, что кому-нибудь, например, тебе удастся осилить моего брата. Обычному человеку никогда с ним не справиться. Тебе так даже и пытаться не стоит... Но нам нужно знать не только где он, но и с кем он. Я думаю, что он сейчас там в гроте не один, поэтому хорошо бы присмотреться к их убежищу. И скорее! Скорее! Как мне не хочется ждать! Поскорее бы добраться до него!

Михар раскинулась на мягком войлоке рядом с Брианом и мяукала, почти как Фипон. Небольшой костерок, разведенnyй ею в углу обширной каменной пещеры, давал ровно столько тепла, сколько хватало, чтобы согреть два обнаженных тела.

Настроение у стигийки было лучше некуда, и поэтому хоть она и разговаривала с немедийцем повелительным тоном, в ее голосе уже слышалась не угроза, а снисходительность. Приподнявшись, она одобрительно взглянула на свой неутомимый и такой послушный трофей. Бриан, поймав ее взгляд, судорожно сжался и немедленно вскочил на ноги.

— Ну-ну, побегай, побегай, а то снова замерзнешь, — усмехнулась Михар. — Так и быть, я поишу тебе накидку.

Ей нравилось, что сильный молодой мужчина трепещет, как былинка, от одного ее взгляда. Да и немного найдется женщин, которым такое не понравится.

— Ты к тому же еще и голоден, не так ли? — спросила Михар.

Бриан кивнул.

Запасы продовольствия у Михар были невелики. Но стоило ли морить немедийца голодом?

Подумав, Михар пододвинула к нему серебряное блюдо с лепешкой и сущеным мясом.

Сначала с опаской, а потом все быстрее и быстрее, Бриан принялся поглощать пищу. Он так старался ничем не прогневать стигийку, но никак не мог удержаться от утробных чавкающих звуков. Эти звуки наполнили пещерку, и Михар не смогла удержаться от довольной улыбки: инстинкты немедийца не смог приглушить даже страх. А это не так уж и плохо. Мужчины, подобные Бриану, умеют верно распоряжаться своей неиссякаемой жаждой жизни. Особо не задумываясь и не напрягаясь, Бриан сможет верно рассудить, как именно ему лучше поступить, чтобы уцелеть.

Судя по тому, как быстро немедиец расправлялся с мясом, голоден он был зверски. И хотя силы в его мощном теле пока еще не угасли, этот жалкий кусочек вряд ли насытит Бриана. Наблюдая за ним, Михар подумала о том, что кормить до отвала эту внушительную гору мышц будет крайне обременительно. В идеале было бы неплохо, чтобы ее помощник сам добывал себе пропитание. Но это в идеале. Как бы ни заводило Михар нетерпение, она понимала, что пока Бриан зависит от нее, и до поры до времени придется его не только кормить. Михар придется позаботиться по-хозяйски о своем имуществе.

Имущество того стоило, поскольку оказалось на редкость работоспособным. И хотя многое требовало от перепуганного солдата пока было бессмысленно, Михар надеялась, что он немного придет в себя и вполне может сгодиться еще кое на что, кроме плотских утех. В последнем, кстати, Бриан оказался довольно сведущ, и Михар решила учесть это, как весьма достойное внимания обстоятельство.

Однако, сильные мужские руки были ей нужны не только на ложе страсти. Оставалась

еще и кое-какая грязная работа. Конечно, Михар предпочла бы, чтобы в ее распоряжении оказался небольшой отряд сильных, послушных и желательно бесстрашных до безрассудства воинов. Хотя, конечно, на всей земле, возможно, не сыскать ни одного человека, даже среди мощных и опытных вояк, который не дрогнул бы, столкнувшись с выкрутасами Табасха. А если и есть такой, возможно, он еще в колыбели. Как бы то ни было, на его поиски может уйти вся жизнь. Поэтому придется брать Табасха не мощью и не числом, а по возможности хитростью, да еще надеясь на благоприятный случай. Жаль будет, если для этого придется пожертвовать таким превосходным экземпляром, как Бриан. Имуществом своим Михар дорожила всегда.

Немедиец почти молниеносно умял мясо. У него не достало смелости объявить о скучности пайка, и он с тоскливой обреченностью принялся пожирать глазами свою госпожу. Он был достаточно сообразительным, чтобы понять, что так просто от него не отстанут, и он терялся теперь в догадках, какая же участь ему уготована.

В том, что Митра решила на некоторое время оставить своего грешного приверженца без особого внимания, стало для Бриана очевидным. Обидно, конечно, но положа руку на сердце, Бриан признавался, что удивляться этому не приходилось: не утруждал себя молодой повеса соблюдением строгих догматов. Однако немедиец по-прежнему повторял про себя свои клятвы, надеясь на снисходительность солнцеликого.

Потянувшись к своим вещам, Михар принялась копаться в тюках, разыскивая какую-нибудь тряпицу побольше, чтобы мужчина мог хоть чем-нибудь прикрыться от холода. Глупо было бы выпускать его из храма с важным поручением, не позаботившись о нем после его такой добросовестной работы. Для того, чтобы он безропотно послушался ее, вовсе необязательно мучить его холодом... Да, все-таки Михар была заботливой хозяйкой.

— У меня есть поручение для тебя, Бриан, — произнесла она, поворачиваясь к немедийцу с куском пестрой тонкой шерстяной материи в руках.

Бриан попытался придать своему лицу покорное выражение, но страх все равно так и просачивался наружу. Уже сам тон голоса стигийки подсказал ему, что его ожидает. Поэтому мученическая гримаса появилась на его лице в ответ на слова Михар.

Она едва удержалась от презрительной улыбки:

— Да, Бриан, ты не ошибся. Поручение довольно хлопотное и опасное. Ты должен будешь отыскать моего брата.

— О моя госпожа! — Бриан задохнулся от ужаса. — Смилуйся! Разве... Разве я был неловок или груб с тобой, моя госпожа?!

На глаза немедийца навернулись слезы. Слезы на глазах человека, который если и плакал в своей жизни, то уже давно забыл, когда, могли разжалобить бездушный камень. Но разжалобить Михар могло одно-единственное существо — ее любимец Фипон, да и то только когда его кусали клещи, трепали коты-соперники или приключалась другая какая беда.

— Успокойся! — нахмурилась Михар. — Я тобой довольна. Но тебе придется сделать то, что я велю!

Немедиец схватился за голову и смотрел на свою госпожу, точно уже в ней он видел лохматое чудовище.

— О, моя госпожа! Я умоляю! Это ужасное чудище!.. — Бриан упал на колени.

— Помолчи! — повысила голос Михар.

Она встала с войлока и медленно оделась. Слыша за спиной сдавленное ужасом

дыхание Бриана, она размышляла, не попытается ли ее имущество сбежать тотчас же после того, как скроется с ее глаз. Это было бы довольно смело с его стороны, но вряд ли благоразумно. Конечно, она знает способы, как проследить за человеком, давая к тому же знать ему о постоянном своем присутствии, но это было слишком долгое и сложное занятие, всегда отнимавшее у нее почти все силы, поэтому она решила, что просто запутать Бриана до смерти будет легче, быстрее и вряд ли менее действенно.

Михар повернулась к немедийцу.

— Подойди ко мне, Бриан!

Он встал на ноги и приблизился, дрожа и бледнея. Развернув пеструю ткань, Михар принялась закутывать Бриана, делая это довольно ловко. Ткани было много, и умелые руки Михар хорошо знали подобную работу.

Через некоторое время немедиец стал напоминать новоиспеченного жреца-пилигрима, уже решившего отказаться от излишеств и роскоши, но еще не успевшего извести в лишениях и странствиях свою крепкую литую плоть. Михар с удовольствием оглядела свое произведение. Приятно, когда даже в мелочах все получается.

— Слушай меня внимательно, — строго сказала Михар, сдвинув брови. — Слушай и запоминай! Сейчас ты пойдешь туда, где встретился с моим братом Табасхом в первый раз...

— Госпожа Михар! — прошептал немедиец. — Умоляю!..

— И слушать даже не желаю! — оборвала его стигийка негромко, но допыталась подлить в свой голос столько льда, сколько нужно, чтобы у мужчины язык примерз к горлани. — Ты пойдешь туда, Бриан, пойдешь в тот самый гrot... Не дрожи до времени, возможно, что Табасха там уже нет. Он ведь пришел сюда не затем, чтобы отлеживать себе бока у костра... Осторожно проверь, а вдруг он там, и нет ли с ним той девицы, о которой ты мне говорил... Кстати, Бриан, она красива?

От невинного на первый взгляд вопроса немедиец окаменел. По своему собственному богатому опыту Бриан знал, что если наедине с трактирной шлюхой похвалить прелести да умения той другой, с которой был накануне, о приятной ночи можно даже и не мечтать. Самая уродливая женщина, даже если она сама о себе невысокого мнения, никогда не простит мужчине слов явного одобрения, сказанных в адрес другой, даже если она сама понимает, что та другая стократ привлекательней... Никогда не мог понять Бриан женщин. Но он знал, чего от них можно ждать. Поэтому-то он мучался от страха и молчал, выкатив глаза и совершенно не мигая.

— Я задала тебе вопрос, Бриан. И не слишком сложный! — Михар повысила голос. — Неужели связная речь тебе уже не по силам? Так красива ли та девица?

В горле Бриана что-то булькнуло, и от едва разлепил губы:

— Я не знаю, госпожа. Это дело вкуса... Она еще девчонка, но». Все, кто знает ее, говорят, что боги были к ней щедры.

Сжалось сердце Михар от горькой досады. Знала она, с детства знала, что к ней боги щедры не были. Дав ей талант освоить силу магического искусства, они решили, видимо, что этого достаточно.

Если рассуждать хладнокровно, то боги были не так уж и неправы. Добиться своего вполне можно было и теми средствами, которые Михар были уже доступны. Ведь приручила же она смазливого немедийца. Да так приручила, что у того и сердце из пяток не поднимается... Почему бы и с остальными не поступить так же? Это было бы разумно.

Но на то Михар и женщина, чтобы, во-первых, не мириться со скучными дарами

всемогущих, а во-вторых, не внимать доводам разума. И то, сказать по правде, даже те женщины, слава о которых гремит по свету, становятся известны благодаря множеству качеств, среди которых крайне редко можно встретить холодное благоразумие. Мужчины почему-то бывают этим неприятно поражены каждый раз, как вновь, хотя два этих качества они обнаруживают в женщинах от сотворения мира. Чему удивляются?

Женщинам не только хочется странных подчас вещей, но и добиться их женщины обычно пытаются отнюдь не самым простым и доступным, а самым изощренным, но милым их сердцу способом. Мужчинам тоже важно, как добиться цели, но для них больше подходит путь напролом, как самый кратчайший.

Михар знала свой кратчайший путь. Постоянно прибегая к магии, используя которую с умом, можно подчинить себе кого угодно, Михар давно уже удалось бы окружить себя целой свитой безупречных во всех отношениях слуг, помощников и страстных любовников, которые грызлись бы за право взойти на ложе своей всесильной и неумолимой госпожи или хотя бы преклонить колени у ее ног... Но Михар хотела достичь всего этого, обретя милость Деркэто и воспользовавшись теми невероятными сладостными возможностями, которые будут ей дарованы, чтобы жертвы ее попадались к ней в руки по доброй воле, будучи не в силах противостоять ее женской силе. Она хотела соблазнять и карать силой божественной красоты и неземной прелести. Только так и никак иначе. К тому же она знала способ, как это сделать.

Поэтому, досада и горечь, пробужденная словами немедийца, быстро улетучились. Подумав немного, Михар снова заговорила:

— Что ж, то, что она красива, может несколько облегчить нам задачу. Табасх, возможно, уже решил воспользоваться для своих целей именно ею, этой самой девицей. А это значит, он не уйдет никуда из Серого ущелья, потому что ему ни к чему больше пускаться на поиски. Да! — Михар вдруг очень оживилась. — Тут есть еще одна очень интересная возможность для нас! Табасх, насколько я его знаю, всегда таял перед красотой! Так было, даже когда он был ребенком. А значит, он мог расслабиться да и рассказать ей многое. Имя свое он, конечно, не назвал, но мог намекнуть. А значит, даже пуще, чем Табасх, нам нужна эта девица.

Михар взглянула на Бриана, который покорно хлопал глазами и, видимо, добросовестно пытался вникнуть в размышления стигийки. От планов этой бледнокожей костлявой женщины зависела его жизнь. Он был беспомощен, совершенно беспомощен перед нею. Слушать и подчиняться — это все, что ему оставалось.

— Да, Бриан. Она нам нужна. Во-первых, она может нам рассказать много интересного, во-вторых, Табасх непременно примчится вслед за нею, даже если он собирался повременить с нашим свиданием. Поэтому ты, Бриан, пойдешь и доставишь мне ее любой ценой.

— Но госпожа! То чудовище, лохматое и вонючее... — снова взмолился Бриан о своем. — Оно же свернет мне шею, так же точно, как и старику Мусто!

— Ну это вовсе не обязательно, — фыркнула Михар. — Табасх иногда бывает на редкость жалостливым... Но поверь мне, если что-то дурное с тобой все же случится, я буду очень огорчена! А если ты возмешься вдруг упорствовать и посмеешь мне не подчиниться... — Мяу! — раздалось снизу. Проснувшийся Фипон терся о ноги хозяйки. Пройдоха с дымчатым хвостом потому так был мил сердцу Михар, что ей всегда казалось, будто кот не то понимает, не то чувствует все, что говорит и делает Михар. Вот и сейчас он

наверняка сообразил, что хозяйка угрожает ненавистному человеку, и решил напомнить о том, что может по мере сил принять участие в экзекуции.

Бриан, похоже, подумал о том же, потому что отпрянул в сторону, и кот грозно зашипел на него, выгнув спину.

— Нет, мой милый Фипон, — усмехнулась Михар, — Я знаю, ты не потерял надежды отведать любимого мяса, но извини, если этот болван вздумает со мной спорить, я сделаю с ним нечто совсем другое...

Бриан снова рухнул на колени. Похоже, что он был уже готов на все, лишь бы отвести от себя гнев.

— Если ты и дольше будешь со мной препираться, то ты возмечтаешь оказаться в зубах Фипона, — ровным голосом пообещала Михар. — Потому что если ты думаешь, что превратить тебя в какую-либо тварь — это предел моих способностей, то ты ошибаешься. Я знаю, как поступить с человеком, чтобы он пожалел о том, что родился на свет. И я это сделаю с тобой. Подумай, Бриан. Сильных и красивых мужчин много ходит по свету, и мне нетрудно будет найти тебе замену. А вот лично у тебя жизнь всего одна. Не подталкивай же ее к концу!

Плечи немедийца бессильно опустились. Возражать и сопротивляться было бесполезно. Пытаться вырваться на свободу — бессмысленно. Что же ему оставалось? Послушно выполнять приказ стигийки. Вдруг да получится что-нибудь?

— Ты хоть справишься с девчонкой в одиночку? — немного насмешливо уточнила Михар. — Вы же ее тогда вдвоем не одолели.

— Я справлюсь, моя госпожа! — промямлил Бриан.

— Уж постараитесь, — фыркнула Михар. — Впрочем, выбора у тебя нет. И учти, каждый твой шаг будет мне доподлинно известен! Ступай!

Бриан поклонился и пошел туда, где из расщелины, ведущей из горного храма наружу, пробивался дневной свет.

— Он будет стараться, — задумчиво кивнула Михар, усаживаясь на подстилку и беря на руки Фипона. — Посмотрим, что у него получится. Если же Табасх свернет ему шею, нам придется придумывать что-нибудь еще.

* * *

Бриан остановился, поправил накидку, спадающую с плеча, и со вздохом присел на камень. Тонкая ткань странной расцветки не спасала, однако Бриан все-таки чувствовал себя немного лучше, чем в храме перед очами грозной стигийки.

Было, конечно, холодно. С тоской вспоминал Бриан свою отличнейшую куртку, теплые штаны и крепкие сапоги, которых он недавно лишился. Разве простой тряпки достаточно? Правда, Бриан предпочел бы снова оказаться голышом, но не здесь, а где-нибудь поблизости от оставленного прииска.

Ноги немедийца просто заледенели. Босые ступни приобрели синий оттенок, из разрезанных острыми камнями подошв кое-где местами сочилась кровь.

Нет, не доводит до добра размеренная жизнь в благополучном гарнизоне в небедной стране! Как босиком-то ходить, и то позабыл.

Морщась и пыхтя, Бриан огляделся. Гrot, к которому он держал путь, был уже близко, за

поворотом широкой горной тропки, опоясывающей высокую скалу. Стоило всего лишь встать и сделать полсотни шагов. Никогда Бриан не думал о себе, как о трусе. Да и теперь он скорее жалел себя, чем презирал. Прежде, чем сделать последний рывок к тому месту, куда послала его таинственная и неумолимая госпожа, Бриан готов был посидеть и поразмыслить хорошенько над своей несчастной судьбой.

Очень уж не хотелось Бриану мириться со своей новой ролью невольника. Вроде бы и без цепей и колодок, но слова и жесты стигийки потяжелее всяких колодок, да их к тому же и не скинешь! Колдунья обещала ему, что будет за ним следить. Не представлял Бриан, как она собиралась это делать. Может быть, обратилась она вот в эту зеленую навозную муху, что кружит сейчас перед носом Бриана? Взять, что ли, попробовать поймать да задавить?.. «Я схожу с ума!» — понял Бриан. Конечно же, мухи тут совсем ни при чем, но немедиец, тем не менее, прямо-таки спиной чувствовал нависшую над ним угрозу неудержимой жестокой женщины. Не было у бедняги повода сомневаться в реальности угроз, да и только полнейший дурак решился бы попробовать ослушаться, чтобы проверить серьезность намерений чародейки.

Едва только покинув грот и оставшись один, Бриан поначалу даже любые мысли гнал от себя, пока ему казалось, что стигийка может с легкостью их прочитать. Но постепенно, уходя все дальше и дальше от горного храма, Бриан осмелел. Если говорить о смелости в его положении вообще имело смысл. Но по крайней мере, он мнил, что мысли его в безопасности. Мало-помалу, он стал роптать и хотя бы в размышлениях своих искать пути избавления.

В том, что Михар — могущественная колдунья, он не сомневался, но ужасное косматое существо, внезапно напавшее на него и Мусто,казалось Бриану непобедимым и всесильным демоном, с которым слабой женщине бороться не след, даже если она иногда умудряется замутить воду в ритуальной чаше... Никто не убедил бы Бриана в обратном, и поэтому немедиец не видел способа выйти невредимым из грота, случись ему туда войти.

Будь его воля, он сразу же удрал бы из Кофских гор и вернулся бы поскорее назад, в Офир. Да и, пожалуй, выполнил бы все те обеты, которые дал сгоряча пресветлому Митре. В конце концов, сменить жизнь вольную и разгульную на чинную и спокойную означает всего лишь сменить жизнь на жизнь. А находиться во власти Михар в любом случае означает сменить жизнь на смерть. И попытка побега тоже грозит смертью. Вот так влип!

В бессильной злобе Бриан ударил кулаком по шершавой поверхности камня и взвыл, теперь уже от боли.

— Вот влип! — с досадой произнес он самому себе еще раз.

Не было на памяти Бриана таких случаев, когда бы ему приходилось так много и бесплодно размышлять. Размышления не входили в число его любимых способов убивать время. Он привык спать, когда уставал, есть, когда бывал голоден, любить женщин, когда они ему нравились. И не желал рассматривать ситуации, в которых он был бы вынужден поступать против своих желаний.

А что получалось? Он был голоден, но пришлось довольствоваться жалкими крохами. Он устал и замерз, но не улегся спокойно в тепле, а бредет по холодным камням, разбивая в кровь ноги и кутаясь в тонкий лоскут. Он хотел немного позабавиться со смазливой девчонкой, а вместо этого два часа кряду ублажал сухую смуглую женщину, в чью сторону никогда даже и не взглянул бы по собственной воле. Да как же это так?! За что? Почему?

Но надежда еще теплилась в нем. Бриан решил не опускать руки, и пока выхода не было

видно, он решил хоть как-то создать видимость полного подчинения Михар.

Он храбрился, пытался вытеснить из памяти то, как он только что изображал из себя страстного поклонника в то время, как ему хотелось ослепнуть и не видеть жадно горящих темных глаз ненасытной женщины... Но он помнил свой страх. Страх жил в нем, как ни в чем не бывало, и никуда уходить даже не собирался.

— О, Митра! Пусть ты оставил меня и обошел своими милостями, знай, что делаю я все это не по доброй воле, а по наущению вероломной стигийской ведьмы! — взмолился Бриан.

Но боги имеют обыкновение молчать в беседе с теми, кто не умеет их слушать. Поэтому ни слова не услышал Бриан в ответ. Выбираться из кошмара ему предстояло самому.

Немедиец встал и с горечью подумал о том, как потешались бы над ним его дружки, если бы увидели его таким: жалким, перепуганным, замотанным в нелепую пеструю тряпку, да еще идущим выполнять поручение женщины, играющей им, как кошка мышкой. Позору не оберешься! Бриан сплюнул со злостью и побрел вперед.

Завернув за скалу, Бриан притаился на краю расщелины совсем недалеко от входа в грот. Внимательно прислушавшись, он не уловил ни одного звука. Возможно ли было, что оба: и чудовище, и дочка Клоруса — находятся внутри и молчат? Или спят среди бела дня? Да скорее всего, чудовище уже полакомилось мягким упругим телом девушки и спокойно отдыхает в ожидании очередного простака, который забредет на огонек.

С опаской, не сводя глаз с отверстия в скале, Бриан несколькими неловкими прыжками пересек тропу и перегнулся через каменный парапет, построенный на горной тропе самой природой.

С удивлением увидел он четверых лошадей, спокойно стоящих на привязи у невысокой сосны, и следы костра, который разводили они с Мусто после того, как стали лагерем на ночевку.

Не было ни вещей, ни оружия. Не было не только девчонки Клоруса, но нигде не видно было также и трупа высокородного офицера, которого Бриан прирезал прошлой ночью и успел даже раздеть в надежде забрать доспехи и богатую одежду господина Эльриса.

Только лошади и следы костра.

— Ну и ну, — присвистнул Бриан. — Если кони здесь, значит, и девчонка здесь. Вот только где же именно она прячется, проклятая?! Не стала бы она пускаться в путь на своих двоих ни днем, ни ночью. Не привыкли ее нежные ножки лазать по горным дорогам пешком... Как и мои тоже, прах их побери! Да и тело Эльриса... Куда оно делось? Не могла же девица забрать его с собой. Не то это сокровище...

Размышляя вслух, немедиец пытался побороть растерянность и немного встремхнуться. Ему хотелось решить задачу, по возможности не приближаясь к гроту, и уж конечно, не входя туда. Вот если бы девица вышла вдруг навстречу ему, одна, без оружия... Вот это была бы не просто удача, а добрый знак прощения, посланный Митрой!

Но никто не выходил из грота и не входил туда. Бриан помедлил немного и, помня о грозном предупреждении Михар, наскоро помолился об успехе своего предприятия и шагнул к входу в грот.

По мере того, как он продвигался по расширяющемуся проходу, весьма понятная оторопь овладевала им. До конца своих дней не сможет он забыть, что пришлось ему пережить, когда посреди довольно хлопотного занятия, сулившего множество удовольствия в конце, он оглянулся назад и увидел такое... Такое, что не вся кому еще и приснится! До сих пор в ушах Бриана стоял хруст шейных позвонков Мусто. О нет, ни в коем случае Бриан не питал

никакой привязанности к старому солдату, как впрочем и ни к кому на свете, но видеть и слышать такое, понимая, что следующая очередь будет твоя!

Ноги Бриана стали совсем непослушными. Если бы он не переставал помнить строгий наказ своей госпожи, он уже давно повернул бы назад. Но покуда немедиец не мог решить, какой из двух его страхов страшнее.

У последнего выступа, заслоняющего его от входа в грот, Бриан остановился и взгляделся в пространство пещеры.

Очаг теплился все на том же месте, слабо освещая грот, и войлок был все так же расстелен рядом. Только... Бриан с удивлением узнал те самые мешки с вещами, которые они везли на своих лошадях из самого гарнизона. Кто-то приволок их сюда все до одного и не швырнул, как попало, а аккуратно расставил.

Тут послышалось негромкое ворчание и между мешками что-то слегка зашевелилось. Пот прошиб Бриана, а глаза его отказались вдруг различать что-либо. Да скажи ему кто-нибудь раньше, что он будет так отчаянно трусить, плохо бы пришлось тому пророку. Бриан был известен своей бесшабашной храбростью. Но одно дело — кровопролитное солдатское ремесло, и совсем другое — попробовать выжить, попав между двух огней, оказавшись между двумя ненавидящими друг друга чародеями.

Однако кое-что было очевидным: прямо посреди мешков кто-то спал, вздыхая и бормоча что-то во сне.

«Чудовище!» — мелькнула мысль в голове Бриана, и он принял пристально изучать грот. Девушки нигде не было. «Он уже сожрал дочку Клоруса. Это точно. Если я его разбужу, он закусит и мной тоже... Нет уж, если Михар хочет повидать братца, пускай идет сюда сама!» — решил Бриан, и уже хотел опрометью броситься назад. Но что-то вдруг удержало его.

То, что спало среди мешков, неожиданно зашевелилось и медленно село, тряся головой... Бриан всмотрелся и в ужасе присел, вжимаясь в холодную скалу. «Эльрис!.. Нергал его забери!» — едва шевеля мозгами, подумал Бриан. — «Неужели и этот еще явился из преисподней по мою несчастную душу?! Ну нет, это уже совершенно никуда не годится! Можно подумать, что нет никого на этом свете сквернее и грешнее бедняги Бриана!»

— Карела?.. — раздался из грота сбивчивый удивленный голос.

Никто не собирался отзываться на зов Эльриса. Больше в гроте не было ни одной живой души. Ероша себе волосы и отряхиваясь от пыли, дворянин все еще приходил в себя после на редкость крепкого и безмятежного сна.

«О боги, неужели он жив?!» — Бриан перевел дыхание, и вдруг ему стало смешно. Ну, конечно же, офицец жив. Стал бы Нергал уделять внимание его, Бриана, скромной персоне, как же! Да и благочестивый дворянин вряд ли мог бы быть его посланцем, потому что не угодил бы Эльрис после смерти в такое явно им не заслуженное гиблое место. Не иначе как дрогнула рука немедийца в тот момент, когда девчонка, удирая от Мусто, принялась взвывать к Эльрису... А в таком случае никогда не поздно доделать то, в чем недавно дал маxу.

Подобравшись, Бриан выскочил из своего укрытия и в два прыжка добрался до сладко зевающего офицера. Тот успел заметить метнувшийся к нему из темноты пестрый силуэт и успел выставить руки. Сцепившись, противники свалились между тюков, баражаясь там и пытаясь дотянуться каждый до глотки своего врага.

Разглядев нависшего над ним Бриана, Эльрис вытаращил глаза и разразился такими сочными проклятиями, какие не очень-то приличествовали высокородию офицера. Бриан не

остался в долгу. Переругиваясь, они отчаянно боролись, и каждый стремился поскорее одолеть противника. Но оба они были сильны и молоды, и не вчера стали служивыми людьми, поэтому судьба никак не могла выбрать, кому из них помочь.

— Ну, погоди, подонок! Доберусь я до тебя! — хрюпал Эльрис, пытаясь высвободить руку и дотянуться до своего оружия. — Ты у меня узнаешь, дермо, как нападать исподтишка!

— Извини, высокородный! Нергал попутал! Больше не повторится! Впредь буду сразу глотку перерезать... — огрызаясь Бриан, пробуя улучить мгновение и самому завладеть мечом Эльриса.

Эльрис оказался не то сильнее, не то ловчее, его руки вдруг железным кольцом сдавили шею Бриана. Обезумев от досады и злобы, Бриан сделал отчаянный рывок, пытаясь хотя бы слабеющими кулаками немного достать Эльриса. И когда после нескольких не слишком-то сильных толчков в грудь Эльрис вдруг застонал, ослабил тиски на шее Бриана и бессильно свалился на немедийца, Бриан несказанно удивился. Но, скинув в себя отяжелевшее тело и осмотревшись, Бриан увидел кровь на своих руках и открывшуюся рану на груди офицера, из которой и сочилась свежая кровь.

— Ага, тот удар кинжалом был сделан не напрасно! — пробормотал Бриан и пнул ногой Эльриса.

Бриану не хотелось думать о том, чем кончилась бы их схватка, если бы Эльрис был здоров.

Недолго думая, Бриан стащил с Эльриса сапоги, потом вытряхнул офицера из превосходных почти новых штанов и с удовольствием облачился в них, скинув прочь ненавистную тряпку Михар. Куртка Эльриса была немного порвана и порезана, но Бриан все же натянул ее на себя за неимением лучшего. Ну а, надев и затянув на талии пояс с ножами, в которых покоился очень даже неплохой по всем меркам меч дворянина, Бриан почувствовал себя почти отлично. Хуже дались Бриану сапоги. Хоть и пришли они впору, израненные ноги даже в хороших сапогах разнылись сильнее. Правда, поразмыслив, Бриан решил, что возвращаться назад ему будет лучше обутому.

Пока он проделывал все это, раненый не шевелился, но к концу переодевания Бриана Эльрис начал понемногу подавать признаки жизни, и немедийцу пришлось подумать о дальнейших своих действиях.

Достойное применение пестрой шерстяной ткани он нашел почти сразу же. Довольно бесцеремонно ворочая раненого с боку на бок, он спеленал его пестрой тряпкой наподобие кокона. Эльрис, однако, начав приходить в себя, несколько раз напряг мускулы так, что немедийцу стало ясно: лоскута будет недостаточно. Вспомнив, где были уложены веревки в дорогу, Бриан бросился к тюку.

Убивать знатного офицера ему больше не хотелось. Ему поручили найти девчонку, а сделать это будет, возможно, не так-то просто без Эльриса. На худой конец, Михар будет иметь хоть кого-то в своем распоряжении, кто сможет выполнить эту задачу лучше Бриана. Сейчас после минут липкого страха, которые Бриан пережил на подступах к гроту, ему стало казаться, что он с удовольствием вернулся бы в постель госпожи, предоставив офицеру совершать подвиги и отбивать девушку у лохматого чудовища.

Бездыханное тело Эльриса было тщательно увязано наподобие выночного мешка. Когда офицер открыл глаза, он мог только вращать головой. Грубые веревки врезались в его тело: Бриан постарался, чтобы у Эльриса не осталось никакой надежды освободиться.

— Слушай ты, мерзавец! — задыхаясь от боли, пробормотал Эльрис. — Не особо радуйся, сюда должны вернуться...

— Я не боюсь женщин. Тем более таких, как госпожа Карела! Я буду рад увидеть ее снова! И не только увидеть! — ухмыльнулся Бриан.

С удивлением он заметил, что и губы Эльриса исказила вдруг издевательская усмешка, немного смазанная болью.

— Что веселишься, высокородный? — с раздражением спросил Бриан. — Извини уж, но мысли о помолвке с красавицей тебе придется оставить на некоторое время, пока ты не воссоединишься с любезной госпожой Карелой где-нибудь на дне ущелья.

— Кажется, такие планы не в первый раз приходят в твою дурную голову, Бриан! — пробормотал Эльрис. — Не думаю, чтобы и на этот раз тебе повезло. Учи, меня он почему-то терпит и не добивает, хотя это ему не стоило бы никаких усилий. Тебя же он раздавит, как муравья.

— Кто? — уточнил Бриан, копаясь в тюках в поисках бутыли с вином. После стольких волнений немедийцу хотелось глотнуть чего-нибудь покрепче родниковой воды. Наконец, он нашел, что искал, и извлек бутыль из мешка, тряхнул, убеждаясь в достаточном количестве содержимого, вытащил обернутую тряпицей пробку и припал к горлышку, жадно глотая.

— Как кто? — через силу усмехнулся Эльрис. — Табасх, стигийский демон.

Рука немедийца дрогнула, вино полилось на камни, а сам Бриан едва не поперхнулся последним глотком. Он едва не уронил драгоценную емкость, но все же взял себя в руки и нашел в себе силы спокойно вернуть пробку на место и поставить бутыль в мешок.

— Демон? Табасх? Сюда?» Зачем ему сюда возвращаться? За тобой?

— Почему же? За тобой». — съязвил Эльрис. Бриан взгляделся в лицо офицера. На нем читалась и боль, и злоба, и горькая досада, но не только. Вместо страха, которого ожидал Бриан, Эльрис испытывал какое-то спокойное злорадство, словно он мнил себя под покровительством стигийского демона.

— Так! — Бриан вскочил на ноги. — Ждать здесь твоего демона я не буду. Мне нужна дочка Клоруса.

— Карела не так глупа, чтобы попасть тебе в руки, — заметил Эльрис. После всплеска гнева и отчаяния офицер был спокоен. Это бросалось в глаза и было подозрительным.

— Где твоя красотка? — Бриан снова пнул связанного Эльриса ногой.

— Она мне не докладывала, — с горечью сказал офицер. — Но учти, мерзавец, я тебя предупредил.

— А ты не переживай за меня, высокородный! Я не собираюсь сидеть здесь и ждать это чудовище.

С сожалением подумав о том, что нет возможности взять с собой кое-какие вещи и бутыли, Бриан взвалил Эльриса на спину и потащил прочь из грота, не обращая внимания на его ругань и протесты.

— Куда ты тащишь меня, недоносок?! — разъярился Эльрис после того, как оголенные плечи его несколько раз приложились к неровным острым краям скал. Вися на спине Бриана вниз головой, Эльрис делал отчаянные попытки сменить крайне невыгодное, неудобное и опасное для него положение.

— Потерпи, высокородный! Познакомлю тебя с одной любопытнейшей женщиной! В обиде не будешь. О Кареле своей враз и думать-то забудешь, уж поверь мне! — пообещал Бриан, а поскольку офицер продолжал извиваться и дергаться, Бриан приблизился к самой

гряде скал и резко развернулся, так, что офирец крепко и сильно ударился головой о твердую и корявую поверхность.

Болезненно простонав, Эльрис потерял сознание.

— Молчи, хороший мальчик, — усмехнулся Бриан, обхватил покрепче обмякшее тело за ноги и побрел обратной дорогой в горный храм. Путь ему предстоял неблизкий, сбитым ногам легче не становилось, поэтому Бриан стиснул зубы и молча продолжил свой путь. Пусть он сделал не совсем то, чего хотела от него госпожа, но все-таки такая добыча лучше, чем совсем ничего.

Бриан мало смотрел по сторонам, только чтобы не сбиться с дороги. Вверх голову он и вовсе не поднимал. Если бы он выкроил время и собрал сил на то, чтобы внимательно оглядеться, возможно, он заметил бы кое-что интересное. Но ему было не до того. А тем временем, сверху, с края плоского плато, на которое забраться можно было только едва заметными крутыми тропками, смотрели на него внимательные и хитрые темные глаза.

* * *

— Да что ты там нашел, Табасх?

Кареле уже прискучил великолепный вид, открывающийся с плоского участка скалистого плато, поросшего травой и кустарником. Она давно уже перестала любоваться этим видом и теперь следила за Табасхом, а он уже довольно долго лежал на животе у самого края и смотрел куда-то вниз, словно на безлюдной дороге он смог найти объект, достойный столь пристального изучения.

— Ничего особенного, — отозвался Табасх, выпрямляясь. — Так, крысы бегают. Одна тащила другую...

Карела молча пожала плечами. Порой ей начинало казаться, что Эльрис был прав. Возможно, многолетние скитания и противоборство с сестрой — если таковая имеется на самом деле — только способствовали тому, что... юноша повредился в уме. Видно, даже полу-демоны не гарантированы от душевных расстройств.

— Ладно, оставим крыс в покое, — заметил Табасх, откидываясь на спину и устремляя взгляд ввысь. — Тебе действительно так уж не хочется в Замору?

Карела ожидала рассказа Табасха, а не его допроса. Но вопрос был невинен, поэтому она спокойно отозвалась:

— Не знаю, что и сказать тебе. Я никогда там не была. Я нигде не была, кроме степей Офира. Может быть, везде есть что-нибудь стоящее. Но если кто-то непременно хочет, чтобы я отправилась в Шадизар, я отвечаю, что не хочу этого, и не собираюсь подчиняться.

— Даже если этот кто-то — твой отец? — удивился Табасх.

— Отец лучше других знал, что я такое. Удивляюсь даже, что его последняя воля была такой... Такой безжалостной и даже вздорной, — вздохнула девушка. — Иногда мне даже кажется, что кто-то нарочно выдумал все это, чтобы заточить меня в Шадизаре. Ну да ладно, это у них не пройдет. Зря Эльрис надеется, что ему удастся доставить меня на место.

— Странно, — задумчиво сказал Табасх. — Скольких женщин я видел, все, как одна, мечтали об удачном замужестве или, если уж замужество оказалось не очень удачным — об отличном любовнике.

— Я же хочу, чтобы никто не мешал мне понять, чего я хочу! — фыркнула Карела. — А

уж когда пойму, никто не сможет помешать мне сделать это!

— Твои речи очень похожи на слова моей сестры, — угрюмо сказал Табасх.

Карела замолчала. Кажется, разговор их Табасху не понравился. Карела никогда не считала своим другом высокородного Эльриса, и поэтому с удовольствием могла немного поморочить и помучать его. Но она не хотела быть неискренней с человеком... который был ей симпатичен.

— Мне наплевать, на что похожи мои слова. Главное, чтобы они были похожи на мои мысли. Если же я почувствую, что в разговоре с тобой мне хочется что-то скрывать, я просто пошлю тебя подальше! — рассердила Карела. — Там в гроте уже спит один такой, которому надо слышать только то, что ему хочется!

— Я не хотел тебя разозлить, — поспешил сказать Табасх. Он по-прежнему смотрел в ясное небо, и только теперь его пальцы с силой вцепились в пучки травы. — Наверное, я непроходимый болван, если умудряюсь поссориться с женщиной, которая хочет мне помочь.

— Советую поумнеть, — мрачно сказала Карела. — Зачем вообще ты притащил меня сюда?

— Мне не очень нравится то место, мне не очень нравится то, что мне предстоит сделать, наконец, мне не нравится... — начал Табасх, но Карела решительно подняла руку:

— Вот что, Табасх. Может быть, у демонов так принято, но сейчас ты с людьми и хочешь стать таким же. Поэтому послушай человека и сделай выводы...

Табасх приподнялся и уставился на нее.

— Мне не нравятся долгие нудные разговоры с намеками, — заявила Карела. — Не скажу, чтобы у меня раньше было много учителей и мудрых собеседников, но, как я теперь понимаю, если бы они были, они замучали бы меня насмерть еще в детстве. Скажи мне прямо, что ты от меня хочешь.

Табасх поджал губы. Карела видела, что у юноши есть несомненная причина для таких проволочек, но дольше мириться с ней девушка не хотела. Поэтому, набравшись терпения для завершения объяснений, Карела серьезно добавила:

— Возможно, я не стану и пальцем шевелить для тебя, если ты захочешь слишком много, но я обещаю, что любые слова сочту лишь словами, и если мы тотчас же расстанемся, то расстанемся друзьями.

— Я прошу тебя помочь найти храм мести Деркэто и пойти туда вместе со мной, — произнес Табасх.

— И все? — подозрительно спросила Карела. Табасх опустил глаза и ровно сказал:

— Этого будет достаточно...

— Для чего?

— Для того, чтобы я чувствовал себя уверенным.

И ради простой прогулки до горного храма городить такой частокол недомолвок? Да парень, пожалуй, принимает ее за дурочку!

— Конечно, я понимаю, тебе кажется странным, что я ничего не говорю об опасностях, — поспешил добавил Табасх. — Да, ты права, Карела, там, в храме, уже ждет меня сестра, Михар. И ты не можешь не думать о собственной безопасности.

— Ты считаешь, кажется, что я не смогу защитить себя от женщины? Ты действительно так считаешь?! — вскинулась Карела. Она почувствовала, как от гнева у нее вспыхнули щеки. Она положила ладонь на рукоятку кинжала: — Ты еще ни разу не видел, как я обращаюсь с этой штукой?

Табасх сложил ладони перед грудью и покачал головой:

— Я и вправду, кажется, еще не видел, но упаси меня Деркэто сомневаться в твоем воинском искусстве! Раз видевший твои глаза, Карела, никогда не осмелится усомниться в твоих словах! Это я, привыкший действовать скорее заклинанием, чем клинком, не представляю, как смогу привыкнуть к жизни без магии. Я хочу этого и боюсь. Но пока я еще не потерял своих умений, я думаю, что твой кинжал и мое колдовство способны защитить нас обоих и от заклинаний моей сестры, и от рук ее слуг.

— Слуг? Каких еще слуг? Так она не одна? Табасх слегка покраснел, и Карела поняла, что он что-то скрывает.

— Да, видишь ли, она обожает издеваться над теми, кто попадается ей под руку, — промямлил Табасх. — Не знаю, как тебе это понравится, но на этот раз под руку ей попалась наша сбежавшая крыса.

— Кто? — перебила его Карела. — Ты о Бриане?

— Вот именно, — вздохнул Табасх. — Уж как он к ней попал, ума не приложу. Но она его расколдовала. Причем так удачно, что этот подонок имеет совершенно нормальные человеческие конечности и, похоже, даже ходит без хвоста. Раньше Михар это не удавалось.

— Мне наплевать на успехи твоей Михар! — возмутилась Карела. — Так это Бриана ты видел сейчас внизу?!

— Да, его.

— И ты посмел ничего мне не сказать!

Карела метнулась к краю плато, шлепнулась на живот и заглянула вниз с обрыва. Но там уже никого не было. На мгновение Карела сильно пожалела, что мерзавец Бриан снова ходит на двух ногах, да еще и без хвоста. Дорого бы она дала, чтобы взглянуть на такое диво.

Услышав рядом с собой дыхание Табасха, Карела бесцеремонно толкнула его локтем и раздраженно спросила:

— А вторая?

— Что вторая? — не понял Табасх.

— Вторая крыса? Ты же сказал, что одна крыса тащила другую... Так кто эта другая? Табасх поднялся на ноги, и Карела тоже вскочила.

— М-м-м... — замялся Табасх. — Это понравится тебе еще меньше...

Карела взглянула на хитрого чародея, и догадка пришла сама собой, едва она заметила мстительный огонек в темных влажных глазах.

— Эльрис?!

Табасх хмуро потупился. Едва сдержалась Карела, чтобы не выхватить кинжал. Но она вспомнила столь безуспешные попытки Эльриса проучить Табасха сталью. Она с досадой отправила уже чуть-чуть извлеченное наружу лезвие обратно в ножны и в гневе топнула ногой:

— Ты обещал мне, что с ним ничего не случится! Не так ли?! Ты обманул меня, стигиец!

— Э, нет, Карела! Я обещал тебе, что он проснется невредимым, и даже думаю, что так оно и было. Но вот моя сестра Михар не давала тебе никакого обещания! С нее и спрашивай! — возразил Табасх, и Карела только вздохнула: что верно, то верно. Кто же знал, что в гроте объявитя посланец колдуньи?

— Не понимаю, как Эльрис позволил ему справиться с собой? — пробормотала Карела. — Несмотря на то, что он невыносим и заносчив, за что я его просто ненавижу, он неплохой воин... Да что там душой кривить, он отличный воин!

— Думаю, рана сослужила офицу плохую службу, — заметил Табасх. — Но я смотрю и поражаюсь: ты взволнована, Карела!

Карела и сама поражалась. Она терпеть не могла Эльриса рядом с собой. Но если теперь ей не с кем будет спорить и не от кого удирать по равнинам Заморы... Кажется, кто-то посмел лишить ее азартной игры, вмешаться в ее достаточно невинные, но смелые планы!

— Зачем Эльрис нужен твоей сестре? — уточнила она вместо ответа.

— Да не нужен он ей вовсе, — отмахнулся Табасх.

— Но тогда он нужен мне! — заявила Карела. — И я не намерена отдавать его твоей Михар. В конце концов, отец поручил ему мою судьбу, поэтому надо дать ему шанс вернуться к исполнению его обета, к которому он до сих пор так серьезно относился Бросить его на погибель будет неуважением к памяти моего отца. Верно я говорю, Табасх? Я не должна бросать Эльриса в беде!

Стигиец во все глаза смотрел на девушку и от удивления лишился дара речи. Карела взглянула на него и расхохоталась:

— Не путайся, приятель! Я не из тех, кто сходит с ума по красавцам. Или по крайней мере, не из тех, кто выставляет это напоказ. Все дело в том, Табасх, что не худо будет лишний раз унизить досточтимого Эльриса. А что может быть унизительней для благородного воина, если одна женщина спасет его из рук другой? Как считаешь?

Табасх пожал плечами:

— Ой, Карела... Я что-то перестал понимать, когда ты щутишь, а когда серьезна.

— Я всегда серьезна, но редко даю это понять, — парировала девушка.

— Все-таки, твои намерения уязвить Эльриса больше говорят за то, что ты небезразлична к его судьбе... Ты неравнодушна к нему, Карела! — поставил диагноз Табасх, и в голосе его Карела уловила нотки плохо скрытой досады.

— Ты мне друг, Табасх, и я по-дружески должна тебя предупредить: поменьше задумывайся о моем отношении к Эльрису, и еще меньше обо мне! — грозно сказала Карела.

— Да о тебе-то почему нельзя? — опешил Табасх.

— Шерстка начнет чесаться! — прищурив глаза, ответила Карела, с удовольствием отмечая, как побледнел Табасх.

Однако стигиец овладел собой и даже слегка улыбнулся:

— Ладно, Карела, в твоих словах есть доля истины... Если ты не передумала, пойдем выручать из беды твоего офицера. Хотя я не уверен, что это хорошая идея.

— Ты оставил бы все, как есть?

— Да. Но я — это я. Я этого хотел бы, или, вернее, меня бы это устроило. Тебя же это не устраивает. Что ж, я готов помочь, чем смогу.

Карела едва сдержала смех:

— Ой, только не прикидывайся, Табасх! Ты готов мне помочь? Почему бы не быть честным и не сказать прямо, что тебе очень на руку то, что я теперь сама, без твоих полунамеков, собираюсь искать этот злосчастный горный храм?

Табасх опустил глаза. Карела поняла, что верно разгадала его мысли, и покачала головой:

— Да, Табасх, да, я настолько глупа, что закрываю глаза на те подвохи, которые ты мне подготовил, и иду выручать человека, которого даже и другом-то не считаю!

— Ты не глупа, Карела! — оборвал ее стигиец. — Ни в коем случае!

— Это я так думаю! Меня не интересует, что считаешь ты! И уж во всяком случае, не

нужно мне поддакивать! — фыркнула Карела и махнула рукой: — Ищи снова свои тропы, демон. Веди меня вниз, поищем вместе твой драгоценный храм.

Она сразу же заметила, что у стигийца отлегло от сердца.

— Я постараюсь, чтобы ты не пожалела об этом, Карела! — заверил Табасх.

— Но ты сам не веришь в то, что у тебя это получится, верно?

Карела полюбовалась растерянностью юноши и легонько подтолкнула его в спину, повторяющая.

Стараясь быть честной с самой собою, она охотно признавала, что ее мотивы к поискам Эльриса действительно далеки от благородства, а тем более они никак не связаны с нежными чувствами.

Пока Кареле даже сложно было бы представить того мужчину, которого она могла бы полюбить. Нет, она не была настолько спесива, чтобы считать, что ни один из мужчин не достоин ее любви. Одни боги ведают, кто чего достоин. Но тот, кто сможет похитить ее сердце, будет, несомненно, личностью замечательной, и уж никак не из тех, чьи достоинства рассыпаются в прах, едва к ним прикасается рука Карелы.

Эльрис чем-то уже подпортил свою репутацию в ее глазах. То ли нелепой непримиримостью к Табасху, основанной наполовину на ревности, наполовину на вздорных предрассудках. То ли тем, что так открыто показывал свои намерения в отношении Карелы и не скрывал раздражения и обиды на ее отказы. Так или иначе, Эльрис был неприятен Кареле, однако пока в ее душе еще было место такому понятию, как долг. Наплевать на офицера казалось ей неблагодарностью, поэтому она принялась решительно торопить Табасха, строго-настрого приказав себе не забывать о необходимости держать ухо востро с ее новым другом. Не то, чтобы она считала Табасха способным на предательство, но все же... С тем, кто не до конца понятен, нужно быть особо осторожной.

ГЛАВА 5

— Та-ак! — Михар обошла лежащего на полу храма мужчину и строго посмотрела на гордо стоящего в стороне Бриана. — Может быть, я сошла с ума, Бриан? Если это твоя красавица, то я не знаю, что и сказать тебе...

Видимо, от одной только мысли, что его добыча не произвела на госпожу достойного впечатления, Бриан побледнел и заискивающе пояснил:

— Это высокородный Эльрис, госпожа. Он знатный огирский дворянин, и это он сопровождал девчонку в Замору. Кому, как ни ему знать, где сейчас она и этот... самый...

— Неужели? — кисло сморщилась Михар. — Я же тебе велела привести женщину. С нее мы еще могли бы что-нибудь иметь. Думаю, что ради этого человека Табасх и шагу не ступит, будь этот Эльрис хоть трижды высокородным. Что в нем проку?

Михар была раздосадована. Впрочем, Бриан был явно доволен своей находкой, а Михар не хотелось тратить слова на выражение своего недовольства. Присмотревшись повнимательнее к огирцу, накрепко увязанному, как окорок, приготовленный к тому, чтобы его подвесили в коптильне, Михар вдруг передумала гневаться на Бриана. Зачем впустую сотрясать воздух? Пользоваться надо тем, что есть под рукой. А теперь под рукой у Михар оказался еще один неплохой экземпляр мужской половины человечества. Еще раз бегло оглядев неподвижное тело, Михар с удовлетворением подтвердила: да, действительно отменный экземпляр.

— Развяжи-ка его! — приказала Михар.

Пока Бриан возился с запутавшимися веревками, Михар внимательно изучала лицо молодого человека.

Да, этот был несомненно породистее немедийца. Какое холеное лицо, какие упрямые губы... А волосы! Да это настоящий светлый шелк! И темный оттенок аккуратной бородки... Как этот Эльрис выгодно отличается от Бриана...

Михар взглянула на немедийца, все еще копающегося с узлами, и с нетерпением рявкнула:

— Да что ты его завязал, словно на всю жизнь?! Боялся, что он даже в бесчувствии удерет от тебя?! Быстрее давай!

Когда взору Михар предстало великолепное мужское тело, она одобрительно хмыкнула: неизвестно, из каких побуждений притащил Бриан сюда этого человека, но сделал он это не напрасно.

— Воды, Бриан, — коротко приказала она. Приняв из рук немедийца чашу с водой, она осторожно смыла кровь со лба Эльриса и с исцарапанных плеч. Молодой воин был ранен, но Михар отметила, что справиться с повреждениями ей будет совсем просто... Удивительно, но ей хотелось это сделать. Хотелось залечить раны, выслушать жаркие слова благодарности и воспользоваться после плодами своего труда. Но пока Михар не спешила отпускать на волю свою фантазию, потому что еще не знала, насколько приятным будет более близкое знакомство с огирцем.

Едва прохладная вода пролилась на лицо Эльриса, он стал приходить в себя, а когда Михар убрала свои влажные руки, Эльрис открыл глаза и сразу же сел. Его взгляд скользнул по стоящему невдалеке Бриану, и глаза огирца сверкнули ненавистью. Затем он посмотрел на каменного исполина, и лицо его стало озадаченным. Наконец, Эльрис уставился на Михар

и прищурился:

— Во имя Митры, зачем я вам понадобился?

Голос мужчины был красивым и густым, и несмотря на капризные и властные нотки, понравился Михар.

— Не думаю, чтобы тебе пришлось пожалеть! — проговорила Михар.

— Не думаю, что тебе стоит делать такие выводы, женщина! — презрительно сказал Эльрис. — Пожалеть придется, но не мне. В первую очередь — ему! — Офицер ткнул пальцем в сторону притихшего Бриана. — Ему в первую очередь, это я обещаю! А если ты, женщина, вознамеришься задеть меня или причинить вред Кареле, тебе тоже придется пожалеть о том, что вы оба со мной связались!

Слова его не очень-то обрадовали Михар.

— Не хочешь ли спросить Бриана, к чему ведет плохое поведение и грубость? — проворковала она.

Эльрис вместо ответа слегка провел пальцем по своим плечам, касаясь свежих царапин, потрогал рану на лбу и покачал головой:

— Прах вас побери! Бриана я спрашивать ни о чем не собираюсь, он в любом случае уже покойник! А вот ты, женщина, можешь мне кое-что рассказать!

— Например? — усмехнулась Михар и встала. Наивное упрямство человека, привыкшего, что в любом обществе окружающие воздают должное его высокому происхождению, прямо-таки умилило ее. И оттого, что бедняга Эльрис еще не до конца осознал свою роль, сердце Михар сладко замирало. Сколько приятных мгновений ждет ее, когда прозрение начнет наступать шаг за шагом. И первое слово мольбы, услышанное ею из уст офицера, станет для нее верхом наслаждения. А в том, что так оно и будет, Михар не сомневалась. Сломать спесивого красавца — ну чем не удовольствие? Не просто удовольствие, а лучше многих прочих!

— Например, я хотел бы узнать, не ты ли та самая Михар, о которой я слышал от Табасха? — грубо спросил Эльрис.

— Да, я та самая, — отозвалась стигийка с улыбкой.

— А это не тот ли храм, куда так стремился твой брат?

— Он самый, но тебе-то что с того? — поинтересовалась Михар.

Но Эльрис не обратил внимание на вопрос. Сосредоточенно нахмутившись, он внимательно изучил каменного исполина, все пространство храма, подстилку, очаг и вещи Михар у дальней стены, замершего в напряженном ожидании немедийца... И если поначалу он был довольно спокоен, лишь только его взгляд упал на Бриана, облаченного в его, Эльриса, одежду, яростным гневом загорелись глаза офицера:

— А ну, верни мне вещи, мерзавец!

Бриан продолжал улыбаться, но госпожа его почему-то молчала и ни словом не обмолвилась в его защиту, и улыбка Бриана исказилась, смазалась. Немедиец понял, что отбиваться придется самому:

— Э, нет, это моя добыча, высокородный! — отчаянно храбрясь и пытаясь одолеть оторопь, заговорил Бриан. — Если госпожа будет так же добра к тебе, как и ко мне, получишь шерстяную накидку. Будь полюбезнее с госпожой Михар!

— Заткнись, ты, огрызок! — Эльрис почти задохнулся от злобы. Он вскочил на ноги и осмотрелся, но Михар по-прежнему молча сидела на войлоке у маленького очага и, словно не слыша перебранки мужчин, смешила в чаше редкие снадобья. Пусть немного

разомнутся, подумала она. Оба они у нее в капкане, и даже если один пока этого не понимает, несколько часов, проведенных в храме, добавят ему ума.

Но пока от офицера трудно было ждать благоразумия. Благородная кровь играла в нем. Как это обычно бывает, высокое происхождение почему-то не помогло молодому воину исподволь нашупать верное поведение. Вместо того, чтобы осознать свою участь и смириться, Эльрис грозно и медленно пошел на Бриана, и его намерения не оставляли сомнений.

— Эй, эй, высокородный! А ну потише! — Бриан вынул меч и угрожающе поднял его, выставив вперед. Подпускать офицера к себе он явно не собирался даже на пару шагов.

Тяжело дыша, Эльрис остановился. Его глаза зашарили по стенам и полу храма. Взгляд его остановился на небольшой кривой сабле в изящно украшенных кожаных ножнах, что лежала прямо около каменных колен статуи. Помедлив немного, Эльрис метнулся к оружию.

— Нет! — поспешила выкрикнуть Михар, едва поняла, что задумал офицер. — Нельзя!

Стремительно сорвалась она с места, чтобы успеть преградить путь офицеру и, подбежав к Эльрису, схватила его за руку, почти повиснув на ней:

— На этой сабле заклятье! Только дотронься и погибнешь!

Гнев и недоверие прочла она в глазах Эльриса. Железная мужская рука одним движением перехватила ее ладонь и сжала тонкое запястье стигийки, грозя переломить его, как сухую веточку:

— Прочь с дороги! Подожми-ка хвост, пока я не решил повоевать с женщиной!

Пренебрежительно сморшившись, сильным толчком Эльрис отправил Михар обратно, на ее войлочную подстилку. Она пролетела несколько шагов и шлепнулась вниз, едва не сломав себе руку.

Злоба вспыхнула в ней пополам с восхищением: какая сила, какая безудержная мощь! И как жаль, что этот бесподобный мужчина так пока и не понял, как можно, а как нельзя себя вести!

Она подползла к чаше и опустила туда обе ладони. Ничего, сейчас она поучит его уму-разуму... Да, это будет очень больно, но порой не оценишь выпавшего тебе удовольствия, не испытав прежде сжигающей боли. Если офицер решил идти именно таким, не самым легким и не самым приятным из путей познания, она охотно ему в этом поможет.

Эльрис тем временем раздумывал, не было ли предостережение Михар простой уловкой, обманом. Если бы он не проспал беседу Карелы и Табасха, он знал бы, что вмешательство Михар спасло его от верной и мучительной смерти. Однако и без этого чутье, начавшее вдруг очень кстати просыпаться, подсказало Эльрису, что странного порыва стигийки лучше послушаться. Сабля, лежащая на каменном полу, была на первый взгляд безобидным легким оружием, которое больше подходило бы подростку, только начинающему обучаться воинскому искусству, или ловкой подвижной женщине. Но Эльрис не погнулся бы женской саблей для того, чтобы проучить солдата-предателя. Однако что-то помогло Эльрису не сделать роковой ошибки. Вздохнув, офицер отошел от сабли подальше.

Чуть шатаясь от слабости, офицер попытался обойти Бриана. Но немедиец был наготове, и острый кончик меча был направлен прямо в грудь Эльриса, и было очевидно, что разъяренному, но безоружному дворянину не проскользнуть в щель выхода мимо Бриана.

Михар покосилась на обнаженного офицера и, мешая вожделение со злобой и обидой, быстро сделала под водой несколько заученных еще в детстве движений пальцами.

— Ох! — скрипнул зубами Эльрис и схватился за голову.

Бриан в изумлении тоже вскрикнул и отскочил назад, опустив меч.

Пытаясь сдержать стон, рвущийся из его груди, Эльрис замер, скорчившись. Не желая поддаваться боли, разрывающей его голову, он пытался выстоять. Он уже не обращал внимание на отступившего и освободившего проход Бриана. Теперь Эльрису было уже не до побега.

Бриан же смотрел на своего бывшего командира со смешанным выражением злорадства и обреченности.

Михар посмотрела на пораженного немедийца и сделала ему легкий знак;

— Порядок, Бриан, можешь больше не беспокоиться!

Бриан осторожно убрал меч в ножны, а сам предусмотрительно отошел и вовсе подальше в сторону. То, что начало происходить с Эльрисом, напугало его. Он и так не сомневался в умениях стигийки, и лишний раз убеждаться во всем своими глазами ему почему-то хотелось. Видимо потому, что он не забывал ни на мгновение, что и сам может оказаться на месте жертвы, стоит ему не так повернуться или не то сказать.

А офицер уже не просто держался за голову, он осел на колени и согнулся до самого пола, сжав руками виски.

Михар неторопливо продолжала шевелить тонкими пальчиками. Вода в чаше то мутнела, то становилась прозрачной, и приступы жесткой боли то схватывали Эльриса, то отступали, не давая ему даже разогнуться в перерывах. Это было самое простое колдовство, которому мать научила ее в раннем детстве, и с тех пор Михар могла до полусмерти замучить всякого, кого хотела.

— Иди сюда, офицер! Иди ко мне, — повелительно сказала она, увидев, что Эльрис поднял голову и оглядывается по сторонам.

Эльрис промычал что-то и сделал движение, говорящее о том, что он собирается сделать как раз обратное: ползти к выходу. На четвереньках, упираясь руками в пол, он попытался отползти с того места, где его настигло колдовство Михар.

— Ну дело твое, упрямец! — прошипела Михар и сжала кулак под водой, пропуская между пальцами мутный темно-синий сгусток.

Эльрис дернулся, упал на бок. Его тело вдруг забилось, словно в приступе тяжелой болезни. Голова колотилась о каменный пол, руки судорожно пытались хоть за что-нибудь ухватиться, а спина прогибалась, словно чудовищная сила магии Михар стремилась переломить ему хребет пополам. Не выдержав, Эльрис без движения рухнул на каменный пол храма.

Но Михар была не так глупа, чтобы не суметь вовремя прерваться.

— Приведи-ка его в чувство, Бриан! — приказала она, вынимая ладони из чаши.

Почему-то встав на колени, Бриан быстро приблизился ползком к телу офицера и приподнял его голову.

— Эльрис... Господин Эльрис! Да разрази тебя Нергал! — расстроенно забормотал Бриан. — Очнись, чтоб тебя!

Больше всего Бриан боялся, что Эльрис умрет во время пытки, и тогда Михар, чего доброго, решит завершить начатое на нем.

Эльрис открыл глаза, долго пытался сделать вдох и, наконец, узнав склоненное над ним лицо, прерывисто произнес:

— Будь ты проклят! Все это началось из-за тебя, ублюдок, и... это тебе даром не

пройдет!

Не мешкая, так же ползком, Бриан вернулся на облюбованное им место.

Эльрис с трудом сел на полу и взглянул на Михар уже не презрительно, как прежде, а так, словно понял об этой женщине что-то важное и смирился с этим.

— Не понимаю... — проговорил Эльрис, облизывая губы. — Что тебе нужно от меня?

Наклонив голову к плечу, Михар усмехнулась:

— Ничего такого, что не свойственно тебе, как мужчине. Но это после. Сейчас мне нужна твоя девчонка, офицер, Строго говоря, и она-то мне совсем ни к чему, но за ней сюда примчится мой братец.

— А без Карелы он разве сюда не примчится? — перебил ее Эльрис. — Кликни его с высокой скалы! Думаю, что он рванется в твои родственные объятия. А Кареле тут делать нечего.

— Ох, как ты заботишься об этой девчонке! Дурочка она, если не понимает даже, как ей повезло! — восхитилась Михар. — Табасх не пойдет сюда один, для него в этом нет смысла. Ему нужна спутница.

Эльрис стал снова вставать, но Михар грозно вскрикнула:

— А ну, сиди! И не вздумай дергаться! Мне нужно, чтобы ты нашел свою девчонку и привел ее сюда!

— А мне не нужно! — возразил Эльрис. — И хватит об этом.

Медленно опустила Михар руку в чашу и пошевелила указательным пальцем. Вокруг пальца начала темнеть вода, но она становилась уже не синей, а красной. Красным стало наливаться и бледное лицо Эльриса. Он вздрогнул и подобрался, напрягаясь. По лицу офицера пробежала тень страха.

Михар согнула и резко выпрямила палец, продираясь через плотный красный сгусток, и вот упругая струя алой крови с напором вырвалась из носа Эльриса, заливая ему грудь.

Со стоном упал офицер на спину, замотал головой. И только когда Михар легонько взболтала рукой воду, разгоняя сгустки, Эльрис перестал биться на полу.

— Что скажешь новенького, Эльрис? — проворковала Михар.

— Ничего не скажу, — прохрипел Эльрис. — Разбирайся сама со своим братом».

— Хорошо. Вижу, что ты еще не устал. Но для того, чтобы ты все же правильно понял меня, попробую еще одно средство... — Михар решительно открыла маленький флакончик и, не дыша, капнула в воду всего одну крошечную капельку. — Потерпи, красавчик. Будет немного неприятно, а как долго — зависит от тебя!

Эльрис закрыл глаза и стиснул зубы. Михар снисходительно улыбнулась. Как упрям и терпелив благородный Эльрис. Это делает ему честь.

Она никогда не чувствовала на себе того, что собиралась делать сейчас с офицером. Но она знала, как ломались от этой пытки далеко не слабые и не самые трусливые... Мышцы должны с болью отделяться от костей, а сосуды лопаться от напряжения, ткани и волокна будут рваться, не выдержав неумолимого натяжения... Но ничего, смерти его она не допустит, а после испытания Эльрис с благодарностью примет все, что бы Михар ни предложила ему.

Карела почти с головой погрузилась в ворох тряпья и копалась там уже довольно долго. Табасху уже начало надоедать все это, потому что он никак не мог понять, что такое делает его подруга.

— Слушай-ка, что ты ищешь? — не выдержал он наконец. — Когда женщина долго копается в тряпках, то начинает казаться, что ни на что другое она уже не способна. То ты собиралась лететь на выручку Эльрису, но уже начало темнеть, а ты все еще роешься в тюках...

— Лететь, говоришь? — раздраженно отозвалась Карела, расшвыривая по сторонам лоскутки. — И в чем же я, по-твоему, полечу? Вот в этой тряпке, которая разворачивается, стоит только повести плечами?

Карела резко дернула за край тонкой зеленой материи, которой были обернуты ее плечи и грудь. Что и говорить, иного наряда желать было бы ни к чему. Небрежная драпировка, тонкие складки превосходной дорогой ткани так выгодно подчеркивали точеную фигуру девушки, пышность ее груди и стройность талии.

— Не смотри на меня! — строго сказала Карела, поймав взгляд Табасха. — В сторону! В сторону смотри!

Он с улыбкой отвернулся. Как быстро и ненавязчиво она берет его, Табасх, под свое начало. Даже не задумывается она о том, что Табасх нарочно изображает полное подчинение. Впрочем, пусть она не задумывается об этом и дальше. Она так очаровательна, эта румяная юная воительница!

— Ты зря думаешь, что я забочусь о том, как бы принарядиться! Дело в том, что нарядов у меня слишком много, а вещей, в которых можно было бы пуститься в опасное предприятие, совсем мало.

Она встряхнула какой-то мешок и завопила от восторга:

— Ох, хвала Иштар! Моя служанка в гарнизоне все-таки не выбросила это!

На свет была извлечена довольно потертая короткая куртка на частой шнуровке сверху донизу. Разложив находку на подстилке, Карела принялась расшнуровывать куртку.

— Это то, что надо, Табасх. Теперь хоть по скале вверх, хоть вниз в водопад. Ничего ни за что не будет цепляться и разматываться! Одни боги ведают, зачем женщинам придумана такая неудобная одежда? Скорее всего все эти юбки, туники и накидки придуманы мужчинами, которые боялись, как бы женщины не стали в один ряд с ними!

— Как они были не правы, эти мужчины! — проговорил Табасх.

— Слушай, прекрати мне поддакивать! — рассердилась вдруг Карела.

— А разве лучше будет, если я начну тебе возражать? — удивился стигиец.

— Ну... — Карела замялась. — Отвернись-ка, ради твоей же пользы! — скомандовала она.

Табасх сел к ней спиной и слушал легкое шуршание тканей.

— Видишь ли, — заговорила Карела. — Когда мужчина начинает со мной соглашаться, в этом всегда есть какой-то подвох. Вот Эльрис...

— Эльрис, Эльрис... — проворчал Табасх. — Вот сначала отвоюй его у моей сестры, и будет тебе с кем спорить до хрипоты! А если тебе не нравится, что я поддакиваю, я могу и вовсе молчать!

— Вот и молчи! — огрызнулась Карела. — Можешь повернуться.

Табасх развернулся. Теперь на девушке была надета видавшая виды курточка, почти до дыр протертая вдоль швов и на локтях. Снизу, на талии, и сверху на уровне ключиц шнуровка

плотно подводила полы куртки друг к другу. Ну а на высокой полной груди оставался нестянутым зазор шириной чуть ли не в ладонь, и без ущерба для юной цветущей плоти стянуть шнуровку плотнее было невозможно.

— Ну да, — промямлил Табасх. — Для опасного путешествия как раз. Несомненно как раз.

— Отлично! — Карела наклонилась и сгребла все, что было разбросано, одним движением.

Она запихала все тряпки в один тюк и выпрямилась, отирая пот со лба:

— Ну вот и все, — Карела поправила ножны с кинжалом и серьезно взглянула на Табасха: — Я готова, пойдем, пожалуй.

— Там уже совсем темно, Карела. В горах темнеет рано, — неуверенно произнес Табасх.

— Я знаю, когда темнеет в горах, — нахмурилась Карела. — Я же сказала: идем!

Нехорошие предчувствия, давно уже мучившие Табасха, так настойчиво давали о себе знать, что юноша был уже готов на все, чтобы только предотвратить трагедию.

— Знаешь, Карела, твоя затея не очень удачна, — начал он, глядя девушке в глаза. Эти огромные, чуть косящие зеленые глаза окатили его потоком раздражения:

— Какая это моя затея?

— Идти со мной в храм.

— Но ты же этого хотел! — Девушка захлопала глазами.

Табасх замотал головой:

— Я хотел. Да, я хотел. И сейчас хочу. Но не надо этого делать, Карела. Пожалуйста!

— О, нет! — Карела всплеснула руками. — Да ты и верно, совсем помешался! Эльрис был прав!

— Вот, вот, именно. Эльрис был прав. Я помешался. Все правильно, — раздираемый самыми противоречивыми эмоциями, Табасх заметался по гроту, бормоча на ходу нелепые слова. — Вот и послушайся, Карела, мудрого огирского воина. Ни шагу отсюда, из грота. И ни шагу вместе со мной. Это может плохо кончиться!

Табасх попятился к стене, чтобы иметь хоть какую-то опору. Он сам себя не узнавал. И суток еще не прошло после того, как он решил, что нашел ту, которая ему нужна. И приказал себе не впускать в сердце жалость, не давать волю восхищению. Но рядом с такой девушкой это невозможно! Просто невозможно!

Карела стояла в нескольких шагах от него, поджав губы и теребя пальчиками подбородок. «Нет, — подумал Табасх. — Если я куплю себе свою мечту ценой именно этой жертвы, это не принесет мне счастья, а только страдание до конца моих дней».

— Ну что ты мечешься вместо того, чтобы все объяснить?! — пожала плечами Карела. С сочувствием глядя на Табасха она вдруг прищелкнула пальцами и улыбнулась: — Ну-ка, выкладывай!

— Выложить все можно в двух словах: я подготовил тебя в жертву Деркэто, твой дворянин был в этом совершенно прав! — произнес Табасх, и напряжение тотчас же отпустило его. Видя, как хмурится и становится недоверчивым лицо девушки, Табасх поспешил заговорить: — Да, я намеревался сделать это. Но ты не бойся, если я об этом сказал, значит, я уже отказался от этой идеи.

— Зачем Деркэто нужна эта жертва? — спросила Карела. Ее правая рука медленно и плавно легла на талию, поближе к кинжалу.

— Она нужна мне. — Табасх шагнул вперед в ожидании, что Карела отшатнется, но она

протянула ему левую руку и дернула вниз:

— Присядем к костру, — сказала Карела и опустилась на войлок так, чтобы ничего не загораживало ей кратчайший путь к выходу из грота.

Табасх помолчал, собираясь с мыслями. Ему не хотелось отпугивать девушку сейчас, когда почти никаких тайн между ними не осталось.

— Жертва нужна мне для исполнения моей давней мечты. Это второе заклятье Деркэто. Согласно ему, я должен привести в храм прекрасную юную девушку, причем прийти туда она должна по доброй воле. Я должен сохранить при этом свой человеческий вид, что в случае с тобой мнеается очень трудно, и сама Деркэто тому свидетельница! — усмехнулся Табасх.

— Но твоя сестра, помнится мне, уже в храме. Почему бы не использовать ее присутствие для твоих целей? — перебила его Карела.

Табасх вытаращил глаза от неожиданности:

— Ох, Карела, если тебе доведется увидеть Михар, ты поймешь всю нелепость такой попытки! Моя сестра уже не слишком юна, а что до прелестей... — Табасх расхохотался. — Я не знаю, сильно ли изменилась она за то время, пока мы не виделись, но скорее всего, не дано крокодилу стать райской птичкой... За такую жертву, как Михар, Деркэто разгневалась бы на меня и на нескончаемые века превратила бы меня во что-нибудь вовсе непотребное.

— Бедная Михар! — произнесла Карела.

— О, да, бедная Михар, — кивнул Табасх. — Так вот. Я говорил тебе о сабле. Это оружие самой Деркэто, и ни один человек не может сейчас прикоснуться к нему до тех пор, пока оно не побывает в моих руках. Если я войду в храм с прекрасной спутницей, если, оставшись в человеческом виде, возьму в руки саблю и передам ее каменному исполину, он тоже оживет, как и в случае первого заклятья. Но моя жизнь будет уже в безопасности. Великан обезглавит девушку, и ее свежая юная кровь навсегда вышибет из меня демоническое начало. Я стану обычным человеком!

Табасх замолчал и с опаской взглянул на Карелу. Окаменевшая девушка смотрела ему в глаза. Ее коралловые губки даже слегка потеряли краску.

— Да чтобы тебе провалиться, стигиец! Ты хотел сделать это со мной? — еле слышно уточнила она.

— Да, я хотел сделать это с тобой. Но теперь могу честно признаться самому себе, что никогда не решусь на это. Любая другая, оказавшись на твоем месте, не миновала бы смерти от сабли Деркэто. Но я не сделаю тебе ничего дурного. У меня рука не подымется, хотя я понимаю, что мечта моя теперь снова далека и призрачна... — Табасх замолчал и опустил голову, чтобы не видеть остановившегося взгляда потухших зеленых глаз.

— И за что же мне дарована такая милость? — горько отозвалась девушка, и у Табасха с болью сжалось сердце.

— Не мучай меня, Карела. Поставь себя на мое место и попробуй понять, чего мне стоит это признание.

— Но на что же ты надеешься, признаваясь?

— Ты недавно говорила, что все, что будет сказано между нами, сочтешь всего лишь словами! — взмолился Табасх.

— Я так сказала? — удивилась Карела. — А, ну да, верно. Только я, право, не предполагала, что это могут быть за слова.

Она отвернулась и замолчала. Когда она снова заговорила, Табасх поразился перемене в ее голосе:

— Не затянулась ли наша беседа? — бодро сказала девушка. — Ты отлично умеешь заговаривать зубы, Табасх. Но за беседой легко забыть о деле. Или я зря разыскивала эту старую куртку? Пока мы с тобой посиживаем у костра, твоя уродина-сестра, возможно, творит с Эльрисом дикие вещи. Уже за то, что он бывал иногда прав, он заслуживает лучшей участи... Вставай, демон, чтоб ты сгорел! Вставай иди со мной, если хочешь. Или я пойду искать Эльриса одна!

— Конечно, я пойду с тобой! — Табасх немедленно вскочил на ноги. — Неужели ты не держишь на меня зла, Карела?

— С чего ты взял это?! — сердито отозвалась девушка. — Я зла! Я очень зла, и на тебя тоже. Ну а пуще всего на себя! Ну это надо же, быть такой дурой! И как это я забыла о том, что мужское коварство ничуть не меньше женского! Больше ты меня не надуешь, стигиец! Ладно, хватит разговоров, у меня уже язык болит! Шагай вперед, а не то я дам волю своей злости!

Она быстро пошла прочь из грота. Табасх помедлил немного, взъерошил свои темные волосы и бросился догонять ее.

Снаружи было уже совершенно темно и довольно холодно. Табасх поежился и огляделся. Девушки уже не было видно, все скрадывала темнота.

— Карела, где ты? — с досадой выкрикнул он.

— Здесь, чего орешь? — отозвалась Карела совсем рядом. — Ты видел, куда Бриан тащил Эльриса? Так веди!

Он шагнул в ее сторону, и они пошли бок о бок по тропе, угрюмо помалкивая и только слушая дыхание друг друга.

— Ты не боишься? — подал голос Табасх.

— Чего я должна бояться? — огрызнулась Карела.

— Меня. Демона, который едва не предал твоё доверие.

— Знаешь, стигиец, мой отец был опытным солдатом. После смерти моей матери он вообще не знал, что со мной делать, и редко меня воспитывал. Но если же он разговаривал со мной, почти всегда говорил дельные вещи. Так вот насчет страха. Отец как-то сказал мне, что страх — хороший советчик, но плохой попутчик. Со страхом стоит советоваться, но никогда не стоит брать его с собой. Со своим страхом я уже посоветовалась.

— Когда же ты успела? — удивился Табасх.

— Только что. В гроте.

— Ну и ну. Быстро же ты соображаешь.

— А то! — довольно хмыкнула Карела. — Не переживай за меня, демон. Возможно, в другой раз я уже не буду столь наивна. Мне не хотелось бы следовать еще одному совету моего отца, который он как-то дал мне.

— Это что ж за совет такой?

— Если ты считаешь, что тебя могут предать — предай первым. Совет этот мне не понравился, но на всякий случай я его запомнила.

— Мудрым человеком был твой отец, — проворчал Табасх.

Он не собирался предавать эту девушку. Не задумываясь больше над странностями собственного поведения, юный влюбленный демон молча шел за своей прекрасной предводительницей. Он готов был выполнить любой ее приказ и молился жестокой и коварной Деркэто, чтобы она смягчила на время боль его несбывающейся пока мечты.

Эльрис удивлялся, как ему удалось прийти в себя, но ни единственным звуком или движением не показать этого.

Он лежал вниз лицом на ледяном камне, но холод был лекарством, отвлекающим от жестокой боли.

Офицер уже давно бросил считать свои шрамы, несколько лет назад, когда их число перевалило за два десятка. Были на его мощном теле и грубые рубцы от рваных ран, и следы от стрел, и ровные шрамы от легких клинков. Но все это копилось, не оставляя в душе Эльриса страха, разве воспоминания о некоторых неудачах... То, что сделала с ним тощая стигийка, не оставило на теле ни одной новой ранки. Но Эльрис даже подумать боялся о том, что творится у него внутри. Казалось, что все органы нынче сами по себе, плавают внутри кожаного мешка в кровавом месиве, как золотые рыбки в бассейне его дома в Ианте. И любопытно тогда, почему он еще жив?

Впрочем жизнь — штука неплохая, и сетовать Эльрису было не на что. В лапы Бриана он сам попался. Конечно, здесь у него появился какой-никакой выбор: уступить Михар и покончить с пытками. Но не хотелось высокородному дворянину допускать даже мысль о том, чтобы покупать себе избавление. Любая сделка с чародейкой казалась Эльрису недостойным шагом.

Он прислушался к звукам вокруг него.

Казалось, что где-то поблизости мурлыкал кот, а кроме того, слышалось чавканье человека и плеск воды. Наконец, раздался голос Михар:

— Кончай жевать, Бриан. Ну-ка посмотри, как поживает там наш господин Эльрис.

Эльрис стиснул зубы, представив, что грязные лапы ненавистного предателя сейчас начнут ворочать его. Но он вовремя спохватился и призывав на помощь всю свою выдержку, расслабился.

Бриан приподнял и уронил сначала руку, потом ногу Эльриса, пощупал его пульс на шее и сделал заключение:

— Он в обмороке госпожа. Может, водой его отлить?

— Ладно, оставь его пока. Пусть приходит в себя сам. Так ему будет лучше думаться, как считаешь?

Но Бриан не был знатоком того, когда человеку лучше думается, поэтому он пробурчал что-то бессвязное.

— Уж не перестаралась ли я? — задумчиво проговорила Михар и добавила: — Мне было бы, право, очень жаль. Много хлопот с этим офицером... Пожалуй, пока я научу его правилам поведения, пройдет немало времени. Так что придется тебе снова пускаться в путь, Бриан, и искать ту красотку. После того, как я дам ей попробовать такую же пилюлю, какую сегодня проглотил Эльрис, во-первых, офицер будет посговорчивее, во-вторых, мы будем иметь шанс услышать много интересного о планах Табасха.

Эльрис замер. От услышанного у него едва не зашевелились волосы. Ну ладно еще он, крепкий мужчина! Да со стигийки сто потов сойдет, прежде чем она услышит от Эльриса мольбу о пощаде. Да и чтобы убить офицера, нужно тоже немало сил. Но Карела! Юная, красивая, свежая...

Эльрис представил себе, как корчится и бьется под пыткой прекрасная, хрупкая девушка,

которую уж точно не пожалеет эта ведьма. И он, Эльрис, ничем не сможет ее защитить. Или все-таки сможет? Не защитить, но хотя бы предотвратить все это...

Тяжело вздохнув, Эльрис зашевелился и стал подниматься.

— О, гляди-ка, Бриан, а вот и наш гость просыпается! — восхитилась Михар.

Голова Эльриса почему-то плохо держалась на шее, и он с трудом заставил ее не клевать носом. Оглядевшись, он отметил, что в храме ничего не изменилось с тех пор, как после довольно долгой и страшной боли его сознание, наконец, отключилось.

Только на коленях Михар теперь сидел довольно большой и упитанный дымчато-серый котище, сладко жмурясь.

— Как чувствуешь себя, Эльрис? — с улыбкой спросила Михар, поглаживая кота.

— Устал немного, — отозвался Эльрис. — Так что тебе от меня нужно, Михар?

— Покорности и послушания. Это прежде всего, А потом советую тебе предпринять усилия к тому, чтобы завоевать мое расположение. Посоветуйся со своим приятелем Брианом, он подскажет тебе, чем такой, как ты, сможет задобрить госпожу Михар.

Эльриса передернуло:

— Я больше склонен поговорить с тобой о деле. Михар удивленно вскинула широкие брови:

— Какой толк может быть от тебя в моем деле?

— Что ты хотела знать о Табасхе, женщина? — спросил Эльрис, решивший не отступать от своего. — Кто знает, может быть, и я смогу быть тебе полезен. И не надо будет гонять Бриана на поиски невинной девушки.

— Ах, вот куда ты клонишь... Да мне, право, все едино, кого спрашивать, — подозрительно прищурилась Михар. — Но надо мне, что от нее, что от тебя, не так уж много, но и не мало. Мне нужно...

— Тебе нужно второе имя твоего брата! — сказал Эльрис.

Михар спихнула с колен кота и встала с войлока.

Пока женщина медленно шла к сидящему на полу Эльрису, он ощутил такую сильную дрожь, что его измученное тело отзывалось на нее тупой болью. Спокойно, сказал он себе. От его выдержки сейчас зависела не только его жизнь, но и жизнь его любимой, которая не вняла его предупреждениям и впуталась все-таки в это темное дело.

— Ты не только мужественный воин, ты еще и очень умен, — сказала Михар, становясь рядом с ним на колени. — Ты хорошо разобрался в том, что мне надо, но вряд ли ты можешьказать мне эту услугу. Да и твоя девица тоже. Потому что мой брат хоть и сумасшедший, но не настолько, чтобы сообщить ей свое имя.

Эльрис поднял руку, и Михар замолчала.

Как-то посмотрит Карела на то, что Эльрис собирался сейчас сделать? Непохоже, чтобы она одобрила его поступок. Хотя, Табасх разговаривал с ними тогда, не делая никакой тайны из того, что сам поведал им в гроте.

Всего мгновение колебался Эльрис. Но сделать выбор между вздорным бродягой-полукровкой и желанной девушкой оказалось легче легкого.

— Его имя означает «повинующийся заклятью», — сказал Эльрис и добавил: — Это были его собственные слова.

— Эка новость! «Табасх» — это и означает «повинующийся заклятью», — медленно протянула Михар.

Эльрис растерялся. Конечно, с одной стороны, Табасх мог и обмануть их, когда

разговорился в гроте.

— Он сказал, что так его имя переводится с какого-то древнего и всеми забытого языка, — добавил Эльрис в надежде, что хоть это окажется правдой.

Михар неожиданно стала серьезной.

— Неужели же все было так просто, и оба его имени — это одни и те же слова?! — прошептала она.

Она вскочила и вскинула голову. Обняв себя за плечи, она шагнула к каменному великану:

— Ты слышишь меня, презренный? Скоро я задам работу твоим каменным рукам!

— Но твой брат говорил, что никто уже не знает и не помнит этого языка, поэтому даже если ты узнаешь то, что я тебе сейчас сказал, это тебе не поможет, — проговорил Эльрис, не понимая, что так возбудило Михар.

— Он всегда был дураком! Да если бы я знала раньше, что мать сыграла со мной такую шутку! — как разъяренная тигрица, Михар заметалась по горному храму. — Да, это действительно достойно моей матери и очень на нее похоже. Одни и те же слова на двух языках — вот тебе и имена, одно для человека, другое для демона! — Она повернулась к Эльрису. — Ну, спасибо тебе, офицер, удрожил!

— Но тот язык...

Михар победно тряхнула волосами:

— У меня есть целых две книги на этом языке. Я обнаружила их совсем недавно и попыталась разобрать... Если этот язык кем-то и забыт, то не мной! Конечно, я тоже не все до конца поняла, но сочетание этих двух нужных мне слов я уже где-то встречала! Если бы знала сразу, я бы их запомнила! Но ничего. Ничего. Сейчас я найду их. Быстро найду и вспомню! И потом...

Михар внимательно посмотрела на притихшего в уголке Бриана:

— А ну-ка, немедиц, быстро снимай с себя то, что принадлежит высокородному Эльрису!

Бриан вытаращил глаза и затянул свое:

— Но, госпожа! Чем же я прогневал...

— Да ничем, чтоб ты лопнул! — Михар сжала кулаки. — Перестань канючить, или я голову тебе откручу! Неужели я непонятно говорю? Снимай штаны и куртку и верни Эльрису оружие!

Сначала медленно, но потом все быстрее и быстрее Бриан принялся исполнять новое распоряжение. Когда одежда легла к ногам Эльриса, офицер брезгливо потрогал ее, но взять не решился.

— Не время быть щепетильным, офицер! — фыркнула Михар, которая уже уселась за книгу. — Одевайся, если не хочешь нагишом предстать перед очи своей красотки!

— Ты меня отпускаешь? — удивился Эльрис.

— Отпускаю, — Михар сделала широкий жест. — На все четыре стороны. Но не прямо сейчас. Прежде я отыщу в книге нужные мне слова и сообщу их тебе.

— Мне-то они для чего? — не понял Эльрис, нерешительно потянувшись к одежде.

— Не знаешь? — усмехнулась Михар. — Да по всему видно, как ты жалуешь моего брата. А значит, ты захочешь поскорее спровадить его с глаз долой, не так ли?

— Да уж, не отказался бы! — скрипнул зубами Эльрис, вспоминая, какими глазами смотрела его возлюбленная в рот этому проходимцу, когда он рассказывал у костра свои

байки, как защищала стигийца, оскорбляя при этом того, который был готов ради нее на все!

— Ну вот, — удовлетворенно сказала Михар. — Значит, повстречав Табасха и свою девушку, ты не откажешься шепнуть на ушко моему брату его собственное имя.

Эльрис ничего не ответил, но он был уже уверен, что именно так он и сделает.

* * *

— Это где-то совсем рядом, — уверенно сказал Табасх. — Я чувствую.

— Чувствуешь? Тогда скажи точно, куда идти! — огрызнулась Карела. — Что-то мне не верится, чтобы демоны так же просто, как и люди, сбивались с пути.

— Ты очень много хочешь от полукровки, — рассмеялся Табасх. — Все-таки ночью это очень затруднительно. Неплохо было бы все же дождаться рассвета. Мне не хотелось бы вместо храма привести тебя в берлогу к горному медведю.

— Какая забота? — раздраженно фыркнула девушка. Пока они бродили в горах, ветер разогнал облака, и луна теперь светила ярко. Табасх видел красивый точеный профиль Карелы и различал, как она рассержена: губки поджаты, брови нахмурены.

— Придется остановиться на ночлег, — промолвил он самым миролюбивым тоном.

— Здесь? — с недоверием огляделась Карела. — Да тут и голову-то преклонить некуда.

— А я говорил тебе, что не надо отправляться на ночь глядя! — веско сказал Табасх. Карела промолчала.

— Ладно, — сказала она, наконец. — Задержимся здесь ненадолго. Все не так уж и страшно. Рассвет уже близко.

Табасх ощупал огромный гладкий валун и сел, привалившись к нему спиной. Девушка осталась стоять. Ее силуэт, словно, замерший посреди стремительного порывистого движения, великолепно вписался в рисунок горных отрогов. Табасх любовался ею и не мог наглядеться.

— Ты сердишься, Карела?

— Пожалуй, сержусь. Только не знаю, на что.

Она пошевелилась, но садиться рядом с Табасхом не стала, а вскарабкавшись на валун, уселась там, поджав ноги.

— Ты не хочешь спать? — удивился Табасх. Он подумал о том, что с удовольствием провел бы остаток ночи, охраняя сон Карелы. Но похоже, у нее были совсем другие планы.

— Да какой тут сон? — проворчала Карела. — Если бы ты знал...

Но она не договорила. Резкий гортанный птичий крик раздался где-то совсем рядом.

— О, Иштар! — Карела сразу же забыла, о чем собиралась сказать Табасху. Вжав голову в плечи, она принялась вглядываться в темное небо у себя над головой. — Табасх, что это?

— Это чайка кричит, — сдержанно ответил Табасх, растерявшись.

— Чайка? Никогда не видела чаек. В степи Офира они не залетали. Но мне говорили, что это морская птица... Как же она попала сюда, в горы? — задумчиво произнесла девушка.

Табасх с облегчением понял, что Карела не ждет от него ответа. Она просто удивлялась. Да и Табасх был удивлен. Почему несчастная Ганда еще здесь? Ей бы вся краса сейчас парить в небе где-нибудь над Шадизаром, держа путь на море Вилайет....

Крик чайки повторился, на этот раз уже совсем близко. Он был еще тревожнее и грознее. Табасх почувствовал нечто недоброе.

— Карела, спустись-ка вниз, — попросил он, видя, как девушка встала на ноги и пытается все же разглядеть в ночном небе невиданную птицу.

— Зачем? — удивилась Карела.

— Я прошу тебя спуститься с этого камня! — повысил голос Табасх. — Это может быть опасно! Пожалуйста!

— Вот еще, — пожала плечами Карела.

Скорее чувствовал Табасх, чем видел, как с высоты поднебесья камнем падает на них несчастная белая птица.

— Нет, Ганда! — Он вскочил на нога. — Не делай этого, Ганда!

Но было поздно. Громкие хлопки сильных крыльев, крик чайки и испуганный вопль девушки слились воедино. Белая чайка спикировала сверху на стоящую на валуне Карелу. Взмахнув руками, чтобы защитить голову, девушка отпрянула от удара грозного клюва, оступилась и соскользнула вниз.

Сердце оборвалось у Табасха. Пытаясь хоть что-нибудь разглядеть внизу, он заспешил туда, оскальзываясь на крутых влажных камнях. А чайка не успокаивалась. Она носилась над ним туда-сюда с громкими криками, несколько раз задев юношу крыльями по голове. Но он не обращал на нее внимания.

Увидев внизу неподвижное тело, Табасх почти скатился с тропы, ободрав колени.

— Карела! — Он осторожно перевернул тело своей подруги, с ужасом представляя, что вместо милого личика вполне может увидеть размозженное месиво. Но внешне девушка была в порядке. Проклиная все на свете, и эту Ганду, так некстати попавшуюся ему в горах, и эту темную ночь, не позволяющую ему даже выяснить, насколько серьезны повреждения, Табасх ощупывал Карелу и от ужаса ничего не мог понять.

Чайка кричала где-то совсем рядом. Табасх не мог понять, где она, что она еще задумала, и когда птица снова начала атаку, он едва успел наклониться над Карелой и заслонить плечом лицо подруги от удара птичьего клюва.

— Будь же ты проклята! — в отчаянии выкрикнул стигиец.

Он разогнулся и нашел взглядом стремительный силуэт, снова начавший падать на них.

Не помня себя от ярости, Табасх выставил вперед руку. Извилистая белая молния сорвалась с его ладони и охватила чайку.

Страшно, не по-птичьи вскрикнула чайка и упала на камень рядом с Табасхом, поглощенная белым колдовским огнем.

Пока горела на камне чайка, в свете холодного пламени Табасх успел осмотреть Карелу. Бедняжка была без сознания, но ран Табасх так и не нашел. Обрадовавшись, Табасх заставил себя успокоиться и выполнить все, что следовало. Легкие поглаживания умелыми руками, способными нести не только смертельный огонь, влили свежие силы в обездвиженное ушибами тело — и вот девушка уже открыла глаза.

— Табасх, — простонала Карела. — О боги, почему она накинулась на меня?

Табасх не успел ответить. Взгляд Карелы упал на мертвенно-белый огонь, шевелящийся рядом на камне.

— Во имя мудрой Иштар, что это такое, Табасх? Она села с помощью юноши, и пока он, затаив дыхание, поддерживал ее за плечи, Карела, не отрываясь, смотрела, как обугленное птичье тельце теряет очертания, превращаясь в бесформенную кучку пепла.

— Это ты? Это ты ее сжег? — Карела в ужасе повернулась к Табасху.

— Но она... Она же сбросила тебя! — гневно отозвался Табасх. Больше он не испытывал

к Ганде того сострадания, которое подсказало ему вчера превратить потерявшую от ужаса рассудок девушку в чайку. Лучше бы он воспользовался ее телом, как и прежде, или убил бы ее сразу.

— А кто такая Ганда? — подозрительно спросила Карела.

— Так звали чайку, — коротко сказал Табасх.

— Откуда ты можешь это знать? — удивилась Карела и встала на ноги с помощью Табасха.

Табасх не ответил, но, немного потоптавшись, разогнув ноги и потерев рукой ушибленные места, Карела почти утвердительно уточнила:

— Ты знаешь ее имя, потому что она появилась в горах оттуда же, откуда и белая крыса?

— Ох, Карела, ничего-то от тебя не скроешь, — вздохнул юноша. Какой был смысл отпираться? — Ты права.

Только не думал я, что чайка окажется еще мстительней крысы. Готов побиться об заклад, что Бриан и за кучу золота не захочет ко мне приблизиться. А Ганда не побоялась. Клянусь Деркэто, я не хотел ее убивать, ни тогда, ни сейчас. Она сама во всем виновата!..

— Может быть, — Карела оглянулась на пепел. — Хотя поверить трудно.

— Клянусь, Карела! Я не смог сдержаться, я очень испугался.

— Испугался? — Карела вытаращила глаза. — Ты? Чего же?

Табасх пожал плечами:

— Она могла тебя убить!

— Да, пожалуй, могла, — кивнула Карела. — Ты, похоже, совершил типичную мужскую ошибку. Знаешь, Табасх, постарайся, никогда не становиться врагом женщины. Причиной вражды может стать любая случайность, но длиться такая вражда будет вечно.

— Какие умные дочери у огирских солдат! — восхитился Табасх. — Эту мысль тебе тоже отец подкинул?

— Мой отец был кофийцем! — поправила его Карела. — А мать — немедийкой. Так что я тоже полукровка, как и ты, Табасх. А смешанная кровь, как известно, это не так уж плохо во всех отношениях.

Что иного оставалось стигийцу, кроме как согласиться.

— А почему именно чайка, Табасх? — вдруг спросила Карела.

— Не понял, — растерялся юноша. Карела с досадой поджала губы:

— Ну что тут непонятного? Я спрашиваю, почему эта бедняжка стала именно чайкой, а не совой и не ласточкой? Почему Бриан стал крысой, я понимаю. Но почему чайка?

— Не знаю, — протянул Табасх. — Она была беленькая, наверное, бритунка. Может быть поэтому...

Табасх вдруг различил в темноте, как хитро прищурились глаза Карелы, когда она спросила:

— А если бы я оказалась на месте Ганды, кем бы ты меня сделал?

— Да вразумит тебя сиятельная Деркэто! — испугался Табасх. — Еще чего удумала! Не то, что говорить, даже думать об этом не желаю!

— И все же, Табасх! — азартно выкрикнула девушка. — Ну, говори же! Надеюсь, не курицей?

— Ну ты скажешь тоже! — рассмеялся Табасх. — Ты стала бы... Не знаю, как тебе это понравится, но я сделал бы тебя ястребом.

Он немного подумал и уверенно закончил:

— Да, ястребом. Ни на что другое, Карела, ты не похожа. Стремительный, гордый и грозный ястреб.

— Разве ястребы бывают рыжими? — Карела прыснула со смеху, но было очевидно, что сравнение потешило ее самолюбие.

— Бывают, Карела, — подтвердил Табасх. — Бывают, поскольку одного из них, то есть одну из них, я прекрасно знаю. Ладно, вижу, что ты уже совсем пришла в себя...

— Да я никуда и не выходила! — фыркнула Карела. — Подумаешь, обморок! Хотя, конечно, спасибо, Табасх. Руки у тебя замечательные.

Скромно потупившись, Табасх принял считать до десяти и обратно. Вспомнив, что и как он только что делал, как восхитительно нежна и прохладна была бархатистая упругая кожа Карелы, Табасх взялся за подсчеты с удвоенной скоростью. Видимо, поняв его проблемы, Карела легонько коснулась его плеча, отошла за ближайший крупный камень и опустилась за него, сообщив:

— Скажешь, когда пройдет чесотка! А я подремлю немного.

Через силу улыбаясь, Табасх стоял, вцепившись в камень и старательно усмиряя свое, как всегда некстати проснувшееся воображение, все же думал о том, что всю свою последующую жизнь: десять, двадцать, даже пятьдесят лет он отдал бы сразу и бесповоротно за возможность хотя бы всего одну-единственную ночь побыть обычным человеком. И провести эту ночь вместе с Карелой.

ГЛАВА 6

В Серое ущелье Кофских гор наконец-то заглянуло солнце. Стало немного теплее, на тех склонах, куда светили солнечные лучи, с поверхности камня местами даже начал подниматься легкий пар. Но руки скользили по еще влажным и холодным камням, а ноги срывались с крутых троп, с валунов, покрытых пестрым, немного колючим мхом.

Не в первый раз уже поскользнувшись на тропе, Карела ухватилась за выступ камня, потеряла плечо и поморщилась.

— Что, болит? — сочувственно спросил Табасх за ее спиной.

С одной стороны, приятно, когда кто-то о тебе заботится, а с другой стороны, дай только волю мужскому сочувствию, только разреши кому-нибудь себя пожалеть, и сама рада не будешь...

— Ничего у меня не болит! — буркнула Карела, хотя она была совершенно уверена, что под ее видавшей виды курткой скрываются не один кровоподтек, полученный ночью из-за проклятой белой чайки. Но она не могла позволить себе поддаваться слабости и пожаловаться. Конечно, вроде бы Табасх рядом и готов помочь и защитить, но если все время полагаться на помощь мужчин, в какой-нибудь не очень прекрасный день за это можно жестоко поплатиться. В этом Карела была уверена без всяких отцовских советов, а последние двое суток путешествия только укрепили эту ее уверенность. И поэтому она склонна была сделать главным своим законом простую истину: всегда надейся только на свои силы и поменьше доверяйся тем, кто кажется совершенно безобидным или вполне надежным.

К Табасху это не относилось. Он не был безобидным, он был очень опасным существом. С первого же взгляда было видно, что стигийский юноша явно не от мира сего. Но, лишь узнав его поближе, Карела смогла оценить, насколько ошибалась, посчитав Табасха наивным и открытым. Доверяла ли она ему сейчас?

Карела не знала, что и думать по этому поводу. Доверяться тому, кто совсем недавно собирался подставить ее голову под клинок и глотнуть свежей крови из ее рассеченной шеи? Конечно же, решиться на такое доверие было бы слишком безрассудно. Но словно в насмешку какая-то сила заставляла Карелу верить лукавому демону.

Все дело было в том, что Карела почему-то хотела ему верить и чувствовала к нему совершенно необъяснимое влечение. С ним было легко иметь дело, да и каждый разговор с демоном кончался всегда неожиданно, и одно это уже было забавным.

Табасх был совсем не таким, как спесивый офицер. С тем все разговоры заканчивались одинаково: поучениями, обвинениями в легкомыслии со стороны Эльриса и в заносчивости со стороны Карелы, и, наконец, обидой друг на друга. Табасх же еще ни разу не дал Кареле повода ощутить неприязнь к себе. Ну разве что тогда, когда признался ей в своих тайных намерениях. Да и то досада Карелы длилась тогда очень недолго, потому что повинный взгляд красивых темных глаз быстро ее пригасил.

— Как ты считаешь, будет конец нашему пути? — грустно спросила Карела, глядя на задумчивое лицо своего друга.

Табасх остановился на нешироком уступе скалы и разглядывал, следует ли лезть выше или спуститься и взять вправо, туда, где как будто бы виднелась крутая тропа в расщелине.

— Да, будет. Не мешай мне, Карела! Лучше проверь-ка, что там справа, можно ли там

подняться?

Карела немного спустилась вниз и повернулась к крутой тропе. Конечно, там можно было подняться. Подняться можно почти везде, а если нельзя, но сильно надо, то везде без всякого «почти». Ей сегодня было надо, и довольно сильно, поэтому она не сомневалась ни на минуту, что одолеет подъем, даже если Табасх будет утверждать обратное.

Попробовав, крепко ли держится нога на округлом камне, Карела ухватилась руками за верхний валун и стала подтягиваться.

Табасх спрыгнул со своего уступа и тоже подошел к тому месту, откуда Карела начала путь наверх.

— Похоже, что это единственный проход к храму, — сказал стигиец, задрав голову и разглядывая девушку. — Я имею в виду, с этой стороны.

— Почему ты считаешь, что это именно он? — усомнилась Карела. С рассвета прошло уже порядочно времени, и оба они уже предприняли не одну попытку найти нужный путь. До сих пор тропы заводили их в тупик. Здесь, совсем высоко в горах было не только холоднее. Здесь было мертвое, как в царстве самой смерти и ее подданных.

Трудно было представить Кареле, что сюда, именно сюда когда-то спускалась богиня любви. Но Табасх нынешней ночью так убедительно рассказывал эту историю, что Карела довольно живо представляла себе все это. Более того, Карела поняла, что окажись она на месте Деркэто, тоже бы нашла, чем отомстить мужчине, который презрительно отнесся к ее любви, не приняв ее всерьез. Ну, в камень его превращать и окружать его множеством самых немыслимых заклятий Карела не стала бы. Зачем так усложнять, когда можно отомстить его оружием: презрением и унижением? Чтобы человек ощущал наказание, он должен быть вовсе не каменным, а совсем наоборот.

— Я не просто считаю, что это именно та тропа, которая нам нужна, — отозвался Табасх. — Я даже уверен, что цель нашего путешествия — вон та скала!

Карела взглянула в том направлении, куда показывал Табасх. Совсем недалеко возвышалась покрытая зеленовато-бурым ковром горных мхов скала немного необычной формы. Она не была устремлена вверх остроконечным пиком, как ее соседки, ее не бороздили извилистые разломы. Она была гладкой, почти полукруглой, как юная упругая девичья грудь.

— Но я не вижу входа! — возразила Карела.

— И я не вижу. Но это не значит, что его нет. Думаю, что если мы доберемся туда и зайдем с другой стороны, попадем как раз ко входу в храм.

— Ну-ну, — вздохнула Карела. — Очень может быть.

— Более того, если бы ты не заставила меня лезть вверх на ночь глядя, я уверен, что покинув грот с рассветом, мы с тобой нашли бы простейший и легкий путь туда. Этот путь наверняка лежит совсем рядом. Он привел бы нас к этой скале с другой стороны, с той самой, с которой прибыла в горы Михар. Готов поклясться, Карела, что ее лошадь до сих пор стоит где-нибудь там, внизу.

Они выбрались на обширный плоский участок, и Табасх со стоном повалился на землю.

— Ты чего это? — подозрительно спросила Карела, присаживаясь рядом.

— Да сколько можно ползти по горам без передышки, — ворчливо отозвался стигиец.

Карела была готова поспорить с кем угодно, что молодой сильный парень, чьи мускулы свидетельствовали о недюжинном здоровье и природной ловкости, не мог выдохнуться так быстро. Конечно же, Табасх хитрил. Зная, что Карела сама ни за что не запросит отдыха, он

решил притвориться уставшим. Можно было бы разоблачить его невинную хитрость, наорать, пристыдить и погнать дальше. Но Кареле не хотелось этого делать именно сейчас до той простой причине, что притворство Табасха было кстати. Решив лишь слегка дать понять, что с ней все в порядке, Карела наморщила лоб и, сложив губы в презрительную гримасу, снисходительно отозвалась:

— Что ж, конечно, если ты больше не можешь идти, я немного подожду тебя. Но только немного. Думаю, Эльрису приходится очень нелегко...

Она не договорила. Совсем рядом послышалось какое-то шуршание. Карела, недавно испытавшая, что может последовать за всякими непонятными звуками, вроде птичьего крика или шуршания, вжала голову в плечи и взглянула на друга:

— Табасх, что это ещё?

— А я откуда знаю? — протянул он, и в его голосе Карела различила встревоженные нотки.

Не успела Карела сделать предположение, как сверху, с обрыва, на который им только предстояло взобраться, темной тенью свалилось что-то не очень большое и неслышно приземлилось рядом с Карелой.

У девушки дыхание остановилось с испуга, но упавший сверху предмет, оказавшийся огромным пушистым котом, жалобно мяукнув, заметался по площадке, а потом кубарем скатился вниз и исчез.

Карелу охватила запоздалая непроизвольная дрожь, которую она тут же поспешила переплавить в праведный гнев:

— Да какого же дьявола, Табасх! Сколько можно?! Ты просто наводнил Серое ущелье своими несчастными жертвами! — Она яростно толкнула стигийца в плечо. — Мышки, кошки, птички! Причем все они почему-то хотят непременно напутать меня до смерти или столкнуть в пропасть, да сожрет Нергал их души!

— Клянусь Деркэто, Карела! Я впервые вижу этого кота! — возмутился Табасх.

— Откуда же здесь взялась домашняя кошка, упитанная, словно только что удрала из какой-нибудь харчевни?! Ты все врешь, Табасх!

Он встал и, подойдя к краю обрыва, попытался разглядеть убежавшее животное. Да куда там, от котища и следа не осталось, только клочок дымчато-серой шерсти зацепился за острый край камня.

— А ведь и верно, вру, — согласился вдруг юноша. — Просто я совсем забыл о нем. Это Фипон, любимец Михар.

Не сказать, чтобы Карелу успокоило это известие:

— Ах, значит, это твоя сестрица приделала хвост какому-то бедолаге? — уточнила она.

Табасх засмеялся:

— Да нет, что ты. Это самый обычный кот. Правда, когда я видел его в последний раз, он был еще котенком. Михар никогда с ним не расставалась, значит, она где-то поблизости.

— В той скале? — кивнула Карела на каменное полушарие.

— Несомненно.

Карела тоже встала и подошла к стигийцу, чтобы взглянуть вниз и, если удастся, еще раз посмотреть на кота. Но он и не думал больше показываться им на глаза. Возможно, ему тоже не составило удовольствия вновь увидеть Табасха. Эти четвероногие твари еще лучше людей чувствуют, когда рядом с ними находится нечто не совсем обычной природы.

Звук падения чего-то тяжелого за ее спиной заставил Карелу выхватить кинжал.

Обернувшись, она увидела мужчину, который разгибал ноги, выпрямляясь в полный рост после удачного приземления.

Карела была уже готова пустить в ход свое нехитрое оружие, но мужчина поднял бледное, исцарапанное лицо, и она узнала высокородного офицера.

— Эльрис! — Она рванулась к нему, пряча кинжал обратно. — А мы с Табасхом тебя ищем! Как здорово, что ты сам нас нашел!

— Неужели? — удивился офицер. — Ищете, да еще вместе? Я думал, что вы оба только руки потираете при мысли, что избавились от меня!

Его голос прозвучал довольно недобро. Кареле это не понравилось, но она решила списать недовольство на усталость и раны офицера. Отдышавшись, Эльрис испытующе посмотрел на притихшего Табасха и добавил, продолжая свою мысль:

— По крайней мере, вот он должен был торжествовать, когда это ублюдок-немедиец напал на меня и уволок!

— Спроси у него, Карела, как ему удалось уйти от Михар, — подозрительно глядя на Эльриса, произнес Табасх. — Не думаю, что это очень просто. Во всяком случае, наш досточтимый дворянин хоть и утомлен, а так же несколько потрепан, у него, тем не менее, вид победителя, а это странно. Особенно если учесть, что Бриан волок его спеленутым, как младенца, и с рассеченным лбом».

— Так это ты подстроил мне все это, стигийский червяк?! — злобно оборвал его Эльрис, вставая в угрожающую позу и расправляя плечи. — Ты сделал все, чтобы убрать меня с дороги, не так ли?!

— Скажи ему, Карела, что он преувеличивает силу моей обиды, а также мои скромные способности, — буркнул Табасх, отодвигаясь подальше от разъяренного офицера и присаживаясь на камень.

— А ты сам лично не желаешь со мной разговаривать, да? — прощедил Эльрис сквозь зубы, пораженный странным способом Табасха обращаться к нему.

— Да хватит вам! — заорала Карела. — Честное слово, как только вижу вас вместе, начинаю жалеть о том, что вообще связалась с каждым из вас. Вы что, не в состоянии и двух слов сказать друг другу по-человечески?

— А также скажи ему, Карела, что ты провела бессонную ночь в горах для того, чтобы найти этого гордого племенного петуха и спасти его от магического вертела моей сестренки, — тем же нудным голосом затянул Табасх.

— Неужели, Карела? Странно это слышать! — Эльрис вытаращил глаза. — Тебе не стоило беспокоиться, как видишь, я здесь, и я прекрасно сам справился с этой ведьмой.

— Ой ли, досточтимый?! — кисло скривился Табасх. — Карела, да спроси же ты у него хоть что-нибудь о том, как это ему удалось. Сдается мне, что не все так просто...

— Заткнись, адово отродье! — прикрикнул Эльрис на юношу и подступил к Кареле. — Ты не покинула горы, а искала меня, Карела? Это правда?

— Это было правдой, Эльрис, — медленно проговорила Карела. — Но я начинаю думать, что поступила опрометчиво. Что с тобой, Эльрис? Ты ведешь себя как-то не так.

Эльрис только усмехнулся в ответ.

Вопросы Табасха и то, как стигиец настойчиво повторял их, внущили Кареле опасения. Не зря же Табасх намекал на что-то странное в поведении Эльриса и в самой ситуации. Поэтому, видя, что офицер не торопится с ответом, она повторила:

— Что произошло с тобой, Эльрис? Что случилось у Михар?

— Мы поладили, — усмехнулся Эльрис. — И я думаю, что не пожалею об этом.

Карела вдруг заметила, каким нездоровым злобным и мстительным огнем горят глаза офицера. Эти большие красивые глаза, которыми, как знала Карела, восторгались женщины, стали отвратительными, опасными, внушающими тревогу.

— Что ты задумал, Эльрис? — прошептала Карела, неотрывно глядя в эти жуткие глаза и пытаясь прочесть в них хоть что-нибудь. — Скажи мне, что ты задумал?

— Ты знаешь наизусть все, что я скажу. Сейчас мы с тобой осторожно спустимся вниз, соберем вещи, навьючим лошадей и пустимся в путь. К вечеру мы уже вступим в степи Заморы. А там уже и до Шадизара недалеко.

Говоря, он поднял руку, погладил кудри Карелы жестом почти хозяйственным, и лицо его стало властным:

— Хватит уговаривать тебя, как капризного ребенка. Пора показать, что должно означать для женщины быть под моим покровительством.

Он говорил уверенно, и девушка ощутила, как эта уверенность странным образом отнимает у нее силы сопротивляться. Эльрис стоял спокойно, и движения его были неторопливыми и уверенными.

— О чём ты, Эльрис? — пролепетала она, и глаза офицера вспыхнули в мгновение:

— Помолчи, девочка, и слушай! Больше я не позволю тебе играть моими чувствами!

Карела была так поражена переменами, поминутно происходящими с Эльрисом, что опомнилась только тогда, когда его руки уже настойчиво теребили ее шею и начали тянуть девушку в объятия офицера.

— Ты что, Эльрис, спятил?! — возмутилась Карела, отталкивая его руки. — Только дотронься до меня!

Досадуя на то, что она так непредусмотрительно убрала в ножны кинжал, Карела попыталась вырваться, но Эльрис неожиданно крепко схватил ее за локти, развернул спиной к себе и повернулся к Табасху. Стигиец вскочил в напряжении, готовый прийти на помощь.

— Отпусти, меня, подлая твоя душа! — возмущенно взвизгнула Карела. — Что тытворишь?! Да покарает тебя Митра!

Но Эльрис еще сильнее сжал девушку и легонько, как перышко, поднял ее в воздух и отнес в сторону. Карела замолотила ногами и принялась сипать проклятьями.

— Отпусти ее сейчас же! — вторил ей Табасх. Но он был спокоен. Сделав шаг в сторону Эльриса, он заметил: — Я считаю до трех, Эльрис. Ты, кажется, позабыл в горячке, с кем имеешь дело. Не хочешь ли ты, чтобы кинжал Карелы или твой собственный меч вдруг вырвались из ножен и по чистой случайности... или по моему велению... вонзились бы тебе в горло? Я могу это устроить. Один...

Карела почувствовала, как руки Эльриса все сильнее сдавливают ей локти. Она дернулась, но офицер жестко бросил:

— Спокойно, девочка. Тебе больше не надо самой о себе заботиться.

— Табасх, будь осторожен с ним! — быстро проговорила Карела.

Девушка еще не видела в лицо опасность, грозящую ее другу.

Она не могла четко определить, что именно на уме у Эльриса и как офицер собирается противостоять чародею, но после прозвучавшего предупреждения Табасха Эльрис ни на шаг не отступил и не разжал руки. Еще совсем недавно он сделал бы это при первом же слове Табасха, содержащим угрозу. Значит... Да, значит, Эльрис перестал бояться Табасха, это очевидно. Офицер больше не считается с неуязвимостью демона. И это неспроста! Эльрис,

такой благоразумный, не стал бы поступать так опрометчиво без достаточных оснований. Окончательный вывод Карелы был прост и угрожающ: Табасх в опасности.

Поэтому она снова произнесла:

— Табасх, берегись его!

— Два, — невозмутимо напомнил Табасх.

— Я тоже могу тебе кое-что устроить, отродье, — засмеялся Эльрис. — Хотел было я дождаться, когда ты станешь человеком, и выпустить наружу твои вонючие кишкы. Но мне предоставился более быстрый и простой способ избавиться от тебя, и я не такой дурак, чтобы настаивать на прежнем способе. В отношении тебя я отказываюсь от старых своих планов.

— Три, — объявил Табасх и взмахнул рукой, начиная что-то чертить в воздухе.

— Да, стигиец, три, — зловеще сказал Эльрис, словно не видя магических знаков. — Однако, начнем обратный отсчет... Ша Мрэль.

На мгновение Табасх застыл, потом резко отпрянул в сторону, а в глазах его мелькнул почти детский испуг. Он сменился недоверием и сильной тревогой. Но вот словно невидимая стрела вдруг пронзила стигийца. Казалось, только он видел и чувствовал проникновение этой безжалостной стрелы в его плоть. Табасх содрогнулся, зажмурился и закрыл руками уши, сжав виски и бледнея прямо на глазах. Он замотал головой, словно хотел вытряхнуть услышанное прочь.

— Бесполезно, Ша Мрэль, — усмехнулся Эльрис. — Ты уже слышал эти слова! Ты — демон, повинующийся заклятью. И ты будешь ему повиноваться, потому что человеком ты пока не стал и не станешь теперь никогда. Никогда!

Почувствовав, что, увлекшись, Эльрис уже не так крепко сжимает ее руки, Карела изловчилась и острым локтем резко ударила офицера прямо в солнечное сплетение. Рванувшись к Табасху, она схватила его за плечи, взглянула в полные бессильного ужаса темные глаза, и сердце ее сжалось: это был уже не ее друг, а кто-то совсем другой. Тело юноши дрожало и становилось горячим. Трясущимися руками он снял ладони Карелы со своих плеч.

— Отойди, — простонал Табасх. — Отойди, Карела. Поздно! Теперь все уже будет напрасно. Именем Деркэто заклинаю, не мешай судьбе, Карела! Не гневи богиню!

— Твоя богиня убивает тебя! — вскрикнула Карела.

— Ничего нельзя поделать! — пробормотал стигиец. — Я в ее власти. Назад пути нет, Карела. Оставь меня!

В лице Табасха что-то поменялось. В оцепенении смотрела Карела, как увеличиваются, вылезая из орбит, глаза Табасха, как исчезают в них белки, уступая место растущим зрачкам. И шерсть, сначала слабая, как щетина, все быстрее и быстрее пробивается на лице и смуглых мускулистых руках.

Резкий рывок Эльриса вывел девушку из омертвленного состояния. Офицер крепко притянул ее к себе и оттащил на самый край площадки.

— Табасх! — Карела начала рваться, но Эльрис сжимал ее крепко. — Не сдавайся, Табасх, я тебя умоляю!

Жесткая ладонь Эльриса сильно и достаточно больно закрыла ей рот, не позволяя больше сказать ни слова.

— Ну что ты, Карела, — сухо сказал Эльрис. — Наш друг Ша Мрэль верен заклятью. Не будем ему мешать. Ты ему уже не интересна, Карела. Все, о чем он нынче мечтает —

поскорее подставить лохматую шею под саблю Деркэто...

Вместо Табасха на площадке корчился чудовищно безобразный колченогий и пучеглазый урод, которого нельзя было сравнить даже ни с какой из известных на земле четвероногих тварей. Это было поистине адово отродье... Чудовище не собиралось нападать. Из выкаченных круглых и огромных, как яблоки, глаз текли мутные слезы, свесившийся из широченного рта язык истекал пенистой слюной. Воя и стеная, демон рухнул на колени и в отчаянии забарабанил кулаками по земле.

— Не медли, Ша Мрэль, сестра заждалась, — добавил Эльрис.

Чудовище вскрикнуло, словно уже прощаясь с жизнью, и, неловко скорчившись, подползло к нижнему краю крутой тропы. Оно потопталось и полезло вверх, на тот обрыв, откуда спрыгнул Эльрис. Через некоторое время только резкий неприятный запах напоминал о нем.

Офицер отпустил Карелу и тяжело, но удовлетворенно вздохнул, словно завершил серьезное важное дело.

— Какой же ты мерзавец, Эльрис, — медленно произнесла Карела.

Она отлично поняла, каким образом второе имя Табасха обрело силу. И она даже удивилась, как мгновенно и пышно расцвела в ее душе жгучая ненависть к высокородному красавцу-воину.

— Ты мерзкий предатель, — проговорила она.

— Предают друзей или союзников. Это отродье не было для меня ни первым, ни вторым, — резонно заявил Эльрис.

Эльрис смотрел на Карелу уверенно, как человек, ни на мгновение не сомневающийся в своей правоте.

— Он был другом мне! — выкрикнула Карела. — Он был другом мне, и ты это прекрасно знал! А это значит, что ты предал меня!

— Прямо так! — фыркнул Эльрис. — Все, что я сделал, и Митра тому свидетель, я сделал ради тебя, глупая девчонка!

— Ты чванливый петух! — прошипела девушка, прижимая к груди крепко сжатые кулаки и прищуриваясь. — Ненавижу тебя! Чтобы лопнули твои лживые, подлые глаза! Чтобы боги навсегда лишили тебя твоей мужской силы и всех своих милостей! Чтобы меч твой обломился в первом же бою...

Сотни, тысячи проклятий, многие из которых были далеко не так безобидны, как первые, теснились на языке Карелы, и все же, на ее взгляд, осуществление этих проклятий было бы слишком мягким наказанием Эльрису.

— Ну-ну, советую меня больше не злить! — рассердился офицер, не желая слушать дальше ее милые пожелания. — Сколько можно было издеваться надо мной? Из чаши моего терпения давно хлещет через край!

В ярости бросилась к нему Карела:

— Ты не мужчина, ты трусливая баба! — Она принялась колотить его кулаками по лицу, по плечам, по рукам, которые пытались поймать ее. — Сволочь, мерзкий, трусливый предатель! Тряпка, подлый шакал!

Он поймал, наконец, ее быстро мелькающие руки и с силой оттолкнул ее от себя. Упав на землю, Карела выхватила кинжал и снова бросилась на мужчину. Теперь у нее не осталось ни малейшего сомнения в том, что жизнью этого человека дорожить больше не стоило.

Эльрис привык уже ко многим вещам, на которые была способна Карела, и поэтому он

не особо удивился вспышке ее гнева, но на губах его заиграло открытое и немного насмешливое презрение. Он медленно потянул меч из ножен, кивая и прищелкивая языком, словно приглашая девушку позабавиться, а он, мол, так уж и быть, подыграет...

Увидев, что мужчина обнажил против нее меч, на клинок которого можно было при желании насадить, как Цыплят на вертел, по крайней мере трех стройных девушек, Карела сглотнула злые слезы и прошептала:

— Разрази тебя Деркэто, мерзавец! А потом ринулась на обидчика.

* * *

Не думал Эльрис, что по прошествии стольких лет ему придется вспоминать кое-какие тонкости, касающиеся владения оружием. Кое о чем, например, о тренировочных боях, он уже успел позабыть. Пришло вспомнить истины, которые он усваивал еще мальчишкой. А именно: гораздо проще и защищаться, и атаковать, и наносить удары, когда перед тобой злейший враг. Уже много лет подряд в иные ситуации Эльрис и не попадал. Если он с кем-то сражался, ему ничем не возбранялось разить насмерть. И невыносимо трудно оказалось делать все это так, чтобы не задеть своего противника даже кончиком клинка.

Эльрис был взвинчен. Упрямство и оскорблений девушки взбесили его совершенно. Но четко подставляя свой меч под ожесточенные выпады девичьего кинжала, Эльрис холодел от одной мысли, что ненароком заденет и ранит красавицу.

Она же, казалось, совершенно об этом не заботилась. Она вертелась, мелькая перед глазами офицера, то приседала, то отступала, то снова бросалась вперед, пытаясь подобраться к Эльрису вплотную. Выпады, удары, прыжки, наклоны следовали один за другим. То, что Эльрис сопротивлялся ей шутя, разжигало ее еще сильнее.

Не сразу Эльрис понял, что ее так злит. Но потом он сообразил, что скорее всего, это снисходительно-насмешливая гримаса, которую Эльрис позволил себе. Ну как же, взрослый мужчина позволил себе немного поиграть, не желая притворяться, что всерьез считает девчонку великой воительницей!

Но хватит с меня этих игр, решил Эльрис. Дурь из человека, а особенно из самоуверенной молоденькой женщины, не изгонишь уговорами. Уж если дурь вселилась, ее можно только выбить.

Если бы Карела одумалась и успокоилась, возможно, Эльрис простил бы ее. Но девушка то краснела, то белела от ярости, не обращала внимание на острый клинок офицера и никак не хотела прекращать свои нападки.

— Ну хватит, милая, размялась и будет. Теперь отдохни, — миролюбиво произнес Эльрис, когда Карела в очередной раз, оступившись, присела на одно колено.

— Ты погубил Табасха, — зловеще отзвалась девушка. — Поэтому это не разминка, это твоя смерть, Эльрис.

— Неужели ты всерьез так думаешь, милая? — расхохотался Эльрис. — Мне придется заняться твоим воспитанием, прежде чем жениться на тебе. Иначе мне даже прислуге стыдно будет тебя показать.

— Нож в глотку ты получишь, а не жену! Клянусь Деркэто! — четко выговорила Карела.

— Ох ты, — опешил Эльрис. — Однако этот нелюдь быстро обратил тебя в свою веру. Ну да ничего, несколько хороших уроков хлыстом...

Договорить он не успел. Получившая минутную передышку Карела стремительно кинулась на него, и Эльрис едва успел парировать удар, направленный точно ему в глотку.

— Ну, это перестает быть забавным, Карела! — разъярился офицер.

Нет, он не разочаровался в своей возлюбленной. Карела по-прежнему будоражила его воображение, как никакая другая женщина раньше. Но никакая другая женщина прежде не приносила ему стольких хлопот и разочарований. Отступить теперь означало, что Эльрис признает себя побежденным. Побежденным женщиной. Да если бы еще женщиной, опытной и умудренной! Так... Вздорной семнадцатилетней девчонкой, которую никто по-настоящему не воспитывал». Эльрис не собирался никому рассказывать о своем позоре. Но даже перед самим собой ему было стыдно. Почему он, в конце концов, должен угодить ей, а не наоборот, как это принято у всех нормальных людей в его обществе?

Примерившись, Эльрис пошел в атаку. Несколько пробных взмахов, а затем четкий точный удар — и кинжал Карелы полетел в пропасть, а на запястье девушки загорелся кровавый порез.

— Ах ты, собака! — пробормотала Карела, и офицер Увидел слезы, блеснувшие в девичьих глазах. Неужели Карела решила, что он собирается ее убить? Испугалась, глупая, да и забыла враз о своей боевой прыти.

Едва перевел дух офицер. Кровавая полоса на нежной девичьей ручке привела Эльриса в трепет.

— Поверь мне, я не хотел! — спохватился Эльрис. — Но ты так меня разозлила...

Карела стояла, потирая руку и морщась, и не говорила ни слова. Опустив меч, Эльрис шагнул к девушке и осторожно коснулся ее плеча:

— Будь умницей, и больше меня не зли. Никогда еще не поднимал я меч против женщины, но ты с твоим ужасным упрямством можешь даже благородного человека довести до греха.

— Благородного человека? — машинально произнесла Карела. — Благородного человека? — Она покосилась на меч офицера. — Ты это о себе, высокородный?

И тут же Эльрису пришлось ругать себя за такую наивную беспечность. Пожалел красотку! Получив резкий удар коленом в пах, он охнул, зажмурился, опустился на колени.

И за какое-то мгновение, на которое Эльрис потерял контроль над ситуацией, Карела завладела его мечом. Хотя он был и тяжеловат для девичьих рук, когда Эльрис открыл глаза, кончик меча смотрел прямо ему в лицо, а глаза Карелы не оставляли никаких сомнений: еще одно неосторожное слово, и офицер будет если и не убит, то на всю жизнь изувечен. Что верно, то верно, эта пташка жила не в золоченой клетке, среди благовоний и слашавых развлечений. Эта девочка, определенно, знала, как убить человека, а ее неуемная душа не ведала причин, по которым не стоит этого делать, если очень хочется.

— Сдаюсь, — произнес Эльрис, тяжело дыша. Карела усмехнулась, но меч не опустила, и в какое-то мгновение Эльрис вдруг подумал, что заговорить ей зубы, пожалуй, не удастся, она ни за что не пощадит его. Меч сейчас опустится и... Офицер растерялся.

— Послушай, Карела, давай во всем разберемся». — поспешно заговорил он.

Эльрис больше ничего не оставалось, как надеяться, что сейчас слово за слово ему удастся рвануться, схватить девчонку за ногу, сбросить ее на землю, обезоружить и... И от души проучить ее как следует. Но она была хитра. Стояла так, что не ухватишь и не дотянешься, не напоровшись на меч.

Как вдруг... Сверху, уже неблизко, а почти от самого горного храма раздался полуустон-

полурычание, протяжное, надрывное, леденящее кровь.

Карела вздрогнула и опустила меч, предусмотрительно отступив ровно настолько, чтобы быть по-прежнему недосягаемой для рук офицера.

— Табасх, бедный... А если я еще могу ему помочь? — несмело произнесла она.

— Ему никто не сможет помочь, Карела, — быстро проговорил Эльрис. — Забудь о нем.

Меч снова взвился в ее руках, и снова только протяжный вой демона остановил Карелу от приведения в исполнение ее приговора дворянину. Нерешительно помявшись, она обожгла офицера взглядом:

— Будь ты проклят, Эльрис, во веки веков! На-ка вот, поищи свой меч, если он тебе, конечно, нужен!

Отвернувшись от Эльриса, Карела размахнулась и бросила оружие вниз, туда, куда улетел выбитый из ее руки кинжал.

Потеряв интерес к офицеру, девушка принялась карабкаться вверх по невообразимому склону, по которому, казалось, совершенно невозможно взобраться.

— Куда ты, прах тебя побери! — завопил Эльрис, вскакивая. — Вернись, дурочка! Либо тебя сожрет эта пучеглазая тварь, либо та проклятая баба с чашей тебя растерзает!

Она не удостоила его ответом. Офицер даже засомневался, что девушка слышала его. А может быть и слышала, да где ее куриным мозгам осознать опасность?

Эльрис смутно подумал, что надо было бы поймать и задержать ее, пока вздорная девчонка на свою беду не влипла в еще худшую историю. Но какой же умный человек бросается спасать красавиц, оставшись без оружия? Особенно если бежать за ней придется в такое крайне хлопотное место, из которого он только что чудом вырвался, надеясь никогда больше туда не возвращаться.

Проклиная все на свете: Стигию с ее отродьями, Клоруса, не сумевшего вовремя приструнить дочку, вздорную красавицу, норовящую всех вокруг втравить своими прихотями в нечто непотребное, да заодно и себя проклиная, опозоренного и отвергнутого, — Эльрис прыгнул вниз в надежде поскорее отыскать меч, а после уже бежать вдогонку за уже скрывшейся из вида Карелой.

Она, очевидно, думала по-другому.

Тяжелый меч стал бы для нее обременительным. Кинжала ее лишили. Можно было бы, конечно, сделать то, что она только что предложила сделать Эльрису: спуститься вниз и поискать свое оружие.

Но Карела карабкалась вверх, умудряясь каким-то чудом не свалиться, и только вскользь думала, насколько рискован и необдуман ее поступок. По всем меркам она делала ужасную глупость, которая могла стать непоправимой. Но мысль о том, что она может оказаться нужной Табасху, влекла ее вперед вопреки всякому здравому смыслу. Что ж, женщина есть женщина.

У нее в ушах стоял вой ее несчастного друга, которого она все-таки не смогла уберечь от мести заносчивого офицера. На любую низость готовы даже те, кого за глаза порой называют лучшими. Но Карела в глаза сказала Эльрису, что она думает о нем, и не жалела об этом.

* * *

Никогда еще Михар не была так близка к своей цели. Близкая удача показалась ей не

случайностью, а вполне заслуженной наградой за годы упорства, скитаний и поисков.

Еще немногого, и у нее будет все то, что снилось ей ночами столько долгих и безрадостных лет.

Не думала она, что ей так повезет, что офирец окажется не только сообразительным, но и достаточно болтливым. Правда, зря он думает, что для него уже все кончилось. Эльрис, кажется, решил, что Михар он больше не увидит. Может статься, ему удалось бы избежать новой встречи с Михар, но при том весьма сильном впечатлении, которое произвел на стигийку Эльрис, шансы на жизнь вольную у него невелики.

Мысли Михар текли, как обычно, вращаясь вокруг ее заветной цели. Она уже почти не вспоминала о том, кто она такая есть на самом деле. Она забыла детство в уединенном, одиноком доме с одержимой и обиженной всеми матерью, она забыла дни, отравленные ненавистью к крепкому темноглазому мальчишке, который творил просто чудеса одним движением руки там, где Михар сидела над снаряжениями и амулетами часами. Уже без особой горечи вспоминала она и свою юность, омраченную вечными тяжелыми думами и горькими слезами, пролитыми перед отполированной поверхностью зеркала.

Ей казалось, что все это уже прошло, что боль эта никогда не вернется. Деркэто всегда держит обещания, и женщина, до конца исполнившая заклятье, преобразится и станет не только сказочно красива, но и сильна настолько, что не окажется ни одного, пусть даже самого смелого и дерзкого желания, осуществить которое было бы ей не под силу. Потому что не может быть преград для женщины, которую одарила своей милостью самая прекрасная и жестокая богиня — Деркэто.

Загадочно усмехаясь, Михар прошлась по храмовой пещере и еще раз осмотрела, все ли необходимо на своих местах.

Каменный исполин много-много лет тоже ждал своего избавления. Хотя статуя и не меняла позы, Михар вдруг показалось, что камень уже ожил, что в каменной груди уже клокочет такое же нетерпение, оно просится наружу. Возможно, что так оно и было. Жертва Деркэто вполне могла и видеть, и слышать, и понимать, что происходит вокруг него в храме. И он мог предвкушать события так же живо, как и сама чародейка.

— Ты ведь не подведешь меня, верно? — пробормотала Михар.

Ей показалось, что великан соглашается с нею.

Внезапно Михар поняла, что совершенно не представляет, что случится с каменным человеком после того, как он выполнит свою миссию, определенную заклятьем богини. Никто никогда ей об этом не говорил. Хорошо было бы, если бы он остался в живых и снова стал человеком. Ого, если бы он при этом сохранил все свои исполинские размеры, а из долгих лет вынужденной неподвижности извлек бы хороший урок послушания, возможно, он стал бы, далеко не последним из числа приближенных Михар. Она еще не знала, кто будут эти счастливцы, но уж если когда-то богиня положила глаз на этого человека, то он вполне подойдет и новому воплощению Деркэто.

Итак, исполин был в полном порядке, да и куда бы он делся, собственно. Серебряная чаша для крови демона была уже наготове. Сабля Деркэто лежала там, где ей и положено было лежать. Ни за что не осмелилась бы Михар трогать даже ножны, не говоря уж о самом оружии.

Дело оставалось за главным участником священнодействия — за демоном. Михар не видела брата давно, из дома он сбежал почти ребенком. Душа стигийки изнылась в ожидании того часа, когда Михар увидит братишку, но не родственные узы были этому причиной. Если

бы с самого рождения Табасха мать не внушала Михар, что именно он, ее брат, приведет ее к мечте, возможно, мальчик давно уже утонул бы, или задохнулся, подавившись орехом, или попал под копыта лошади... Михар нашла бы способ. Приходилось терпеть и не давать волю чувствам. И теперь за это терпение она будет вознаграждена с лихвой.

Ни разу прежде не довелось ей увидеть демоническое обличье брата. Но представить его себе Михар могла довольно легко, потому что она помнила того демона из свиты Деркэто, который был отцом Табасха. Тогда Михар была маленькой девочкой, она пробралась в тайное святилище матери и, притаившись там, видела все то, чему подвергала себя стигийская колдунья, чтобы дать возможность своей дочери через много лет обрести невиданную силу. Тогда Михар больше всего поразило, с какими гадкими тварями имеет почему-то дело сиятельная богиня... Табасх, на взгляд Михар, и человеком-то был весьма премерзким, а уж демон из него должен был получиться поистине чудовищный.

Михар была уверена в том, что офирец быстро найдет ее брата и не будет медлить. Пусть короткие роковые слова поскорее коснутся ушей этого маленького ублудка, пусть поскорее он придет сюда... Никакого душевного трепета, ни капли жалости или сожаления. Ненависть и брезгливость к брату, круто замешанные на острой зависти — такой закваске все нипочем. Душевые силы могли Михар понадобиться только для того, чтобы заставить себя проглотить содержимое серебряной чаши, после того, как она наполнится кровью Табасха. Вкус этого пойла должен быть под стать плоти демона.

Но это были такие мелочи. Ради своей цели Михар еще не то согласилась бы глотать!

— Ша Мрэль, Ша Мрэль, Ша Мрэль... — Эти слова она повторяла, как стихи, как заклинание. Эти два слова должны принести ей удачу, счастье, силу, власть, вечную молодость и красоту. А уж она знает, как правильно распорядиться всем этим. Ошибиться будет невозможно, если все предшествующие годы прошли в размышлениях на эту тему.

Рассеянный взгляд Михар остановился на пестром пятне в дальнем углу пещеры. Едва выйдя из возбужденного состояния, в котором она пребывала с той самой минуты, когда вдохновленный ею Эльрис бросился на поиски Табасха, Михар с досадой узнала в пестром пятне немедийца, кутающегося в шерстяную ткань.

— Ах, это ты, Бриан! — Она с удивлением увидела, что немедиец не разделяет радости своей госпожи. — Что ты такой кислый?

— Разреши мне уйти, госпожа, уйти и переждать где-нибудь, пока это все не кончится. А потом я вернусь! — заверил он жалобно. — Я вернусь обратно, жизнью тебе клянусь!

— Чего ты боишься? — нахмурилась Михар.

— Пусть простит меня моя госпожа... — Бриан едва дышал. — Ради госпожи Михар я готов на все, но не могу я сидеть и ждать здесь прихода этого демона!

Михар нетерпеливо взмахнула рукой:

— Да ты, видно, совсем обезумел, Бриан. Ты же все слышал и знаешь, что Повинующийся Заклятью будет безобиден и пальцем не пошевелит без моего приказа.

— Пусть так, госпожа моя! — Бриан упал на колени, целуя каменный пол рядом со ступней стигийки, обутой в короткий сапожок. — Милости твоей прошу!

— Пошел прочь, убожество! — разозлилась Михар. Нет, этот годится не на многое. Держать его рядом с постелью еще можно. Но если душонка у него до того отравлена страхом, что он не способен просто сидеть и ждать, даже когда от него ничего не требуется... Такие типы всегда были ненавистны Михар. Поэтому она брезгливо сморщилась и повторила:

— Пошел прочь. Можешь переждать где-нибудь поблизости. Но смотри мне, если попробуешь удрать, я пошлю за тобой Фипона и превращающее заклинание заодно.

Увидев мгновенное облегчение на лице Бриана, она рассмеялась и безнадежно махнула на мужчину рукой. Неловко кланяясь, немедиц попятился и исчез.

Переведя дыхание, Михар откинула волосы со лба, прикрыла глаза, и состояние радостного ожидания снова вернулось к ней. Ох, как это приятно, не просто ждать неизвестно чего, а знать, что все так близко и уже почти реально.

Снаружи послышался истощный вопль. Причем такой, что Михар в замешательстве оказалась бессильна определить источник. Этот крик звенел, словно уже жил сам по себе, не затихая и не усиливаясь.

— Что там происходит? — удивилась Михар. Пройдя коротким и низким каменным коридором, она вышла из храма. И счастливо заливишь засмеялась. Лучшего зрелища она и пожелать себе не могла.

В нескольких шагах от входа, опираясь на вытянутые руки, сидел на земле Бриан. Полный ужаса крик исходил из его луженой глотки, и оставалось только удивляться, почему запаздывает лавина горного камнепада.

Виной приступа ужаса, охватившего несчастного немедийца, было буро-коричневое существо в безрукавке и коротких штанах. Только эта скучная одежда и указывала на то, что какое-то отдаленное родство с человеком у этого существа есть.

Лохматый, покрытый редкой шерстью, длина которой составляла чуть ли не ладонь взрослого мужчины, чудовищный урод стоял невдалеке и внимательно рассматривал немедийца. Казалось, что чудище смотрит на Бриана с крайним любопытством и хладнокровием.

— Здравствуй, Ша Мрэль! — спокойно сказала Михар, не надеясь, однако, что чудовище расслышит ее. Голос женщины потонул в крике Бриана.

Но демон всегда расслышит свое имя, и панические вопли людей этому не помеха. Урод поднял голову, и на Михар взглянули черные, блестящие глаза, казавшиеся из-за слез совершенно выпуклыми и объемными шарами на плоской морде. Увидев женщину, чудовище задрожало и судорожно поджало передние лапы, по заячьи согнув их у груди.

— Здравствуй, братишка, — улыбнулась Михар и быстро подошла к Бриану. Положив руку на плечо мужчины, она сдавила его и требовательно произнесла: — Заткнись, не то плохо будет!

Бриану уже было плохо. Да еще как плохо. Это Михар поняла сразу же, как только заметила, что Бриан сидит в лужице весьма недостойного происхождения. Он был всего лишь простой солдат, и такое испытание оказалось ему во второй раз не под силу. Заткнуться-то он заткнулся, но помертвевший взгляд его сказал Михар о том, что бедняга, кажется, потерял рассудок.

— Что мне теперь делать с этим живым трупом? Ты не голоден, Ша Мрэль? — усмехнулась Михар. — Бриан довольно молод и не слишком жилист. Я не настолько жестока, чтобы заставить тебя умереть голодным.

Демон заскулил. По-прежнему поджав лапы, он пускал слюни и слегка ворочал языком.

— Что, братишка, язычок не слушается? — озабоченно спросила Михар, обходя вокруг и оглядывая чудовище. — Жаль, что ты не разговариваешь, я хотела бы расспросить тебя о своем здоровье. Все-таки давно не виделись... Да, ты плохо выглядишь, Ша Мрэль. Исхудал... Не хочешь ли все-таки подкрепиться? Съешь немедийца, так уж и быть.

По шерсти на морде демона потекли капли, величиной с мелкие виноградины. Это доставило Михар неслыханное удовольствие.

— Плачь, маленький ублюдок, плачь, но от своей судьбы ты не уйдешь, — Михар потерла руки и указала чудовищу на вход в храм: — А ну, вперед!

Демон замотал головой и завыл. Он кричал долго, и казалось, что от отчаяния и горя у него вот-вот разорвется сердце. Пальцы с когтями на его руках жадно зашевелились. Он с радостью разорвал бы в клочки свою сестру, но он ничего не мог поделать против заклятия.

— Ну-ну, милый, я знаю, что тебе не очень хочется гостить у меня. Но мы столько лет не виделись, Ша Мрэль! Как ты можешь быть таким бесчувственным?! Я и не знала, что ты у меня такой симпатичный парень! — расхохоталась Михар, наблюдая, как корчится демон, пытаясь спрятать распухшую морду, закрыв ее мохнатыми лапами. — Право же, таким ты мне нравишься больше, чем тогда, когда был невыносимо вредным мальчишкой.

Она вдруг поняла, что дурачиться ей надоело. И голос ее обрел стальную твердость. Настало время отдавать приказы:

— Я сказала, Ша Мрэль, немедленно иди в храм! — четко сказала Михар и освободила проход.

Она знала, что как бы ни лились слезы демона, какие бы жалобные стоны не издавал он, сила заклятия поведет его за собой. И она ни ошиблась. Через несколько мгновений чудовище побрело к расщелине, шатаясь и падая, но снова вставая на ноги, чтобы двигаться навстречу своей смерти.

Даже не взглянув на Бриана, безумно плявшегося на то самое место, где только что стоял демон, но где уже никого и ничего не было, Михар пошла вслед за чудовищем, гордо вскинув голову. Теперь она была хозяйкой положения. Да и стоило ли горевать о нечаянно утраченном имуществе, когда совсем скоро она получит не то что втрое того, но в сотни и тысячи раз больше. Что там какой-то спятивший комок мышц и костей...

Михар не торопясь вошла под свод храмовой пещеры и остановилась. Ша Мрэль распростерся на полу, царапая камень когтями. Сначала Михар не поняла, что он такое делает, и только, присмотревшись, смогла различить, что правая лапа демона тянется к сабле Деркэто, а левая пытается удержать правую.

— У тебя нет выбора, Ша Мрэль, так и скажи это своей левой лапе, да не трать зря времени. Бери саблю, демон. Настал час заклятья!

Ша Мрэль встал на колени. Хрипло рыча и оставляя за собой пенистые лужицы слюны, капающей с мясистого языка, он стал подползать к сабле.

ГЛАВА 7

Одолев последнее препятствие, устав и поотбивав колени и локти, Карела, наконец, взобралась на самый верх, к подножию полукруглой, гладкой скалы. То тут, то там она видела следы Табасха. Он тоже лез здесь, оставляя клочки бурой шерсти, влажные пятна слюны и ужасный гадкий запах...

Выбравшись на узкую тропку вдоль храмовой скалы, Карела побежала по ней. Завернув на ту сторону, которая была скрыта от ее глаз, пока она была внизу, Карела сразу же поняла, что путь ее завершен.

В покатой ровной поверхности была расщелина.

Только бы не опоздать, с ужасом подумала Карела. Оттуда, изнутри доносились звуки: стоны, рычание, окрики... Карела рванулась вперед и остановилась. Прямо перед входом в храм сидела неподвижная фигура, кое-как завернутая в странную пеструю ткань. Девушка даже глазам не поверила, узнав в замершей статуе солдата-немедийца.

Бриан сидел молча и смирно, но выглядел он как-то странно. Как бы то ни было, но путь Карелы лежал как раз мимо Бриана, и миновать его было никак невозможно.

Вспомнив, что оружия у нее не осталось никакого, Карела подумала и подобрала с земли внушительный камень. С камнями ей еще не приходилось иметь дело, но это лучше, чем совсем ничего.

Бриан не мог ее не заметить: на небольшой открытой площадке каждый, кто там появлялся, становился виден, как на ладони. Но Карела двигалась, а Бриан никак не реагировал. Он сидел, раскинув ноги в стороны и склонив голову набок.

Чем ближе подходила к нему Карела, тем больше она терялась.

Когда же она оказалась в двух шагах от него, все стало ясно: Бриан не шевелился, потому что был не в себе. Его Глаза не мигали, уставившись в пустоту. Резкий запах мочи, исходящий от немедийца, лучше прочего говорил о тяжести положения бедняги.

На всякий случай Карела помахала растопыренной ладонью перед его лицом, но немедиец даже глазом не моргнул. Ни прекрасные девушки, ни лютые враги его больше не интересовали. Можно было смело считать, что пройдохи Бриана не было больше на свете. Некому было теперь давать обеты пресветлому Митре и некому было их нарушать. Место Бриана занял беспомощный и никому не нужный кусок плоти.

— Достойная участь для предателя! — проговорила девушка и добавила, имея в виду Эльриса: — И как жаль, что еще не всех предателей она постигла!

Оставив в покое несчастную жертву собственных низких страстей, Карела подошла вплотную к расщелине. Там, внутри, было светло. Но кроме света и шума оттуда просачивалось что-то еще, тяжелое и тягучее, сеющее вокруг себя напряжение и трепет.

Все еще сжимая в руке камень, Карела двинулась по узкому и низкому проходу внутрь скалы. Она вошла под свод пещеры и остановилась.

Да и могла ли она просто так взять и двинуться дальше? Прямо напротив входа у дальней стены грозно возвышался каменный гигант. И хотя поза коленопреклоненного мужчины на первый взгляд была довольно безобидна, если не сказать беспомощна, покаянно протянутые вперед руки не могли ввести в заблуждение Карелу. Она сразу почувствовала, что это именно от него исходит напряжение, наполняющее пещеру. Безжизненные каменные мускулы словно готовы были взорваться. Да, он не мог пока ни двинуться, ни даже повернуть

свою каменную голову. Но Карела еще не успела даже войти и осмотреться, но выражение каменного лица уже бросилось ей в глаза. Никогда не думала она, что камень, обычный серый камень, пористый и грубый, может так явно и ощутимо сочиться болью, ненавистью и нетерпением. Чего ждал и чего боялся этот камень? Мог ли он чувствовать, мог ли он мыслить? Карела была готова в это поверить. Исполин гипнотизировал ее, заставлял смотреть на себя, словно предупреждал ее о чем-то очень важном.

Но что могло быть сейчас для Карелы судьбы ее друга?

Мохнатый демон стоял на коленях у небольших кожаных ножен, что лежали у самого основания грозной статуи. Он покачивался из стороны в сторону и выл, глухо и жалобно. И в этом совершенно нечленораздельном вое Кареле почудилось ее имя Она тут же выругала себя за излишнюю впечатлительность. Вряд ли ужасный мохнатый, в которого превратился юный стигиец, мог сейчас думать о чем-нибудь или о ком-нибудь.

Чудовище стало каким-то странным, если подобные слова вообще подходили к ситуации: разве мог мохнатый хоть на минуту показаться кому-то обычным... Тем не менее, лапы чудовища стали еще более толстыми, мохнатыми и корявыми, чем тогда, когда Карела видела демона в последний раз. Его туловище корчилось и содрогалось, а одежда, в которой Табасх начал свое превращение в демона Ша Мрэля, лопнула враз и свисала с косматого тела оборванными клочками..

С того момента, когда Табасх покинул Карелу, прошло совсем немного времени, но демон изменился почти до неузнаваемости. Сначала Карела не поняла сразу, что именно произошло с чудовищем. Но вдруг девушку словно что-то толкнуло изнутри: оно выросло! Табасх чудовищно вырос! Наверное, если бы он поднялся в полный рост, он стал бы едва ли не вровень с каменным своим палачом, в жертву которому предназначила его сиятельная Деркэто.

Возле каменного изваяния стояла женщина. Ее голова едва виднелась из-за косматого загривка чудища, но без тени страха стояла рядом с демоном эта невысокая, сухая плоскогрудая женщина с бледной зеленоватой кожей. Ее голова была гордо вскинута, длинные блестящие черные волосы ее живым потоком сбегали по покатым плечам. А на лице — выражение торжества и вожделения.

— Не медли, Ша Мрэль! — выкрикнула женщина и вздela вверх тонкие руки. — Жди этой жертвы, Деркэто! Она твоя!

Ее ладони медленно сжались в кулаки, так, что пальцы стали белее мела. И не надо было Кареле долго смотреть на нее, чтобы уяснить, что в душе стигийки бушевали дикие страсти, но не было там места ни сомнениям, ни состраданию.

Демон протянул лапу к ножкам и взял их. Со свистом вылетело из них блестящее кривое лезвие и заиграло сполохами в неровном свете двух масляных ламп, что стояли по обе стороны каменного исполина. Маленькая сабля лежала на огромных протянутых вперед ладонях демона и казалась детской игрушкой.

Неловко двигаясь, демон стал вставать на ноги. Его непрекращающийся вой заложил Кареле уши. Но ничто не могло остановить Ша Мрэля. Ша Мрэль был рожден на свет для того, чтобы подставить свою шею палачу, и не человеку, тем более не юной вздорной девчонке вмешиваться в это дело. Не зря же сам Табасх, теряя человеческий облик и устремляясь навстречу своей смерти, именно об этом сказал ей, пока еще мог разговаривать. «Не мешай судьбе, Карела!» Эти слова друга она хорошо помнила. Но будь она проклята, если будет стоять, вытаращив глаза, и спокойно смотреть, как-Как чудовище, со стоном

поднявшись на ноги, делает первый шаг навстречу каменному исполину. Как с дрожью и криком пытается страшным усилием противостоять неумолимому заклятью. Но руки-лапы сами по себе, не взирая на страдания демона, начинают выпрямляться и протягивать саблю каменному палачу.

Медленно, отчаянно сопротивляясь самому себе, Ша Мрэль приближал саблю к готовым принять ее рукам палача. И Кареле на мгновение показалось, что каменные ладони начинают дрожать, а мускулы пульсировать и напрягаться... Все-таки он живой, этот камень! Вот-вот он сам выхватит у демона оружие и тогда...

— Стой, Табасх! — Карела бросилась туда, к дальней стене, не помня себя от ужаса. Ей казалось, что уже поздно, что сабля уже легла в каменные руки, и теперь все потеряно...

Демон услышал ее крик и перестал стонать. Переваливаясь на мохнатых ногах, чудовище медленно обернулось... И Карела едва смогла остановиться и сдержать свой порыв. Тот урод, в которого превратился Табасх на горной тропе и который так быстро убежал от нее и Эльриса, был просто милашкой по сравнению с той тварью, которая мрачно и тоскливо взглянула на девушку. Мало того, что роста тварь стала просто громадного, глаза, напоминавшие размером голову новорожденного младенца, были глубоко всунуты в искореженный страшной силой череп. Ноздри вывернулись, рыжая слизь пенилась на их потрескавшихся краях. Огромный язык величиной с бычью ляжку, свисал на плечо и истекал кровавой слюной. Зубы по-прежнему выдавались вперед, но они уже не были редкими и мелкими. Каждый зуб, массивный и острый, мог размозжить голову человеку, и уж попади рука или нога Карелы в эту зловонную пасть, одного движения челюстями было бы вполне достаточно, чтобы изувечить и убить девушку.

Сдавленный рык зародился где-то внутри широкой мощной груди демона. Карела сделала шаг назад, понимая, что если чудовище сделает в ее сторону хотя бы легкое движение, ноги сами унесут ее прочь. Но демон вдруг рухнул на колени и выронил саблю. Вцепившись лапами в шерсть на морде, он закричал, как раненый вепрь, и упал на бок.

— Табасх!.. — Карела уже не знала, слышала ли ее чудовище.

Отвратительная тварь задергалась на полу, и дикие звуки, что вырывались наружу из стиснутых челюстей, неожиданно сложились в невнятную, но все же различимую фразу:

— Беги... отсюда... Беги, Карела... иначе... смерть... Мысли с невероятной быстротой крутились в голове девушки. Демон слышал и понимал ее. И если Ша Мрэль лишь ненадолго смог отсрочить свою смерть, не думая больше ни о чем, кроме исполнения заклятья, стигийский юноша Табасх был все еще в нем, и он все еще, как прежде, заботился о своей подруге.

Сильный удар по шее вывел Карелу из оцепенения. Ловкие цепкие руки впились ей в волосы и кто-то резко дернул ее на пол.

Увидев над собой искаженное яростью бледное лицо колдуны Михар, Карела наконец поняла, что еще немного, и ее самое большее убьют, а самое меньшее — вышвырнут из храма.

— Убирайся откуда пришла! — прошипела Михар ей в лицо и потянула Карелу за волосы.

Но зря Михар, упоенная близкой победой, стала праздновать ее так рано. Не тратя время на то, чтобы высвободить из пальцев стигийки свои длинные волнистые пряди, Карела протянула руки и ухватилась за прозрачнуюшелковую накидку, окутывающую костлявые плечи чародейки.

— Это ты убирайся, откуда пришла! — выкрикнула Карела в ответ и добавила: — Оставь Табасха в покое!

— Здесь больше нет Табасха! — злорадно процедила Михар.

Вцепившись в волосы и одежду друг друга, женщины возились на каменном полу, пока Карела, улучив момент, не огляделась и не сообразила, что Михар медленно, но верно увлекает ее туда, где были брошены на войлочной подстилке ее вещи. Что ж, если Михар нужно туда, значит, Кареле туда не нужно.

Царапая и кусая друг друга, женщины дрались с такой съедающей злобой, что казалось, ярость и отчаяние искрами сыплются от них в разные стороны Наверное, самые жестокие и бездушные воины-мужчины не сражаются между собой с такой всепоглощающей ненавистью, с какой пытались уничтожить друг друга две эти женщины, впервые увидевшиеся.

Очнувшись и подавив в себе растерянность, пережитую в момент внезапного нападения, Карела вновь собрала все свои силы и всю свою злость Она вдруг поняла, что сухая стигийка вряд ли проводила много времени за совершенствованием своих боевых навыков. Даже если Табасх, мужчина, был не совсем уверен, сможет ли он защитить себя, став человеком, можно ли считать серьезным противником эту сущеную воблу до тех пор, пока она не добралась до одного из своих магических амулетов?.. Нет, считать настоящим противником ее было пока нельзя, поэтому, чтобы таковым ее можно было не считать и далее, следовало раз и навсегда лишить ее возможности воспользоваться хоть самым малым ее колдовством.

Почувствовав, что руки стигийки слабеют, Карела нанесла самый резкий и сильный удар, на который была способна в таком состоянии, и рванулась из-под не такого уж и тяжелого тела. Она отпрыгнула в сторону и развернулась.

С яростным криком и проклятиями Михар подскочила, но бросилась не на свою противницу, а к вещам.

Карела прыгнула, пытаясь помешать ей. Уже падая, ей удалось в прыжке ухватить Михар за ногу, и стигийка упала, так и не успев дотянуться до размещенных на войлоке предметов.

Упираясь в войлок локтем, Михар тянула и тянула свободную руку, а Карела так же упорно, изо всех своих сил старалась удержать стигийку.

Но колени Карелы скользили по холодному отполированному полу храма, Михар понемногу, медленно, но все ближе и ближе оказывалась у своей цели. Наконец, пальцы ее коснулись рукоятки кинжала, что оказался к ее руке ближе всех...

Со страшным звериным рычанием Михар резко крутанулась, переворачиваясь на спину и вырывая свои ноги из рук Карелы. Вскочив на колени, она грозно замахнулась кинжалом...

Что-то крепко и больно стиснуло ребра Карелы. Жаром обожгло кожу через ветхую ткань куртки, облако зловонного смрада окутало девушку. Не успела Карела ничего сообразить, как что-то подняло ее в воздух, и кинжал Михар, которым она метила в грудь своей противнице, сверкнул рядом со ступней Карелы, не задев ее.

Взглянув вниз, Карела поняла, что это лохматое чудовище крепко держит ее на весу, высоко подняв над головой. Ша Мрэль схватил ее, как ребенок берет маленькую куколку и так же, как ребенок спасает свою бесценную любимую куклу, выдергивая ее из-под самого носа злобного пса, готового растерзать игрушку, демон выдернул свою подругу из-под кинжала чародейки.

Михар была вне себя от ярости. Не выпуская из рук свое оружие, она набросилась на демона, нанося ему один за другим удары кинжалом.

Взревел демон и, не опуская Карелу вниз, занес ногу... С диким истошным визгом Михар, подброшенная мощной мохнатой лапой, отлетела к стене, ударилась о неровный камень и затихла.

Осторожно наклонившись, демон поставил Карелу на ноги. Девушку зашатало от такой головокружительной смены высоты. Да и мохнатый явно не рассчитал свои усилия, когда стремительно подхватывал Карелу с пола. Наверняка он думал, что держит девушку легонько и аккуратно. Но теперь освобожденные от косматых лап ребра сразу же заныли, и Карела невольно опустилась на колени, стараясь справиться с этой неприятной резкой болью, поднимающейся при каждом вздохе. А дышать приходилось часто. От боли потемнело в глазах, и когда Девушка, наконец, смогла сосредоточиться на том, что происходит вокруг, на расстоянии шага прямо перед своим носом она увидела гадкую морду, обдающую ее кошмарным запахом и брызгами пены. Налитые кровью глаза выпучивались, а мясистый язык явно силился что-то сказать.

— Ничего, ничего, Табасх, все в порядке, ты не виноват, — проговорила она, и чудище взвыло, неожиданно тонко и истошно.

Демон зашевелился и стал отползать. Лапы его зашарили по полу, и так же трепетно, как он только что держал Карелу, демон взял в руки саблю. Заклятье есть заклятье. Стоит Михар у него над душой или лежит в углу без чувств, это не играет никакой роли в судьбе Ша Мрэля. Медленно приходя в себя, Карела молча смотрела, как демон снова пошел навстречу заждавшемуся его подношения каменному великану.

То ли потому, что с головой у Карелы было что-то неладно, то ли потому, что она сидела на полу и смотрела на Ша Мрэля снизу, но ей показалось, что демон еще больше вырос и раздался вширь. И чем крупнее становилась жуткая тварь, тем все неотвратимее был ее конец.

Казалось, что от тяжелых медленных шагов демона начинает дрожать отполированный пол. Карела чувствовала каждый шаг Ша Мрэля, от соприкосновения лохматой лапы с полом храма по телу ее пробегало странное сотрясение, от которого останавливалось сердце.

Какое-то движение почудилось Кареле немного в стороне. Высокая мужская фигура с обнаженным мечом в руке выскочила из щели входа. Это был офицер, взъерошенный и потный. Остановившись, он уставился на огромного мохнатого, занятого исполнением своего последнего предназначения Клинок меча благородного дворянина был окровавлен.

Эльрис бросился к Кареле и, положив рядом свой меч, схватил девушку за плечи:

— Что с тобой? Ты ранена?

— Нет, — безучастно произнесла Карела и бросила взгляд на меч. По пути в храм Эльрис успел кого-то отправить на тот свет. — Кого ты убил?

— Мерзавца Бриана, — отозвался Эльрис и настойчиво затеребил Карелу. — Вставай! Уходим из этого страшного места! Нам нельзя здесь больше оставаться! Разве ты не чувствуешь, как дрожит скала?!

— Дрожит скала? — переспросила Карела. Ей лось, что это Ша Мрэль сотрясает твердыни скалы своими неуклюжими шагами.

— Да, я еле-еле взобрался сюда! — Эльрис обнял девушку. Его голос дрогнул, когда он снова повелительно сказал: — Здесь сейчас все рухнет, и мы немедленно уходим!

— Уходи, — равнодушно ответила ему Карела и сама, без его помощи, встала на ноги.

— Прах тебя побери, женщина! Неужели твоя собственная жизнь тебе не дорога! — возмутился Эльрис, краем глаза следя за демоном.

— Отчего же, дорога! — возразила Карела и взглянула в глаза офицеру. В них можно было прочесть тревогу и решимость. Еще мгновение, и он подхватит меня и утащит прочь, и я ничего не смогу сделать, поняла девушка.

Эльрис наклонился, поднял меч и вложил его в ножны. Он уже протянул руки к Кареле, но в то же самое мгновение каменный пол дрогнул и стал вспучиваться как раз в том месте, где они стояли. Каменная плита словно вздохнула, поднявшись и опав. Эльрис и Карела бросились друг к другу, но сильнейший толчок откуда-то изнутри горы раскидал их в разные стороны.

— Беги, Карела! Я умоляю тебя, беги! — услышала девушка голос офицера. Но из-за поднявшейся вдруг тучи пыли она не видела его и не могла понять, в какой стороне выход.

Громкое подвывание демона все еще наполняло пространство пещеры, все еще горели по обе стороны каменной статуи лампы с пальмовым маслом, и, когда пыль улеглась, Карела увидела, что демон застыл в нерешительности у самых рук своего палача и оглядывается назад. Прежде чем покончить со всем, чудовище хотело убедиться, что девушка в безопасности.

— Табасх, прочь оттуда, не делай этого! — Карела вскочила на ноги и побежала к мохнатому.

— Карела, стой! — завопил Эльрис откуда-то из дальнего угла. — Что уставился, Ша Мрэль, делай свое дело!!

Хотя бы так, но офицер все же пытался довести до конца начатое им дело, причем завершить его Эльрис хотел именно таким способом. Он хотел смерти ненавистного ему демона.

Прозвучавшее вновь имя Ша Мрэля не могло не сделать свое дело. Глухо зарычав, демон отвернулся и протянул саблю в каменные руки. Новый сильный толчок потряс храм. Карелу швырнуло на пол.

— Табасх! Не смей! — Карела попыталась подняться, но вся скала сотрясалась, как в лихорадке, пол ходил ходуном, со стен храма, веками стоявшего чинно и покойно, начали сыпаться мелкие острые камешки... Из горных глубин, из самого сердца царства мрака и смерти послышался негромкий, но нарастающий гул.

— Табасх! Иди сюда! — крикнула Карела, отчаявшись. — Ко мне, Табасх!

Сдавленный стон демона показался ей уже предсмертным его прощанием. Но вот глухие шлепки мощных лап дали ей понять, что Табасх жив и слышит ее. Более того, сквозь пыльное марево, в подсветах чудом уцелевших пока ритуальных светильников показалась огромная, под самый потолок, корявая, изувеченная силой заклятья бесформенная фигура.

Чувствуя, как плита пола, на которой лежала Карела, стала под ней переворачиваться, девушка поползла навстречу демону, обдирая руки об обломки камней, что сыпались там и тут.

— Помоги мне, Табасх!

Демон шлепнулся на колени, и от этого падения плиты пола зашевелились и стали рушиться. Не иначе как все вокруг собиралось провалиться прямиком в преисподнюю, захватив с собой не только демона, но и тех, кто имел глупость последовать за ним.

Мохнатая лапа протянулась к Кареле. Она была таких размеров, что Карела могла бы уместиться на чудовищной ладони, свернувшись калачиком. Ухватившись руками за горячий сухой палец демона, который толщиной своей был не меньше, чем плечо Эльриса, Карела подпрыгнула и повисла над рушащейся плитой. Сразу же демон развернул ладонь, и Карела

уселась на ней, крепко вцепившись в бурую шерсть чудовища.

Ша Мрэль быстро перенес девушку на безопасный целый участок и спустил ее на пол. Держа громадную ладонь прямо над головой Карелы и оберегая ее от острых камней, он с рычанием поднес к ее лицу вторую свою ладонь, ту самую, на которой лежала сверкающая сабля, совсем пустяшная, крошечная...

Некоторое время Карела никак не могла понять, что хочет от нее Ша Мрэль. Но он настойчиво держал оружие перед ней, и руки девушки сами потянулись к сабле. С трепетом и содроганием коснулась она причудливого эфеса...

И вдруг сила, живая, дерзкая, неудержимая, тугим потоком, невидимым, но ощутимым стала влияться в Карелу, наполняя собой ту пустоту, которую выел в ней страх. Эта волна, противостоять которой было невозможно, захлестывала Карелу с головой. Не осталось места ни усталости, ни робости. Слезы высохли мгновенно, и все вокруг приобрело четкие очертания и заиграло свежими красками.

И уже без всякой опаски Карела взяла саблю с ладони демона.

И сразу стих подземный грозный гул. Прекратилось шуршание и шелест падающих камней, улеглись тучи пыли. Развороченный пол храма больше не обрушивался...

Оружие легко и привычно лежало в руке Карелы. Ничего лучше и придумать было нельзя. Сверкающий отполированный клинок, удобный эфес. Карела держала в руке что-то теплое и совершенно живое. Она ощущала слабую вибрацию и дрожь эфеса, словно оружие пыталось подстроиться под какой-то внутренний ритм. И большой сапфир вдруг засветился изнутри теплым огнем, который проливался на Карелу, вдыхая в нее новую силу. Ша Мрэль, тяжело и шумно дыша, отступил назад.

— Что с тобой, Табасх? В чем дело? — удивилась Карела.

Но чудовище пятилось и пятилось назад, освобождая довольно большой ровный пятак, разделяющий развороченный пол перед расщелиной и коленопреклоненного каменного великана.

Жертва Деркэто по-прежнему стояла у дальней стены, протягивая руки в ожидании. Чего было ей теперь ожидать? Уж не вообразил ли он, что Карела сама подойдет к нему и отдаст ту вещицу, которую она только что получила от Табасха?

Похоже, что каменный истукан так и думал. Потому что застывшие мышцы каменной шеи вдруг дрогнули, голова сделала натужный медленный поворот и... мертвые глаза уставились на Карелу.

— Что это? — Карела в ужасе отпрянула назад. — О нет, нет! Что ты хочешь от меня, Деркэто?!

Не сводя глаз с исполина, Карела сделала еще шаг назад.

Но эфес в ее руке стал вдруг нагреваться. Девушке показалось, что еще немного, и сабля обожжет ей руку настолько, что придется тут же бросить ее. Однако нарастающее тепло легкой волной выскоцило и окутало Карелу. Пришло спокойствие. Удивительное спокойствие, словно по сто раз на дню приходилось Кареле наблюдать, как вертят головой каменные люди.

— Что тебе надо от меня? — проговорила она, сжав оружие покрепче.

Опустились и снова поднялись каменные веки. Раскрытые каменные ладони шевельнулись, и пальцы медленно начали складываться в кулаки.

Демонстрируя удивительную гибкость каменных членов, исполин наклонился вперед, оперся кулаками об пол и стал вставать с колен.

— Карела, назад! — раздался сзади голос Эльриса, в котором явственно слышались панические нотки.

— А пошел ты... — пробормотала Карела. Ей даже не хотелось оборачиваться и выяснить, что с оффирцем, цел ли он, не задавлен ли какой-нибудь рухнувшей плитой... Она должна была стоять и не спускать глаз со своего нового врага.

Исполин был явно раздосадован и оскорблен тем, что ни мохнатый демон, ни прекрасная воительница как-то не спешат отдавать ему свою жизнь. Поэтому выпрямившись в полный рост, он легко и пружинисто шагнул к девушке.

Он был выше Карелы самое малое в полтора раза. Его ноги были не тоньше стволов тридцатилетних сосен, а великолепному торсу мог бы позавидовать каждый мужчина. Да был ли он каменным, если мягко и ловко ступал по полу? Да и голова у него, похоже, вовсе не кружилась от того, что после многовекового стояния на коленях в одной позе он вдруг вскочил и пошел. Может быть, он никогда и не был человеком, живым человеком из крови, мяса и костей? Просто дьявольское творение темных сил затаилось в ожидании своих жертв и не смогло сдержаться теперь, когда обе жертвы таким странным, почти случайным образом просто-напросто уплыли у него из-под носа.

Да, тогда он должен быть невероятно зол! И негодовать на него, а тем более удивляться тому, что эта ожившая твердь неумолимо приближается, конечно же, не стоило. Стоило переходить в наступление.

Карела не могла понять, с чего бы это вдруг к ней пришло такое странное решение. Неужели напасть первой — это лучший выход из положения? Возможно, умнее будет рвануть прочь из этого гиблого места, выручить Эльриса, который несомненно попал в беду под обвалом камней.

Неразборчивый стон из дальнего затменного угла подсказал ей, откуда приходят в ее голову странные решения:

— Карела... Ты не должна отступать. Сама Деркэто ведет тебя! — Голос демона был срывающимся и слабым, но слова вполне можно было разобрать.

Прекрасная Деркэто, презираемая приверженцами иных, более строгих культов, изобилующих чрезмерно аскетичными догматами... Да плевать она хотела на всякую хулу! Зримо или незримо присутствовала она в каждом месте на том и этом свете и в потаенных лабиринтах разделяющих их чистилищ, везде, где жили и умирали люди. Она вдыхала в них сжигающие душу страсти, и никто из могущественных и пресветлых существ ничего не мог с ней поделать.

Ну, если говорить о самой Деркэто, то Карела не решилась бы утверждать, что сама сиятельная богиня взялась вести ее через все эти испытания. Скорее это изумительное, неземное оружие, такое живое и чудодейственное, вело Карелу за собой и направляло ее руку.

Карела стиснула эфес сабли и шагнула навстречу ожившему камню. Сверкающая сталь была словно продолжением ее руки и не давала страху пробраться в ее душу.

Карела сделала выпад, и... клинок высек сноп сиреневых искр из твердой груди исполина. Он стал живым, но остался камнем.

Еще два удара саблей по мощным плечам противника, но исполин лишь ненадолго остановился, словно примериваясь, как бы половине ухватить девушку. Он протянул руку к ее шее. Карела присела и рубанула саблей по хищно растопыренным пальцам. Поток искр, только и всего!

Живой эфес продолжал пульсировать. Он приглашал Карелу к новой атаке Она оценила обстановку, нырнула под каменным локтем и атаковала сзади. Резким прыжком исполин развернулся, и Карела встретила его новым ударом... И вдруг!» Карела сама не ожидала этого, приготовившись к тому, что все ее усилия разрубить сталью камень совершенно тщетны. Но поперек груди этой живой твердыни вдруг зажглась холодным зеленоватым огнем полоса шириной в палец. И полный боли крик вырвался из мертвый утробы исполина. Казалось, что зеленым огнем наполнено доверху полое каменное тулowiще, и огонь клокотал внутри, заставляя камень содрогаться от невиданной муки.

Взметнулось чудесное оружие Карелы, высекая новые искры, а потом так же неожиданно, без какой бы то ни было видимой причины клинок впился в каменную плоть, чуть ли не увязая в ней. Выдернув саблю, Карела оставила еще одну полыхающую полосу. Заревел великан и, не желая погибать от смертоносного клинка хрупкой девушки, прыгнул на нее.

Если бы неизвестная невидимая сила не оттолкнула Карелу в сторону, ей пришел бы конец. Тяжесть огромного каменного тела просто-напросто раздавила бы ее в одно мгновение, и ничто уже не спасло бы девушку. Но Карела ясно почувствовала, как что-то прямо-таки отпихнуло ее с места в тот самый миг, когда исполин начал свой рывок. Он упал у самых ног Карелы, и неумолимые каменные тиски сдавили ей лодыжку. Падая на пол, Карела изловчилась и нанесла последний удар, прямо поперек шеи великана.

Зеленый огонь вырвался из рассеченной шеи.

Как такой небольшой тонкий клинок смог отсечь каменную голову одним ударом? Видно, знал Ша Мрэль, что давал своей подруге. Холодное пламя заливало пол храма, растекаясь во все стороны, заливая не только каменного истукана, но и лежащую рядом Карелу. Ни единой клеточкой не почувствовала девушка никакой боли. Зеленое пламя не жгло ее. Но каменное тело скрылось в его зеленых искрах и постепенно стало таять. Растворяла и мертвая рука, сжавшая лодыжку Карелы в безжалостном капкане, выбраться из которого она не смогла бы.

Через некоторое время на полу рядом с Карелой осталась лежать только диковинная сабля. Карела приподняла голову и поскорее нашупала эфес. Стараясь не выронить оружие, она села и огляделась. Не удивилась бы девушка, если бы из углов или из проемов в полу устремились бы к ней еще какие-нибудь смрадные и уродливые твари, посланные неведомыми покровителями тьмы.

Но все было спокойно. Да, разворочено и разрушено, но тихо. По-прежнему не выпуская из руки саблю, Карела встала. Она была вся в пыли и ссадинах, но на ногах держалась твердо.

Она взглянула в тот угол храма, куда отполз громадный мохнат, передав ей оружие. Но никакого чудовища там не было. Только обнаженное смуглую тело, покрытое пылью и какой-то темной влагой, неподвижно лежало на полу.

— Табасх! — Карела устремилась к нему.

Она совсем не смотрела в этот угол, пока длилось ее знакомство и сражение с каменным идолом. Как, когда чудовищных размеров демон снова принял человеческое обличье?

Табасх шевельнулся. Карела опустилась рядом. Ее начала бить запоздалая дрожь, и тревога охватила девушку. Она приподняла плечи друга и осторожно переложила темноволосую голову к себе на колени. Ей показалось вдруг, что он уже мертв. Она

заплакала, поглаживая холодные впалые щеки Табасха.

— Ястребы не плачут, Карела, — прошептал Табасх, не открывая глаз.

— Хвала Деркэто! — вскричала Карела, враз забыв про свои слезы. Она наклонилась к Табасху и затеребила его. — Очнись же, не надо меня так пугать!

Табасх поднял руку, нащупал склонившееся над ним лицо и погладил рыжеватые пряди девушки, обильно посыпанные пылью и каменной крошкой.

— Что это было, Карела? — пробормотал он, слабо пошевелившись.

— Как что было? — удивилась она. — Ты забыл, как дал мне саблю?

Табасх открыл глаза и внимательно посмотрел вокруг.

— Нет, это я не забыл. Это я помню, хотя до сих пор не понимаю, почему я вдруг это сделал. Не иначе сама Деркэто повелела мне сделать это.

Карела покачала головой:

— Разве? Я думала, что это была твоя идея.

— Моя идея? Чтобы я сам, своими руками поставил тебя против этого каменного гиганта? — возмутился Табасх из последних сил. — Ты плохо узнала меня, Карела! Да когда я увидел, как он вдруг оживает и движется к тебе, я призвал свою смерть, чтобы умереть раньше тебя и не видеть этого кошмара. Но я был бессилен. Что-то словно парализовало меня, и я только лежал и смотрел, как ты билась с ним...

Табасх попробовал приподняться, но у него ничего не получилось.

— Я чувствую свое тело так странно, — пробормотал он.

Он чуть приподнял голову, взглянул на себя, побледнел, лицо его дрогнуло, но, промолчав, он бессильно снова откинул голову на колени девушки.

— О чём ты? Разве раньше ты его не чувствовал? — Карела принялась осматривать юношу. — Табасх, чем это ты перемазан? Чего-то черное, липкое...

— Это кровь демона, Карела. Михар... Это она порезала меня своим кинжалом, прежде чем я успел оттолкнуть ее. Тогда я не думал о том, чтобы пустить в ход защитные силы, которыми Табасх всегда пользовался. Ша Мрэль не мог больше себя защитить, — грустно улыбнулся юноша.

— Зачем ты?! — Карела задохнулась от испуга. — Не смей произносить это имя!

— Тихо, не волнуйся. Я знаю, что теперь могу его произносить и слышать. Ты победила каменного великана, и теперь заклятье, наложенное на мохнча, растаяло. — Табасх оперся на руку Карелы и приподнялся.

— Но ведь теперь... Если нет великана, ты никогда не сможешь стать. — Карела прикусила язычок.

Табасх побледнел, губы его задрожали, но он взял себя в руки:

— Да, ты права. Горько как... И жить мне больше незачем.

Опершись на руку, Табасх отвернулся от девушки. Плечи его поникли.

— Да брось ты, — бодро сказала Карела. — Мы уедем с тобой из Серого ущелья и будем странствовать вместе, и ты будешь снова превращать мерзавцев в крыс и лягушек...

— Ты думаешь? Нет, Карела, ты не понимаешь, — пробормотал Табасх и, пошатнувшись, снова свалился на колени Кареле. — Да что же это мне так плохо? Тело совсем не слушается. И болит...

— Табасх, а вдруг?.. — Карела замялась, но решила все же сделать смелое предположение. — А вдруг твоя магия оставила тебя? Вдруг ты уже стал человеком и поэтому не можешь понять, что с тобой?

— Ах, если бы так! — вздохнул Табасх, и в глазах его засияли слезы. — Все мое при мне. Запомни, Карела, Деркэто никогда не меняет своих решений! Она дала мне шанс: был один способ для демона обрести покой. Его больше нет, этого способа, нет и разговоров о нем.

— Теперь ты проклянешь меня за то, что я лишила тебя твоей мечты. Я своими руками разрушила оба заклятия Деркэто. Ты проклянешь меня, а богиня не иначе как выберет для меня самую страшную из своих казней, — горестно прошептала Карела.

Юноша попробовал встать, но снова потерпел неудачу. Сжав рукой плечо Карелы, он легонько потянул ее к себе, заставляя наклониться.

— Я умираю, Карела, — тихо сказал Табасх. — Прямо сейчас я ухожу в те самые смрадные глубины мрака, из которых я был рожден. Но даже опустившись туда, моя душа никогда не забудет тебя и никогда не помянет дурным словом. За все, что ты для меня сделала, я тебе благодарен. А Деркэто и ее страшная казнь... Опомнись!

Не гневи богиню, Карела! Неужели ты не видишь, как добра и щедра она к тебе?!

— Она отняла у меня друга, — упрямо произнесла Карела.

— С судьбой не поспоришь, — вздохнул Табасх. — Но это не повод, чтобы стать слепой, Карела. Сама посуди: моя глупая сестра жила пустой страстью стать великой, прекрасной и могущественной. И ради этого она собиралась растоптать каждого, кто встал бы у нее на пути. Она все отдала для своей мечты. Но именно тебе, а не кому-то еще, удалось не только помешать ей, но и занять то место, которая она прочила себе.

— Какое место, Табасх? — растерялась Карела.

— Место земного воплощения Деркэто.

— Но я не пила крови демона, — возразила девушка.

— Еще не поздно. Черная кровь еще не просохла, — серьезно сказал Табасх.

— Да ты спятил! — Карела брезгливо содрогнулась. — Ни за что на свете не стану этого делать, даже если ты меня попросишь!

— Не стану просить. Потому что, по большому счету, тебе это ни к чему, — улыбнулся стигиец, — Потому что тебя Деркэто уже выбрала, и не сейчас, а с самого твоего рождения. Именно она дала тебе такое прекрасное тело, против которого не могут устоять даже демоны. Это она дала тебе немереную гордость и завидное упорство. Она дала тебе силу духа и решительность действия. У тебя есть все, чтобы прямо сейчас взять власть над своей судьбой. И большинство из тех, кто встретятся на твоем пути, осознают твою силу и преклонят перед ней колени.

— О боги, боги, — прошептала Карела. — Почему ты решил, Табасх, что мне нужно, чтобы передо мной преклоняли колени? Я хочу, чтобы с моими желаниями считались, но я не терплю рабства.

— Тебе придется иметь с ним дело, моя прекрасная Карела. Люди бывают только двух сортов: рабы и их повелители. Для того, чтобы быть рабом, не обязательно носить цепи. А чтобы стать повелителем, не обязательно хлестать плетью. Ты будешь повелевать, Карела, потому что для иного ты не создана.

— Ты пророчишь мне такую легкую жизнь? — всхлипнула Карела, чувствуя, как из тела ее друга, и без того чуть живого, уходит последняя сила.

— Не легкую, Карела. Твоя жизнь станет такой, какой ты захочешь. Но будут рядом с тобой не только псы, лижущие тебе ноги из животного страха перед тобой, и не только те, кто поймет, примет тебя, захочет разделить с тобой свою жизнь и на все будет готов ради

тебя. Будут и иные Запомни: две неистовые души, в которых бушуют страсти, не уживутся рядом, если не откроются друг для друга. Берегись того, Карела, кто познает твою неистовую душу, но не поспешит раскрыть свою. Такой человек опасен, и может принести тебе несчастье.

— Тот, кто посмеет ранить мою гордость, Табасх, будет иметь дело с моим клинком!

— Кто знает, Карела? Возможно, что душа твоя будет кровоточить и сочиться болью, но руки твои не подымут клинка. Не зарекайся, Карела. И не забывай моих слов. Где твоя новая сабля?

— Здесь, — Карела взяла ее в руку.

— Теперь это обычное оружие. Больше оно не придаст сил усталым рукам и не подскажет тебе, где друг, а где враг. Но помни, что сама Деркэто вручила ее тебе.

— Ее вручил мне ты, Табасх.

— Нет, — улыбнулся он. — Не я. Но это не важно. Пусть она подольше будет с тобой, как напоминание о том, на что ты на самом деле способна.

Табасх прикрыл глаза и замолчал.

Где-то в том конце пещеры, где громоздились не успевшие провалиться плиты пола, послышалось шуршание. Окровавленная невысокая фигура показалась над завалом. Исцарапанные ноги, изорванный шелк и испачканные спекшейся кровью длинные черные волосы. Это была проклятая стигийская колдунья. Ее глаза просто заплыли жгучей ненавистью. Видела ли Михар то, что произошло в храме, или нет, неизвестно. Но увидев Табасха и Карелу с грозным оружием Деркэто, она остановилась, как вкопанная, и ахнула.

И хотя в руке ее по-прежнему был сверкающий кинжал, она явно не собиралась проверять его в деле против сабли Деркэто. Развернувшись, она бойко принялась карабкаться назад, не иначе как к своим магическим талисманам.

Карела уже стала вставать, чтобы задержать ее, но Табасх открыл глаза, закусил губу и, морщась, сел. Одной рукой удержав Карелу рядом с собой, он поднял другую, задышал глубоко и часто и сделал резкое движение кистью, словно швырял что-то вдогонку Михар. Это что-то оказалось пламенем. Не тем белым огнем, которым сгорела на горном валуне несчастная чайка, и не тем холодным зеленым огнем, который растопил злобный волшебный камень. Это было жаркое алое пламя. Языки огня в одно мгновение охватили низкую фигурку стигийки.

С предсмертным криком боли живой факел упал куда-то вниз, в разломы плит.

— Табасх, разве... — начала Карела, но, взглянув на друга, замолчала на полуслове.

Юноша лежал, неловко раскинув руки и чуть приоткрыв рот. Его темные глаза неподвижно смотрели в потолок.

— Деркэто, где же милость твоя?! — Карела взяла в ладони голову Табасха и прижалась губами к его бледному лбу.

— С тобой, Карела, милость Деркэто пребудет вечно. И помни, что ястребы не плачут. Особенно рыжие... — прошептал юноша и затих.

Карела припала к его груди. Сердце не билось. Весь выложился Табасх в последнем порыве своей ненависти и приблизил свой конец.

— Ястребы не плачут, — эхом отозвалась Карела. Она медленно встала и подняла голову. — Не плачут...

Она подняла свою саблю. Блестящий клинок... Даже каменная пыль не пригасила сверкающие отблески. Ножны лежали поодаль. Такие красивые, сшитые из жесткой кожи,

так хорошо держащей форму... Карела загнала в них свой клинок и решительно застегнула пояс.

— Ястребы не плачут. Или плачут недолго, — произнесла она и отерла слезы, сбегающие по щекам.

Ей вторил глухой гул, раздавшийся откуда-то из самого основания горы. Пол снова дрогнул. Дрогнул и замер, чтобы через некоторое время опять качнуться. Сверху упал и раскололся рядом с Карелой огромный валун. Плиты под ногами стали потрескивать и накреняться.

Карела бросилась к выходу, едва уворачиваясь от летящих сверху камней. Несколько раз она чуть не упала, один раз даже едва не сломала ногу, попав в трещину, но несмотря на то, что вокруг ничего было не разглядеть, Карела прорывалась к выходу.

Пройдя расщелину почти на ощупь, девушка скатилась вниз на каменистую площадку перед храмом. Из расщелины летел щебень и пыль. Гул, что шел из самой преисподней, становился все громче. Не дожидалась, пока свод пещеры начнет рушиться, Карела устремилась вниз, туда, где угадывалась крутая, но вполне пригодная для спуска тропка.

— Карела! — раздался где-то за ее спиной истощенный крик. — Где ты, Карела?!

Это не был голос Табасха. Ее друг был мертв и не мог взывать к ней. Эльрис? Может быть, это был и он. Но офицер был не тем человеком, ради которого Кареле хотелось бы задержаться.

Внизу Карела увидела лошадь. Невысокая лошадка стояла на довольно широкой тропе, плавно ведущей куда-то вниз. Догадавшись, что это та самая лошадь Михар, о которой упоминал Табасх, Карела рванулась к животному как раз вовремя. Обезумевший от ужаса конь вставал на дыбы и грозил вот-вот порвать поводья, закрепленные на остром уступе скалы. Гул темных подземных сил и грохот ломающегося горного камня довели животное до паники.

Пытаясь успокоить лошадь, Карела отвязала ее и вскочила в седло. Погонять не пришлось. Вцепившись в гриву коня, Карела поскакала вниз. Камни летели из-под копыт все быстрее и быстрее, скалы стремительно мелькали перед глазами девушки, но вот лошадь выскочила, наконец, на пологую тропу и немного сбавила темп.

Карела выпрямилась в седле. Теперь при ней была только ее новая сабля с эфесом, украшенным голубым сапфиром. Все, что ей удалось обнаружить помимо того, был широкий серый плащ из хорошей тонкой шерсти на шелковой подкладке. Михар пристегнула его к седлу, подсунув под ремень упряжи, да так его и забыла. Вещь была неплохой и при случае могла вполне сгодиться.

Карела была одна, в мрачном горном ущелье, на перепуганной и наверняка голодной лошади... Но она была жива и свободна, как резвый горный ветер, и двигалась на восток.

ГЛАВА 8

В плотныхочных сумерках уже не просматривались ни одинокие, корявые деревья, свесившие до земли пласти потрескавшейся коры, перекрученные сухими жгутами, ни малочисленные ветхие домишкис, сгрудившиеся вокруг постоянного двора, ни редкие прохожие.

Одинокий всадник неторопливо направлял лошадь вдоль единственной и совершенно вымершей в этот поздний час улицы туда, откуда доносился шум, голоса, пьяные выкрики. На постоянном дворе, стоящем на всех ветрах, на перекрестке самых оживленных дорог, ночной жизнь была в разгаре. Именно туда и держал путь всадник.

Почти сутки он не слезал с седла, изредка останавливаясь у изрядно иссякших в это засушливое время года придорожных родников, чтобы угтолить жажду. Что до еды, так у него не было ни крошки во рту со вчерашнего вечера. Не было и ни одной монетки в его карманах, правда, это беспокоило его немного меньше, чем голод, становящийся понемногу слишком досадной помехой. Есть ли деньги, нет ли их, унывать было не в его привычке. Он был еще молод и всегда предпочитал надеяться на лучшие времена и их скорейшее наступление.

Теперешнее положение юного путника можно было назвать переходным. А хмурое выражение его лица свидетельствовало скорее о том, что переход этот происходит от лучших времен к худшим, а если и наоборот, то желанный переход непростительно затянулся.

Так, штаны всадника были пропыленными, потрапанными и в нескольких местах прожженнымиискрами костра. Кожаная безрукавка на меху была с чужого плеча, причем с плеча явно хлипкого, потому что, натягивая вещь на себя, юноша едва не сгубил ее совсем: шов на спине разошелся и еле держался. Но зато налицо были кое-какие удачи: новые сапоги из мягкой телячьей кожи и золоченый широкий браслет, украшивший правое запястье. Каким путем эта роскошь попала к нему, оставалось только догадываться.

В седле он сидел так, словно прикипел к нему с младенчества, да и по сторонам поглядывал хоть и пристально, но без излишнего напряжения. Даже сгустившаяся темнота не смущала его. Чуть прищурены были синие глаза, да рука, огромная и мускулистая, не выпускала поводьев, только и всего.

Въехав на постоянный двор и чуть не сшибив в воротах невысокого пешего странника в плаще с капюшоном, юноша прежде осмотрелся и, не обнаружив вокруг явной для себя опасности, спешился и кинул поводья подбежавшему слуге. Тот принял их, но не сдвинулся с места, выразительно глядя на путника.

— Деньги? — недобро уточнил приезжий и опустил ладонь на рукоятку внушительного кривого кинжала, торчащего за поясом. — Утром.

Слуга потупил взгляд, вздохнул, но повел лошадь под навес к коновязи, верно рассудив, что, не споря с приезжим, он имеет какой-то шанс все-таки получить деньги хотя бы утром, а, вступив с этим грозным молодцем в перепалку, скорее всего получит удар огромным кинжалом, который при желании можно было бы поименовать маленьким мечом.

Приезжий был очень молод. Это и все, о чем можно было сказать с уверенностью. Точнее же определить возраст юноши было намного труднее. Вводили в заблуждение огромный рост, широкие плечи и полная достоинства поза. Язык не поворачивался назвать юнцом того, чьи глаза столь уверенно и грозно поблескивали из-под темных бровей. Черты загорелого лица были крупны и грубоваты, но выразительны. Ярко-синие глаза его говорили

о том, что впервые этот человек увидел свет в далеких северных варварских землях, а плотно сжатые губы и сдержанная неторопливость движений давали понять, что прежде чем попасть в этот засушливый край, юноша успел пережить достаточно, чтобы теперь держаться с достоинством человека, не раз смотревшего в лицо опасностям и лишениям.

Приезжий усмехнулся вслед слуге, а затем глубоко вздохнул, взлохматил ладонью буйную гриву черных густых и длинных волос и огляделся вокруг. Он не бывал прежде в этом забытом богами месте, но вынужден был признать, что этот постоянный двор ничем не отличается от других грязных забегаловок, которые стояли на стекающихся в Шадизар дорогах и существовали только на доходы от постоя проезжающих.

Все в этом убогом месте, и малочисленные домишкы, и постоянный двор несли отпечаток дремучей бедности, убогости и безысходности. В этом крайне незавидном углу мироздания никогда ничего не менялось — ни природа, ни люди, ни обстоятельства. Юному варвару это было прекрасно известно, поэтому он со знанием дела быстро, но внимательно оглядел двор, забитый лошадьми, вооруженными людьми, сидящими на тюках, рабами, что сгрудились то тут, то там, окруженные охраной.

Увиденное не вдохновило юношу, блеск синих глаз поутих, и, судя по всему, особый интерес его к обитателям постоянного двора пропал. Очень возможно, что в тюках и мешках, принадлежащих караванщикам, было множество интересных и дорогих вещей. Но поживиться за их счет юноше не светило. Связываться с вооруженной охраной каравана он не желал, потому что несмотря на присущую юности дерзость и слегка завышенное самомнение, безмозглым самоубийцей он не был. Если уж ввязываться в заварушку, то сперва стоит трезво просчитать шансы.

Постояв немного, путник прошел в помещение трактира. Едва он переступил порог, как к нему с разных сторон устремились, встряхивая кудрями и качая бедрами, несколько продажных девок, заискивающе улыбаясь.

Юноша окунул их оценивающим взглядом. Да, в основном глаз положить тут было не на что. Совершенно не на что... До времени состарившиеся, высокие, потрапанные женщины, отнюдь не составляющие предел мечтаний для полного сил и здоровья молодого парня. Так постановил приезжий, не желая лишний раз напоминать себе, что даже такого пошиба товар ему сегодня не по карману. Единственной вещью, которой можно было бы расплатиться с девкой, был браслет, но он парню и самому нравился.

Вообще-то, он знал, что стоит ему заняться одной из девок, к утру она и думать забудет о том, чтобы потребовать с него деньги, но сейчас у него было слишком тоскливо и беспокойно на душе, к тому же есть ему хотелось больше, чем развлекаться. Поэтому он твердо решил обратить свою энергию в несколько иное русло. Юноша угрюмо сдвинул темные брови и ворчливо рявкнул на девиц. Зафырчав на разные голоса, они разочарованно разошлись, и только одна из них, самая молоденькая, смуглая, с черными, как угли, глазами, осталась на месте.

Грудь ее опоясывала совершенно прозрачная лиловая шелковая лента, а несколько рядов дешевых ярких бус обивали пухлые бедра. Больше на ней ничего не было, да и то, что было, только открывало взору все достоинства пока еще свежего и незатасканного по углам женского тела. Заметив, что юный варвар все же задержал на ней взгляд, она призывающе прищелкнула языком и, потупившись, стрельнула глазами.

Да, жаль, что денег нет, подумалось юноше. Хотя, может это и к лучшему: нет денег, нет и лишних забот. Будь монета в кармане, точно не удержался бы, ушел с девицей наверх. А так

придется отдыхать, набивать желудок и думать, как сделать так, чтобы это сошло с рук.

— Брысь, девочка, — повторил он. Она закусила губу и нехотя отступила в сторону, разочарованно вздохнув.

Юноша прошел к небольшому, несколько покосившемуся одинокому столику в самом углу трактира и опустился на скамью. Отсюда ему хорошо было видно все помещение.

В трактире царил обычный разгул. Посетители ели, пили, пытались плясать с девицами, приставали к ним, уходили с ними в комнаты наверх и снова возвращались оттуда, взбудораженные и подуставшие от вкушения радостей жизни.

Народ был самый разношерстный, со всех мыслимых и немыслимых концов света.

Вообще-то, интересные места эти придорожные трактиры, кого тут только не увидишь. Вот поодаль, в самом освещенном и несколько более чистом, чем прочие, углу степенно ужинали несколько хорошо одетых мужчин. Они старались даже не смотреть по сторонам. Как только кто-нибудь из них поднимал голову и бросал взгляд вокруг, брезгливая гримаса перекашивала его губы. Уж конечно, если бы ночь настигла его в Шадизаре или ином городе, где у путника может быть выбор, никогда не остановился бы такой богатый и важный господин в подобной дыре. Только обстоятельства неодолимой силы заставили богачей сидеть здесь и есть нечто, не поддающееся точному определению.

Осмотрев богачей, их одежду и оружие, синеглазый северянин вполне резонно решил, что господа эти не иначе как прибыли с караваном, а значит о них и их имуществе следует забыть раз и навсегда. Их здесь нет, сказал он себе.

Кроме случайных бродяг и нищих пилигримов, без которых не обходится ни один трактир, здесь было к кому приглядеться повнимательнее. То тут, то там слышались пьяные крики и разгульные песни простолюдинов, пастухов да торговцев победнее, которые забредали на огонек трактира не столько ради ночлега или ужина, а как раз ради того, чтобы спустить в пьяном угаре то, что удалось заработать. Вот эти-то гуляки и были, пожалуй, по зубам юному варвару.

Сегодня здесь были в основном степные пастухи, возвращающиеся с ярмарки. Не на одни сутки могли они застрять тут, позабыв о том, что вырученные на торгах деньги имеют невероятную способность мгновенно утекать сквозь пальцы, а чтобы этого не случилось, следует воздержаться в пути от постоянных дворов, насколько это возможно. Юноша отметил для себя несколько компаний за столами, к которым стоило бы присмотреться.

Его прихода практически никто, кроме трактирных шлюх, не заметил. Но девок он уже распугал своим ворчанием, поэтому они оставили его в покое, переключившись на пьянчуг за столами, а некоторые пытались танцевать в проходах под еле слышную, заглушенную выкриками осиплую музыку, издаваемую двумя диковинными длинными деревянными трубами и коротким рожком. Музыканты сидели где-то в полутиме, прямо на заплеванном полу, но тем не менее, они постоянно напоминали хриплыми нестройными звуками о том, что хозяин заведения держит марку и о проезжающих пытаются заботиться по первому разряду.

Приезжего заметили, наконец, не только женщины, но и те, кому в обязанность входило не пропускать клиентов.

Трактирный слуга, щустрый щуплый подросток почти сразу подбежал к столику и без слов поставил перед гостем огромную бутыль с вином и две кружки.

— Чего желает господин? — осведомился он, острым наметанным глазом оглядывая юношу и пытаясь сопоставить и примирить друг с другом отличные сапоги с прожженными

штанами, а лопнувшую по шву безрукавку с позолоченным браслетом на запястье. По его хитрому лицу не было заметно, какой вывод сделал он насчет приезжего. Но, видимо, качество сапог он счел возможным принять, как весомый признак платежеспособности, нежели некоторую ветхость одежды зачесть, как отсутствие средств. Последовало предложение:

- Есть парная телятина, окорок, цыпленок на вертеле...
- Цыпленка. А лучше двух, — отозвался приезжий.

Заказанное немедленно появилось на столе. Едва сдерживая вполне объяснимое желание жадно наброситься на еду, юноша сглотнул слюну, не спеша отломил куриную лапку, откусил кусок и стал неторопливо жевать, продолжая со сдержаным любопытством разглядывать окружающих.

* * *

Карела настолько устала и проголодалась, что перестала четко воспринимать действительность. Смутные огни придорожного трактира она различила уже давно и шла к ним, как завороженная, только их и видя перед собой.

Почти сутки гнала она лошадь Михар во весь опор, лишь только изредка позволяя бедному животному сбавить темп, выпить воды или ущипнуть высохшей степной травы.

Когда же, выбившись из сил и потеряв подкову, лошадь захромала, Карела была вынуждена ее отпустить и дальше идти пешком, тем более, что впереди замаячили слабые огоньки постоянного двора.

Утрата единственного средства передвижения удручила девушку. И хотя усталость брала свое, все же она была довольна, что ей удалось так быстро выбраться из Серого ущелья Кофских гор на пожелтевшие равнины Заморы. А особенно радовало ее то, что ненавистный ей Эльрис остался где-то позади. Выбрался ли он из-под обвала? А может быть, вообще остался погребенным под скалистыми обломками горного храма мести Деркэто? Если и так, то для него это будет слишком большой честью: лежать в одной могиле с Табасхом.

Слезы наворачивались на глаза девушки, едва она вспоминала смерть верного друга. Наверное, Табасх бы прав: он был рожден ради того, чтобы исполнить заклятье. Не одно, так другое. Случилось так, что Карела своими руками лишила его этой возможности». А значит, даже будучи избавленным от каменного палача, он не смог бы остаться в живых. Ведь это только люди могут жить, не видя в этом никакого смысла, а у всякого демона есть некое предназначение, для осуществления которого он рождается, живет и умирает.

Может быть, это Карела во всем виновата? Может быть, не обезглавив она каменного гиганта, все обошлось бы? Табасх снова жил бы и дальше своей мечтой, и кто знает, вдруг она исполнилась бы, рано или поздно?

Грустно было Кареле. Грустно и очень одиноко. Куда проще было бы ей сейчас удирать от Эльриса и искать свое вольное счастье, если бы рядом был смуглый темноглазый демон-полукровка...

Нет, все, хватит! Карела решительно вытерла слезы. Что толку тосковать о несбывшемся, о том, что исправить невозможно? Если глаза Карелы вдруг привыкнут к слезам, не забудет ли ее рука о том, как держать оружие?

Скоро ей будет казаться, что все произошедшее с ней в горах лишь таинственный,

иноскательный сон. Да и было ли это все на самом деле? Здесь, на выжженной солнцем равнине ей уже несколько раз казалось, что ничего и не было вовсе. Только непонятно куда делись четыре лошади и эскорт провожатых во главе со знатным офицером, и совершенно неясно, откуда взялись на ее поясе красивые кожаные ножны, а в них небольшая кривая сабля с причудливым эфесом, украшенным огромным сапфиром.

Сабля самой Деркэто, так сказал Табасх. Теперь это было всего лишь очень хорошее оружие для ее небольших, но ловких рук. И что бы ни случилось, Карела постарается не расстаться с ней. Может быть, это не совсем удобный талисман, но если уж каменную шею ей удалось срубить этим клинком, то шеи из костей и мышц пусть поберегутся.

Наступала очередь следовать тому совету отца, который раньше Кареле не нравился. Теперь она начинала склоняться к мысли, что старый мудрый солдат имел все основания сказать: хочешь уцелеть в этом мире — предай первым. Карела никак не могла подавить горечь, вспоминая Эльриса, и жалела, что все-таки не проткнула его мечом тогда, когда имела на это возможность.

Чем ближе подходила Карела к постоянному двору, тем все чаще заявлял о себе ее голодный желудок и все тяжелее было идти усталым ногам. И все хуже соображала голова, так что Карела даже не успела вовремя отреагировать на внезапно появившегося рядом с постоянным двором всадника, метившего в те же ворота. Всадник и девушка едва не столкнулись в воротах, и кто знает, пережила бы Карела это столкновение, или же нет, но мужчина удержал свою лошадь, громко выругавшись и помянув какого-то Крома, и объехал ее.

Карела видела, как всадник спешился, вручил коня слуге и проследовал в трактир. Сама же она остановилась в стороне, не зная до сих пор, как ей повести себя, что предпринять, куда кинуться.

Начать стоило с того, чтобы хоть как-то утолить голод. Но на постоянных дворах одиноких пришлых женщин не кормят из милости, а единственное в качестве награды за определенные услуги. Карела была голодна, но еще не настолько, чтобы ублажать неизвестно чью жирную, волосатую плоть. До сих пор она сама выбирала себе мужчин, причем тогда, когда это надо было именно ей, а не им, и Карела не собиралась в ближайшее время изменять этой привычке.

Крепко придерживая полы плаща, скрывающие коричневые штаны и куртку на шнурковке, а самое главное, новую саблю, она прошла немного вперед и остановилась, чтобы осмотреться.

Не было сомнений, что здесь остановился на ночевку караван, хоть и небольшой, но любопытный. Были здесь и вьючные лошади, числом около трех десятков, и с дюжину верблюдов. Поклажа в мешках была аккуратно составлена, а рядом прохаживалась охрана, крепкие молодцы, не собирающиеся смыкать глаз над хозяйственным добром. С полсотни рабов сидели и лежали вповалку, пытаясь, видно, продлить, насколько возможно, впечатление от вожделенного, но оказавшегося скучным ужина. Вид у этих несчастных был неважный, и виной тому были наверняка долгий путь, жадность хозяина, жестокость охраны да тоска по утраченной свободе, вернуть которую удастся потом лишь самым дерзким, а таких, как правило, один на полсотни, а то и менее того. Среди рабов Карела заметила несколько совсем удрученных и изможденных лиц. Вряд ли их удастся доставить живыми на невольничий рынок. Почему бы не отпустить их восвояси? Помрут ведь, да и только, и кому от этого будет лучше?

От горьких дум Карелу отвлек неторопливый разговор двух довольно молодых и превосходно одетых мужчин, что вышли из трактира на свежий воздух. Оба они были при оружии и вид имели степенный, но один, тем не менее, вежливо поклонился другому и осведомился о приказаниях.

— Обойди охранников, Домаран, — ответил тот, кто и был, видимо, хозяином всего того одушевленного и неодушевленного добра, что было размещено и сложено посреди двора. — Я хочу быть уверенным, что мои люди готовы ко всему. Назавтра мы двинемся в путь, и мне не хотелось бы, чтобы какие-либо препятствия стали неожиданностью.

— Охрана сменилась только что. Люди будут отдохнувшие и бодрые, за это я ручаюсь, — отозвался Домаран. — Но уверен ли ты, мой господин, что это хорошая идея?

— О чём ты? — Карела слышала, как в спокойном голосе караванщика зазвучали капризно-раздраженные нотки.

— По-моему, пытаться договориться с Таниусом — пустое дело. Мои люди не раз и не два сталкивались с ним. Верь мне, господин, это жадное и неумное животное.

Он не хочет понемногу, но часто, ему нужно все и сразу, и поэтому...

— Заткнись, Домаран! — Хозяин потерял терпение. — В конце концов, у нас есть два десятка сабель, не слишком плохих, как мне расписал тот, кто рекомендовал тебя и твой отряд. И если уж ты считаешь, что я делаю глупость, кто же мешает тебе подстраховаться?

— Я и собираюсь это сделать. Обычно люди Таниуса каждый раз действуют одинаково: они встречают караван легким дозором и вынуждают его повернуть назад, где его встречают остальные грабители. Как правило, Таниусу это удается. Но если поставить во главе каравана не три пары сабель, как обычно, а половину от наших людей, мы сомнем их дозорных и вырвемся вперед, потеряв только пеших рабов, которых поставим в самый конец каравана, оставив рядом с ними ровно столько охраны, чтобы в пути не разбежались. Таким образом, в самом худшем случае мы потеряем кое-кого из моих людей и ваших рабов, но сохраним остальной товар, — четко разъяснил Домаран. — А заодно сохраним и твою жизнь, господин Ардарус, что тоже представляется мне нeliшним.

— Да... — задумчиво крякнул хозяин. — Пожалуй, тот, кто рекомендовал мне тебя, был прав.

— Ты платишь мне и моим людям хорошие деньги, господин Ардарус, а я добросовестно их отрабатываю! — с ноткой обиды ответил Домаран. — Не первый год мой отряд охраняет караваны на этих дорогах. Всякое бывало, но...

— Я же сказал, что согласен с твоими предложениями! — хмуро перебил его Ардарус и пошел вперед.

Кареле оставалось только усмехнуться. Напыщенный индюк-караванщик не понравился ей настолько, что она была бы только рада узнать назавтра о том, что караван Ардаруса остановлен на степной дороге и ограблен до нитки, а самого богатого купца в цепях гонят на ближайший невольничий рынок. И лучше его не кормить в дороге, как он поступает со своими рабами, а также почаше вбивать ему ума плетьью... Жирный молодой мерзавец!

— Эй, красавица! — чья-то потная рука цапнула ее ладонь.

Карела выдернула руку и отшатнулась от подвыпившего черноволосого и смуглокожего мужланы. Неважно одетый и грязный, он похотливо ухмылялся.

— Пошел прочь, болван! — зашипела она на него и толкнула в грудь. На ее счастье, гуляка был уже настолько пьян, что он резкого толчка девушки потерял равновесие и шлепнулся навзничь, подняв пыль.

Если я останусь здесь стоять, будет только хуже, решила Карела и шагнула вперед, туда, откуда слышался обычный шум дрянного питейного заведения.

Она остановилась недалеко от двери, не желая сразу обращать на себя внимание. Да, будь у нее деньги, она немедленно сняла бы комнату и спокойно убралась подальше от недобрых глаз. Но оставалось просто быть поосторожнее и побыстрее соображать.

В углу она заметила того самого человека, который едва не задавил ее в воротах. Рослый и крепкий, с широкими плечами и грозным голосом, таким он показался ей на дворе. Да оно так и было на самом деле. Но отсюда она видела и его лицо. И что же она увидела?

Мальчишка! Да, вымахавший под самый потолок, не меньше. Раздавшийся в плечах, как человек, не знавший в жизни ничего, кроме тяжелой работы. И при всем этом, как ни старался он придать своему грубо сработанному лицу выражение суровое и мрачно-серъезное, это был мальчишка, и синие нетерпеливые искорки, пляшущие в его глазах, подтверждали это лучше всего остального.

Обычный варвар из северных краев, польстившийся на легкое счастье в пестрых и шумных южных странах. Наверняка, самоуверенный. И несомненно наивен и глуп. Воришко, скорее всего. Или грабитель-неудачник. Вон, одежонка-то какая драная, а сидит за сто лет нескобленым столом, что король на троне. Может, это именно тот, кто ей нужен?

Варвар жевал что-то, прерываясь иногда, чтобы глотнуть вина или достать застрявшие между зубов мясные волокна. Изображая из себя некую важную персону, он обводил глазами помещение трактира, туда-сюда, туда-сюда...

Вдруг его глаза остановились на Кареле. Темные брови сошлись на могучей переносице. Он попробовал продолжить еду, но, откусив еще кусок, отложил пищу на тарелку, насупился еще сильнее и чуть заметно махнул девушке рукой.

* * *

Цыпленок был немного пересушенным, а с одного бока и вовсе подгоревшим, — видно, повар уснул или зазевался. Но юноша подумал об этом вскользь, сказав себе, что занять голову следует совсем иными мыслями: как ему оплатить ужин. Пока в эту лохматую голову никаких путных мыслей не приходило, но юный варвар и не думал расстраиваться. Выход из затруднительных ситуаций обнаруживается порой в самых неожиданных местах, и если в последнее время ему не очень-то везло, все может измениться в считанные мгновения.

Взглянув в направлении двери, он поймал устремленный на него взгляд блестящих темных глаз. Какая-то женщина, нагло закутанная в дымчато-серый плащ с капюшоном, стояла на том самом месте, где раньше дежурила симпатичная черноглазая девка. Женщина стояла у двери, слегка закрывая лицо краем капюшона и откровенно глазела на юного путника.

Синеглазый северянин хотя и был молод, если не сказать юн, уже привык к постоянному вниманию женщин и знал, что его внешность необъяснимым образом способствует тому, что женщины липнут к нему во всяком месте, где бы он ни появился. Сам он пока никак не мог себе уяснить, почему. Он относился к себе достаточно равнодушно. Он знал, что он выше и сильнее большинства мужчин, но не настолько, чтобы гордиться этим сверх меры. Что же касается его лица, то оно, бывало, все еще иногда подводило, выдавая опытным красавицам его возраст. Но лишь только оно, полудетское лицо подростка, и только

иногда. Что же касается прочих мужских достоинств — вот уже пара лет, как жалоб от дам не поступает, и ни одна из них не посмела бы теперь назвать его зеленым молокососом.

Да, что-то в нем было такое, что интриговало женщин, и не было еще ни одной, которая не пыталась бы выведать у него историю его жизни, справедливо подозревая, что рассказать ему есть о чем. Но юноша был не очень-то разговорчив, и не было еще случая, чтобы он до конца открылся кому-нибудь, а особенно женщине. Молодость не помеха некоторым зачаткам мудрости, и возможно именно они пока плавно обводили юного северянина вокруг подводных рифов женского коварства.

Женщина в плаще продолжала смотреть на него, и у него кусок застрял в горле. Поесть спокойно не дают, с раздражением подумал он. Чувствуя, как досада начинает вскипать в нем, он молча поманил ее пальцем. Она поспешила подошла и села напротив.

— Какого черта ты на меня пялишься? — буркнул он.

— Угостишь? — вместо ответа спросила она и потянулась к тяжелой бутыли. — А то мне сегодня не везет.

— А вчера везло? — усмехнулся он, перехватывая у нее бутыль и наливая вино в обе кружки.

— Да, — коротко ответила она. — А сегодня не везет. Она взяла кружку обеими руками и, чуть задержав дыхание, с некоторой опаской глотнула вино.

Ей было вряд ли больше лет, чем самому синеглазому путнику. Не очень-то стремилась она помочь себе вернуть вчерашнее везение: вместо того, чтобы выставить напоказ то, чем одарили боги, завернулась в свой плащ так, что фигура пряталась в складках совершенно. Да и вина она не хотела, это молодой варвар понял сразу. Но что-то ей несомненно было нужно, иначе она бы здесь не сидела.

Кроме персоны северянина девчонку явно интересовало еще одно: неважно зажаренный цыпленок. Похоже, она не лжет, и сегодня везение ей изменило... Тем не менее, юноша решил подождать, пока она сама выскажет свою просьбу. Будет ли это попытка разделить с ним трапезу или нечто большее? Варвар склонялся к мысли о том, что это будет нечто большее, причем к обычным плотским утехам это не будет иметь никакого отношения. Неизвестно, почему ему так показалось, но он всегда нутром чувствовал, где пахнет жареным.

Девчонка держалась прямо и по-прежнему плотно запахивала плащ, который можно было смело назвать одеждой не из дешевых. Юноша сразу отметил качество ткани и ровную строчку шва, которых не встретишь на грубо сработанных одеждах простолюдинов. Смукал, правда, несколько мрачный цвет плаща, но девчонка все равно привлекала к себе внимание уже тем, что в этом месте она была совершенно одна, к тому же явно имела некоторые намерения, говорить о которых впрямую не спешила.

Она не снимала с головы капюшон, но парень видел, что лицо у нее румяное, холеное и свежее.

— Странно, что тебе не везет. Ты куда лучше выглядишь, чем эти потасканные шлюхи, — он кивнул на гогочущих девок.

— Ты тоже выглядишь куда лучше прочих, — ответила она, по-прежнему не сводя с него влажных блестящих глаз. Вблизи они оказались зелеными и немного косили.

Комplимент был довольно обычен. Варвар проглотил его молча, словно не заметил, отхлебнул вина и долил из бутыли еще.

— Мои карманы выглядят мно-о-ого хуже, чем я сам, — усмехнулся он.

— То есть? — нахмурилась девчонка.

— То есть у меня нет денег, — впрямую пояснил он и снова вцепился в цыпленка крупными, крепкими зубами. — Так что не сиди здесь и не трать зря со мной время.

— Нет денег? Чем же ты будешь расплачиваться за ужин? — засмеялась она.

— А кто сказал, что я собираюсь расплачиваться? — возразил он.

— Тебя в лучшем случае изобьют до полусмерти, — серьезно сказала девушка, с вожделением глядя на останки первого цыпленка. Юноша уже расправился с ним и собирался браться за второго.

— Изобьют, говоришь? — переспросил он. — Вот это вряд ли.

Он повел широченными плечами и буркнул:

— Есть хочешь?

Она не ответила, но глаза ее стали еще более голодными, чем были поначалу. Он все же оторвал ножку от второго цыпленка и сунул ей в руку. Некоторое время они молча ели. Девчонка продолжала пожирать его глазами, а он, достаточно неуменно чувствуя себя под испытующим взглядом, пытался спокойно рассматривать посетителей.

— Я знаю, как ты можешь раздобыть несколько монет, — вдруг сказала зеленоглазая девчонка.

— И как же? — равнодушно осведомился он.

— Видишь вон того рыжего?

Приезжий обернулся и посмотрел назад. Через пару столов пировала компания, и главным в ней явно был высоченный мощный детина. Казалось, что не только его рано поредевшая шевелюра, но и сам он весь был медно-рыжий. Рыжим пухом были покрыты даже его толстые пальцы, сжимавшие кружку. Он что-то взахлеб рассказывал собутыльникам, успевая одновременно шарить за пазухой у совершенно пьяной девицы, развалившейся у него на коленях.

— Вижу, — согласился приезжий. — По всему видно, пастухи отмечают удачный торг на базаре. Ну и что?

— Вчера он спал со мной, но ни гроша не заплатил. Если сможешь получить у него долг, за труды половина твоя.

Пока девчонка говорила, брови северянина поползли вверх. Но ни словом не возразив ей, он еще раз оглянулся на пьяную компанию, потом на остальных посетителей трактира, и принял торопливо приканчивать свой ужин.

— Так что? — с плохо скрываемым нетерпением уточнила девушка.

Не удостоив ее ответом, молодой варвар залпом осушил свою кружку, отер губы ладонью, медленно встал, осторожно одернул свою ветхую безрукавку и пружинистыми шагами подошел вплотную к разгульной компании. Остановившись над ними, он покосился на свой столик.

Зеленоглазой девушки там уже не было. Она снова стояла у двери, придерживая рукой капюшон. На лице ее, кроме нетерпения, читалась тревога. Что ж, подумал он, у нее есть основания беспокоиться. Да и сам юноша хорошо представлял, чем может кончиться подобная заварушка. Но он уже кое-что понимал в людях и мог с уверенностью сказать, что в таком месте, как придорожный трактир, где если кто и задерживается, то не больше, чем на пару дней, чужие друг другу люди не успевают сойтись, поэтому в случае кровавой стычки никто из посторонних посетителей трактира не вмешается. Компания из четырех-пяти мужчин, сидящая сейчас за столом — это самое большее, с чем придется иметь дело. Все это

северянин понял сразу, как только уяснил намек зеленоглазой девицы.

Парень приблизился к рыжему, наклонился над столом и оперся на кулак. Кулак юноши был размеров довольно внушительных, и не заметить его было просто невозможно. Рыжий, прервав рассказ на полуслове, тупо уставился на него, прошелся рассеянным взглядом по загорелой мускулистой руке парня, прищурившись, долго вглядывался в грубые черты его лица, прежде чем понял, что не знает подошедшего.

— Кто это еще, черт возьми? — проворчал он, но ответом ему было только недоуменное бормотание приятелей.

— Знаешь ее? — коротко спросил северянин, кивая на зеленоглазую.

Добросовестно тараща глаза, рыжий кривился и морщился, пытаясь рассмотреть девушку. Видимо, это было для него непосильной задачей. Наконец, он встряхнул головой, зажмурился и, не желая отвечать ни да, ни нет, снова уставился на юношу. Тот спокойно повторил вопрос:

— Так ты ее знаешь?

— А тебе-то что? Облюбовал? — хмыкнул рыжий. Не обратив внимания на слова гуляки, парень уточнил:

— Спал с ней?

— Да тебе-то какое дело? — начал злиться рыжий. Он спихнул с колен девицу и встал. Он был такого же роста, что и северянин, и, судя по всему, не слабее. Да и несмотря на то, что выпитое явно мешало ему рассмотреть девицу, на ногах он держался довольно крепко.

— Вчера ты ей не заплатил, верно? — продолжал допрос парень.

— А если даже и так, какое тебе дело? Кто ты ей? Хозяин? Брат? Или, может быть, муж? — расхохотался рыжий. — Зеленый сопляк!

— Расплатись! — приказал северянин. — И возьми назад свои слова насчет сопляка!

— Всякая проезжающая рожа будет мне указывать, что мне делать? А не пошел бы ты!.. — совершенно справедливо возмутился рыжий. — Да сожрет тебя Зат, вонючий варвар!

Договорить он не успел. Молниеносным движением парень заломил ему руку и с силой пригнулся голову рыжего к столу.

— Плати! Девушке за ее работу, а мне — за оскорбление.

Рыжий завопил грязные ругательства, но северянин несколько раз с силой припечатал его лицо к столешнице, пока на грязном дереве не появилось кровавое пятно, а потом швырнул рыжего на пол.

Все вокруг притихли. Дружки рыжего почему-то молчали, поеживаясь и бормоча что-то между собой. Остальные посетители трактира лишь недолго отвлеклись от своих дел. Гул постепенно возобновился, и северянин перевел дух, скидывая напряжение. Никто не собирался считать эту стычку своим делом, как и предполагал варвар.

— Все вы слышали, что он не отказался от своего долга. Вы слышали также, как он меня оскорбил. Взять свои слова обратно он все равно не сможет... до утра. Поэтому: оба его долга в сумме как раз составляют его кошель, — деловито объявил он притихшим дружкам рыжего. — Если же он захочет, чтобы я объяснил ему, почему я так решил, пускай отыщет Конана из Киммерии, и я объясню. Если же кто-то из вас со мной не согласен...

Черноволосый смуглый и щуплый мужчина приподнялся было из-за стола и уже открыл рот, как синеглазый киммериец с усмешкой произнес:

— Тебе лично советую сейчас же со мной согласиться, иначе никто из твоих друзей не будет иметь повода тебе позавидовать.

С этими словами он нагнулся над рыжим и отстегнул от его пояса увесистый кошелек. Пройдя к своему столу, он бросил на тарелку с костями несколько монет, заткнул бутылку пробкой, взял ее под мышку и взглянул туда, где стояла прежде зеленоглазая девчонка. Но ее уже не было в трактире, и Конан не заметил, в какой момент она исчезла.

Под растерянное молчание пьяных собутыльников рыжего гуляки варвар из Киммерии пересек помещение и вышел во двор. Слуга-конюх снова подступил к нему, и юноша с важным видом и очевидным удовольствием выделил ему монету. Вряд ли Конана измучила бы совесть, если бы он этого не сделал. Но всегда хочется почувствовать себя на месте состоятельного человека. Да и почему бы не заплатить, если деньги не тобой заработаны, да и достались так просто?

Подойдя к своей лошади, он принял засовывать бутыль с вином в седельную сумку, а потом стал отвязывать лошадь.

— Эй, северянин! — услышал он женский голос за своей спиной.

Его рука дрогнула, но он принял, как ни в чем не бывало, возиться с упряжью.

— Отдай мои деньги, северянин!

Он оглянулся. Девчонка в дымчато-сером плаще, по-прежнему нагло запахнутом, стояла позади него. Капюшон свалился с ее головы. Конан не смог различить в темноте ночи цвет ее волос, понял только, что они были длинными, густыми и волнистыми.

— Какие деньги? — Он сделал вид, что удивился.

— Как какие? — возмутилась девушка. — Мы же договаривались, что за труды половина твоя. Половина! Ты же собираешься, как я поняла, прикарманить все! А как же уговор?

— Ну, положим, мы ни о чем таком не договаривались, потому что я не помню, чтобы произносил «да», — пробормотал Конан. — Но уж если допустить, что деньги у того пьячуги я отобрал по договору с тобой, то позволь уточнить, что уговор был на половину от того, что он был тебе должен, а не на половину всего кошеля. Поэтому назови сумму его долга, и я тут же отсчитаю и верну тебе половину.

Он уже отвязал лошадь и поправил упряжь, потом развернул животное и вскочил в седло. Девчонка молчала. Одна ее рука сжимала полу плаща, не давая ему распахнуться, а другая была просто сжата в кулакок.

Она молчала, и на лице ее варвар различил тень неуверенности. Похоже, что девчонка никак не могла придумать, какая сумма ей нужна. Продешевить боится, усмехнулся Конан про себя.

— Назови сумму, — повторил он. — Сколько? Не стесняйся, я дам тебе столько, сколько ты назовешь.

Она молчала. Конан хлестнул лошадь поводом, и тут же девичья рука ухватилась за упряжь.

— Эй, варвар, а деньги? — злобно воскликнула девушка.

— Но ты же молчишь. Я так понял, что ты передумала их брать. Тем более, что это было бы справедливо, не так ли?

— Ты о чем это, северянин? — недоуменно протянула девчонка.

— Он ничего не был тебе должен, — уверенно объявил Конан, попридерживая коня.

— Как это?! — возмутилась девчонка. В темноте Конан не видел выражения ее лица, но он мог поклясться, что она обескуражена и рассержена.

— Очень просто, — и Конан с удовольствием стал излагать ей свои выкладки. — Он ничего не был тебе должен. Он не спал с тобой, потому что ты, во-первых, вообще не шлюха,

а во-вторых, ты, как и я, впервые в этом заведении, а может быть, ты и вовсе впервые путешествуешь без провожатых, поэтому и решилась на такую бредовую идею: получить деньги, ограбив пьяницу чужими руками, и мои руки показались тебе самыми подходящими для этой цели.

Девица угрюмо молчала, держась за конскую упряжь. Уже без издевки, по-свойски, Конан заметил ей:

— Знаешь, дурочка, самое малое, что они могли с тобой сделать здесь за такие штучки — это пустить тебя по кругу и потом, если бы ты осталась жива, заставили тебя работать здесь на хозяина, пока ты через год-полтора не померла бы от дурной болезни или не попала бы под нож подгулявшему дебоширу.

— Разрази тебя Деркэто! — выпалила девчонка.

— И это тоже вряд ли, — усмехнулся Конан, чувствуя свою правоту.

Он взял девчонку за тонкое запястье и оторвал ее руку от ремня упряжи:

— Оставь в покое мою лошадь, это раз. И попробуй убедить меня в том, что я не прав насчет, тебя, это два.

— Да, ты не прав! — упрямо сказала девчонка. — Он был должен мне десять монет.

— Десять? Ты не хочешь признаваться в обмане, и ради этого решила удовольствоваться пятью монетами? — фыркнул Конан. — Впрочем, дело твое. Но в следующий раз придумай что-нибудь поумнее.

— Он был мне должен! — повторила девчонка. — Он спал со мной и был мне должен!

— Ах, все-таки? — рассмеялся Конан. Не часто встречал он таких упрямиц. — Что ж, коли так, значит, ты, действительно, шлюха? Тогда, может быть, пойдем, развлечемся? — И он тряхнул кошелем.

Девчонка замерла на месте, и Конану даже показалось, что ее рука готова скользнуть под плащ. А там... Что, интересно, у нее там спрятано? Богато инкрустированный крошечный ножичек для фруктов? У киммерийца так плохо сложилась прошедшая неделя, что ему не хотелось усугублять свои неудачи и свое плохое настроение, ввязавшись в дурное приключение. Поэтому он усмехнулся:

— Верно, развлекаться со мной ты не пойдешь. И я не пойду с тобой, потому что не хочу связываться с дочкой богатенького купца или вельможи, которая пустилась в путь за бросившим ее любовником, забыв предупредить об этом заботливых домашних.

Конан вынул из кошеля несколько монеток и убрал их к себе, а остальное швырнул в лицо девице. Она, вскрикнув, едва поймала кошель у самого своего носа.

— Почему?.. — начала она.

— Это достойная плата за то, что я все-таки немного размялся благодаря тебе. Ну, прощай!

Легонько подхлестнув коня, он выехал с постоялого двора, оставив девчонку в плаще стоять одну.

Ему не жаль было этого кошеля. Он возвращался в Шадизар, где вот уже несколько месяцев учился ловить за хвост птицу воровской удачи. Ему уже сравнялось восемнадцать лет, алчные стремления чередовались в его душе с приступами великодушия, которые не зависели впрямую от его настроения. Поэтому, разоблачив невинную хитрость глупой девчонки, он щедро вернул ей неправедную свою добычу. Пусть порадуется. Если она и дальше будет себя так глупо вести, радоваться этим деньгам ей недолго.

Конечно, он был абсолютно прав насчет зеленоглазой бестии. Много их таких шатается

по трактирам: вздорных богатеньких дочек, ищащих приключений на свои хорошенъкие головки. Ее дикая идея насчет рыжего гуляки была не самой лучшей. Это ей просто повезло, что слепой случай свел ее не с кем попало, а с ним, Конаном из Киммерии!

Да, если бы на месте синеглазого и черноволосого гиганта оказался бы кто-нибудь менее поворотливый, их обоих сейчас стегали бы плетьми на потеху пьячуг. А если бы северянин оказался чуточку более щепетилен, возможно, он сам бы учинил над ней какую-нибудь унизительную расправу за ее обман. Но Конан поступил с ней так, как ему хотелось именно сейчас. Возможно, завтра, проголодавшись и вспомнив приятную тяжесть кошеля, он пожалеет о том, что так поступил. А возможно и не станет он ни о чем жалеть, занявшиесь новым делом, более приличествующим лихому человеку, чем дележка доходов с мнимой шлюхой.

Он на миг пожалел, что плохо запомнил девчонку. Одних зеленых чуть косящих нагловатых глаз мало, чтобы потом, через дни, месяцы, годы узнать человека. Вряд ли, случись ему потом встретиться с зеленоглазой, Конан вспомнит ее и это короткое приключение...

Усмехаясь своим мыслям, он пустился в путь. Его, юного киммерийца, сына далекой северной страны, все это больше не касалось. Что там какая-то вздорная девица с ее глупостями, когда он уже одолевал первые ступени из множества отделяющих его от величия, богатства и славы.

Стук копыт всадника растаял, а ночная мгла проглотила его тотчас же, как он выехал за ворота.

Карела стояла, сжимая в руке пухлый кошелек, и боролась с гневом.

Какой-то сопляк-варвар, даже годами не старше, а скорее всего моложе самой Карелы, надсмеялся над ней я уехал.

Вот ведь прохиндей! С самого начала даже вида не подал, что не верит ни единому ее слову! Покрасовался своим умом, догадливостью да щедростью! Сейчас едет, небось, любуется сам собой...

— Ох! — Карела в ярости топнула ногой. — Да провались ты сквозь землю! Учить меня вздумал! Думает, что если уж разгадал мою глупую хитрость, так уже и поучать можно?! Это я-то за любовником бегу? Это я-то дочка вельможи?!

Вовремя опомнившись, Карела замолчала и огляделась. Постоялый двор был не совсем тем местом, где одинокой женщине можно стоять посередине и выкрикивать в темноту проклятья.

Неужели же я выгляжу такой беспомощной, такой глупой? Эта мысль засела у нее в голове. Прикрыв полой плаща руку с кошельком, она отошла в сторону.

Ну и пусть этот неотесанный мужлан вздумал осуждать ее проделку. В конце-то концов, он уехал, не взяв с собой почти ничего, кроме упоительного чувства своей правоты. Ну и пусть эта правота его покормит, напоит, мягкую постель разложит, ублажит лаской и вина даст на дорогу. Пусть штаны драные ему подлатает!

Допустим, что удача Карелы — случайность. Но, хоть и ценой некоторого унижения, она стала обладательницей кое-каких денег, что совсем не так уж плохо в ее положении.

А что касается унижения... Эх, жаль, что слишком быстро убежала она из трактира на улицу, да не видела и не слышала, как расправился северянин с рыжим гулякой. Он что-то говорил. Может быть, он называл и свое имя. Впрочем, к чему ей имя этого грязного варвара, если его лицо так и стоит у нее перед глазами. Того, кто нанес ей оскорбление, Карела ни за

что не забудет. Пусть годы пройдут, пусть мальчишка-варвар возмужает, а потом состарится и одряхлеет, Карела узнает его, лишь только однажды взглянет. И этого уже будет достаточно, чтобы, не напоминая лишний раз о себе и о своем сегодняшнем позоре, найти способ отомстить. Умен-то он может быть и умен, этот мальчишка, но еще не лишним было бы ему умение чувствовать, чью гордость можно безнаказанно попирать, а с кем стоит и поостеречься!

Придя к этой успокоительной мысли, Карела заставила себя прекратить горькие раздумья о только что произошедшем событии. Ею было постановлено: предприятие считать увенчавшимся успехом. Теперь следовало бы подумать о будущем.

Будущее свое Карела видела не очень отчетливо. Знала только почти наверняка: на постоянных дворах и в трактирах ей делать нечего. Она ушла бы отсюда, если бы ноги держали. Но все ее тело, измученное событиями в горах, безудержной скачкой и пешей ходьбой, болело и требовало отдыха. Выспаться, поесть досыта и добыть лошадь, вот что ей сейчас было нужно. Отвернувшись от любопытных глаз, Карела достала из кошеля несколько монет и решительно отправилась на поиски комнаты для ночлега.

ГЛАВА 9

Ни галдеж на дворе, ни пьяная гулянка внизу в трактире не помешали Кареле быстро и крепко уснуть. Поздно вечером ей не пришло в голову придиরаться ни к той комнате, в которую ее проводили, ни к постели, в которой неизвестно кто и сколько раз спал до нее. В то время ей было не до таких мелочей. Единственное, на что она обратила внимание, идя на ночлег, — целость и прочность засова на двери. Конечно, она знала, что стоит кому-нибудь сунуться к ней с дурными намерениями, она могла бы за себя постоять. Но для этого пришлось бы проводить ночь без сна в бдительном ожидании, что Кареле сейчас было совсем ни к чему.

Оставшись в комнате одна, она накрепко задвинула засов, проверила, насколько прочны перегородки и оконная рама, и только тогда легла на постель. Конечно, невесть под ком лежавшие простыни постоянного двора не были пределом мечтаний для человека, знавшего лучшие времена. Но, как уже показала жизнь, Кареле, возможно, придется познать времена куда более худшие, чем сегодняшняя ночь в этой жуткой ночлежке, поэтому девушка решила особенно не привередничать. Не раздеваясь, она легла на постель и прикрылась своим плащом. Сабля Деркэто ночевала у нее под рукой.

Вопреки некоторым опасениям, ее никто не потревожил, ни ночью, ни утром. Где-то рядом за стенкой всю ночь скверно ругались и кричали мужчины, взвизгивали и плакали женщины. Но Карела совершенно безмятежно спала сном младенца и видела удивительные сны. Кареле снился горный обвал, тяжелая поступь каменного великаны и жалобный рык несчастного демона, затравленного божественными заклятиями и людской жестокостью. И еще ей почему-то приснились чьи-то ярко-синие глаза, глядящие на нее из-под буйной грифы черных волос. Но во сне Карела так и не вспомнила, чьи же это глаза, а пробудившись, совсем забыла свой сон. Она лежала и смотрела на дощатый, немного провисший потолок, думая о том, сколько усилий ей придется приложить теперь, чтобы благополучно покинуть это место, где кое-кто, возможно, запомнил и ее, и то, что она учинила вечером на пару с нахальным варваром. Конечно, десять к одному за то, что рыжий верзила проспался и теперь только диву дается, куда и при каких обстоятельствах делся его кошелек с выручкой. Его компания вся была вчера не в лучшей форме, поэтому всерьез опасаться того, что она будет разоблачена, Карела не стала. Что особо волновалось, когда на самый крайний случай у нее есть отличное оружие?

Вставать не хотелось. После невероятного количества впечатлений, накопившихся в хорошенькой головке Карелы за несколько последних суток, даже после многочасового сна ей хотелось тишины, безопасности и покоя.

Однако место, в котором Карела проснулась, показавшееся поначалу сносным, стало мало-помалу проявлять все свои ужасные свойства.

Так, полежав немного, Карела ощущала, что ее преследует мерзкий запах, исходящий от той подушки, на которой покоилась всю ночь ее голова. Чем таким была набита эта подушка, какой гадостью пользовался хозяин постоянного двора? Скорее всего, это была какая-то недосушенная и начавшая теперь гнить трава. Подстилка, покрывающая лежанку, была оккупирована целым полчищем насекомых. Вообще-то Карела к ним давно привыкла, но такое их количество, которое предстало ее глазам при дневном свете, было ей воистину в диковинку.

Откормленных до невероятных размеров клопов и тараканов можно было разгребать руками.

Поэтому лежать и дальше, кормить собой всякую шестилапую кусачую пакость и нюхать непросохшее сено Кареле совсем не хотелось. К тому же та цыплячья лапка, которую подал ей на бедность вчерашний ее подельник, давно оставила по себе одни лишь сладостные воспоминания. Желудок снова требовал своего. А поскольку кошель рыжего верзилы пока являл собой зрелице, способное пробудить лучшие надежды голодного странника, Карела приняла решение — спуститься и позавтракать.

Снова закрепив ножны с саблей на поясе и наглоухо запахнув на себе дымчато-серый плащ, Карела отперла дверь своей комнаты и вышла в коридор. Так никого и не встретив на пути, Карела сошла вниз по лестнице и выбралась в помещение трактира.

Утром здесь уже не было столь многолюдно и шумно, скорее совсем наоборот. Полусонные слуги лениво убирали со столов и из-под оных всякие разнообразные обедки и осколки глиняной посуды. Опасаясь, что в утреннее меню эти самые обедки непременно войдут некоей составной частью целого ряда блюд, Карела заказала кусок холодного мяса и гроздь винограда, решив, что в них подмешать излишки прошлых пиршеств было бы, пожалуй, затруднительно при всем желании.

Уничтожив свой завтрак за одним из столов, Карела выложила из кошеля деньги и поинтересовалась у слуги, подошедшего их забрать:

— А можно ли у вас купить лошадь?

— Если есть деньги, купить можно все, — туманно ответил слуга, достаточно откровенно рассматривая девушку припухшими сальными глазками. — Впрочем, если денег мало, все равно есть способы купить нужную вещь.

— Не тебе считать мои деньги! И я совершенно не нуждаюсь в твоих советах! — резко пояснила Карела и встала из-за стола. — Так где я могу купить лошадь?

— Не знаю, как там, откуда прибыла столь сердитая госпожа, — разочарованно хмыкнул слуга, — а у нас лошадей держат в конюшне. Сейчас я скажу хозяину.

Слуга исчез, а Карела вышла из помещения трактира на двор.

К ее удивлению, двор был все так же забит людьми, выручными и верховыми животными и тюками с товарами. Караван господина Ардаруса, собиравшийся в путь с рассветом, все еще заполнял собой постоянный двор. Неизвестно, что заставило караванщика нарушить планы. Хотя Карела подозревала, что виной задержки была настойчивость командира стражников Домарана. Возможно, опытный охранник придумал еще какую-нибудь хитрость ради обеспечения безопасности вверенного ему груза и сумел убедить нанимателя в своей правоте. Возможно, задержка должна была помочь каравану избежать неприятностей.

Карела уже хотела направиться в раскрытую дверь огромного сарая, откуда трактирные конюхи выводили оседланых лошадей, но тут она взглянула на распахнутые настежь ворота постоянного двора, и все мысли о покупке лошади улетучились сами собой.

На двор въезжали целых четыре коня, и на них на всех приходился только один всадник. Он прямо и гордо восседал на переднем жеребце и серьезно поглядывал по сторонам. Он был покрыт дорожной пылью, но добротно одет и хорошо вооружен. Кареле не нужно было долго разглядывать самоуверенную посадку и важную гримасу на лице этого мужчины, чтобы узнать его.

Высокородный офицер, досточтимый Эльрис собственной персоной въезжал на постоянный двор, ведя за собой три свободные лошади, к седлам которых были приторочены

все до одного тюки, собранные в дорогу еще в оффирском гарнизоне... Кареле оставалось только развести руками. Если честно, она уже и думать забыла об Эльрисе, решив, что он погиб в Сером ущелье. Признаться, это было очень удобное решение, устроившее Карелу без всяких оговорок. Она охотно смирилась с мыслью о гибели высокородного оффирца, и никаких горестных эмоций по этому поводу не испытывала совершенно, немного даже втайне злорадствуя.

Но Эльрис оказался живехоньким, и не сказать чтобы новость эта была очень приятной. Выглядел оффирец отменно, словно держал путь не из дикого ущелья, где его только что чуть не постигла страшная смерть, а возвращался с увеселительной прогулки. Он успел где-то переодеться в светло-серые штаны и легкую холщовую рубаху, поверх которой надел короткую плотную кольчугу. Его превосходный меч снова был при нем, а за пояс был заткнут небольшой кинжал без ножен, в котором Карела без труда узнала свой собственный.

Если бы Карелаостояла и посмотрела на Эльриса на несколько мгновений дольше, она, возможно, сообразила бы, что самое лучшее в ее положении — это немедленно скрыться куда-нибудь и не показываться оффирцу на глаза. Но она опоздала. Остановившись и оглядевшись, Эльрис заметил ее.

Некоторое время он, нахмурившись и склонив голову набок, решал, не сон ли он видит, а потом стремительно вылетел из седла и бросился навстречу Кареле. Пока он пробегал эти двадцать-тридцать шагов, кому угодно могло броситься в глаза, как сильно хромает благородный оффирец.

— Этого не может быть! — воскликнул Эльрис, подбегая к девушке и хватая ее за руку. — Митра услышал мои молитвы!

— Очень может быть, — проворчала Карела, высвобождая руку. — Это смотря о чем ты молился, высокородный.

Оффирец всплеснул руками. Он действительно был рад, хотя если учесть все то, что произошло между ним и Карелой в горах, радоваться ему было рановато.

— Я не нашел твоего тела среди обломков скалы, и я решил, что ты осталась погребенной под ними где-то рядом с этим проклятым стигийцем! Но я все равно Молился, чтобы если ты вдруг спаслась, то Митра привел бы меня к тебе! — горячо заговорил Эльрис, пытаясь обнять Карелу.

— Очень может быть, что именно Митра тебя и привел сюда. Но это совсем некстати, Эльрис. Ты задерживаешь меня! — Она отстранилась и попыталась обойти оффирца. Он, ковыляя, пошел следом, не отставая и пытаясь загородить Кареле путь:

— Подожди же! Постой! Куда это ты?!

— Мне надо ехать, — сказала Карела. — Встречаться с тобой совсем не входило в мои планы. Но кое-что с нашей встречи я смогу поиметь. Я хотела купить лошадь, но зачем делать это, если из этих четырех, которых ты привел с собой, по крайней мере одна принадлежит мне по праву.

— Что за ерунду ты мелешь, Карела?! — вспыхнул Эльрис. — Теперь, когда я тебя нашел, никуда я тебя не отпущу!

— Уж не думаешь ли ты, высокородный, что я буду спрашивать у тебя разрешения? — язвительно ответила девушка, подходя к своей низкорослой лошади и проверяя ее упряжь. Быстро нащупав узел, которым поводья ее лошади были привязаны к седлу лошади Эльриса, Карела дернула за ремень и отвязала его. — Отныне я свободна, Эльрис, и иду или еду туда, куда захочу. И причем совершенно одна.

Эльрис не успел ухватить ее за полу плаща, и она в мгновение ока оказалась в седле. Лошадка взвилась на дыбы. Рискуя попасть под копыта, офицер вцепился в упряжь, удерживая животное на месте.

— Не сходи с ума, Карела! — выкрикнул Эльрис.

Люди, толкавшиеся во дворе, начали обращать на них внимание. Эльрису на это было наплевать. Он решал свои проблемы где хотел и как хотел. Но Кареле лишний шум был совсем не нужен. Не хватало ей только привлекать к себе внимание. Поэтому, чуть сдержав лошадь, она процедила:

— Я отсюда уезжаю, Эльрис. Хочешь — следуй за мной. Но я не обещаю тебе, что буду терпеливо сносить твое присутствие. Бойся снова разгневать меня, офицер! Клянусь Деркэто, больше я не спущу тебе даже мелочи.

Эльрис поспешил вскочил в седло, и Карела, уже подхлестнув свою лошадь, услышала позади стук копыт. Офицер бойко догнал ее и, несмотря на то, что две свободные лошади, поводья которых он вынужден был не выпускать из рук, не давали ему возможности скакать так быстро, как ему хотелось, он старался не отстать от девушки.

Направившись на северо-восток, Карела все погоняла и погоняла свою лошадь, стремясь как можно быстрее покинуть прилегающую к постоялому двору местность. Нечего было Кареле здесь делать. Правда, нечего было ей делать и на северо-востоке.

— Карела! Сбавь-ка прыть! — послышался сзади сбивчивый голос Эльриса.

Девушка придержала лошадь и обернулась:

— Что, досточтимый, никак отстаешь?

Офицер проглотил замечание и, подъехав поближе вместе со своим лошадиным эскортом и всем имуществом, проговорил недовольно:

— Куда тебя несет, женщина? Нам совсем в другую сторону! Ты же гонишь и гонишь, и кажется, совсем не понимаешь, куда!

— Ну-ка, господин Эльрис, давай-ка лучше опомнись! — оборвала его Карела. — Нам не может быть в другую сторону, потому что я еду сама по себе. Если тебе надо в какое-то другое место, счастливого пути!

Она с размаху хлестнула лошадь поводьями и помчалась дальше. Она прекрасно слышала, что настойчивый офицер по-прежнему не отстает.

Тем временем окружающая картина стала постепенно меняться. То тут, то там появлялись скопления чахлых кустарников и низкорослых деревьев вокруг родников и в низких балках, где сохранялось побольше влаги, чем на плоских равнинах, что остались южнее. Холмистый неровный рельеф мало-помалу стал преобладающим. Карела скакала вперед, иногда оглядываясь на Эльриса. Он больше не пытался остановить ее, его лошади и имущество следовали чуть в отдалении.

Степная дорога, петляющая и накрепко утоптанная караванами, конными и пешими странниками, неожиданно разделилась, да не на две, а сразу на три тропы.

Карела остановилась на развилке. Эльрис быстро подоспел к ней, оглядываясь на разросшийся вдоль дороги низкий кустарник.

— Все, Карела, давай отдохнем, — произнес он и повел рукой.

— Устал, досточтимый? — злобно отозвалась Карела. — А, ну как же я забыла, ты же не совсем здоров, высокородный!

— Да, я не совсем здоров! — процедил Эльрис. — Я едва вытащил ногу из-под огромного камня! Я думал, что мои кости раздавлены в пыль! В самый последний момент

мне удалось освободиться и выскоочить из этого трижды проклятого горного храма! Как только я оттуда исчез, гул и обрушение скалы прекратились. Никто не скажет теперь, что в том месте была полая скала. Теперь там обычный горный завал. Я искал тебя, Карела, я долго тебя искал. Но, не найдя тебя нигде, я вернулся в грот. Я перевязал ногу и переоделся, собрал вещи и оружие, навьючили мешки на лошадей и пустился в путь.

Говоря все это, он спешился и, подойдя к Кареле, взялся рукой за ее поводья. Насмешливо глядя ей в глаза, девушка прищелкнула языком:

— Ну и ну, Эльрис! Я давно знала, что ты трус...

— Да как ты смеешь так говорить со мной? — побелел Эльрис и дернул за ремень упряжи. — Неужели тот ужас в горах ничему тебя не научил? Ты так и не поняла, кто твой друг, а кто враг, вздорная ты женщина!

— Ты трус и подлый предатель, — повторила Карела, прищурившись. — Но я не знала, что низость твоя зашла так далеко! Ведь это подумать только! Ты решил, что я погибла, но ты тут же оказался способен тщательно позаботиться о вещах, о смене чистой одежды и о том, чтобы не потерять своих лошадей или один из мешков!!! Ну и ну, досточтимый!

— Замолчи, Карела! — Эльрис сжал кулаки. Но девушку тряслось от возмущения:

— Да ты не воин, клянусь Деркэто, и не благородный рыцарь из древнего рода! Ты прирожденный купчишка-караванщик!

Офицер попеременно то краснел, то бледнел. Его пальцы, сжимающие поводья своего жеребца и лошади Карелы, страшно побелели. Нервы Эльриса были, судя по всему, уже на пределе.

А Карела, которую общество ненавистного офицера, а пуще того его обстоятельный рассказ о том, какие муки и неудобства претерпел тот в Сером ущелье, довели просто до исступления, выкрикнула ему в лицо новые уничижительные слова:

— И после этого ты еще смеешь говорить, что никуда меня не отпустишь?! Что ты волновался и печалился обо мне?! Да твоя печаль и забота не более искренни, чем забота работоторговца о своем товаре. Да я лучше сдохну на месте, чем отправлюсь в путь с тобой куда бы то ни было! Ты не мужчина, Эльрис, ты грязная тряпка, клянусь Деркэто!

— Ну это уже слишком! — процедил Эльрис.

Он резко отбросил поводья в сторону, быстро протянул руки и безжалостно резко сдернул Карелу с седла вниз. Заломив ей руки назад, он быстро вытащил из ближайшего мешка веревку и, намотав ее на локти Кареле, стянул, не обращая внимания на то, что Карела лягала его, пинала и проклинала последними словами.

Нет, право же, неужели, чтобы обезопасить себя от людей, подобных кичливому и никчемному Эльрису, им следует без лишних слов и предупреждений перерезать горло при первом же удобном случае, не ожидая, когда они сами сделают первый шаг?! Ах, как жалела сейчас Карела о том, что не убила офицера раньше, когда у нее было немало шансов на это, особенно после того, как он предал ее и Табасха!

— Ох, долго я терпел, ох и долго! Но если ты не понимаешь по-хорошему, чего от тебя хотят, я вынужден учить тебя по-иному! — пыхтел Эльрис, накрепко связывая девушку.

Почти волоком Эльрис потащил Карелу прочь от дороги в заросли хилого сухого кустарника. Там он бросил ее на землю и ловко скрутил оставшимся концом веревки еще и колени девушки.

— Скотина! Осел! Грязная, надутая свинья! — Карела упражнялась в разнообразных проклятиях, и Эльрис, хоть и держался из последних сил и не набрасывался с кулаками,

готов был разорвать ее. Тем не менее, он оставил ее ненадолго, привязал лошадей, снял и принес в кусты всю поклажу. Потом некоторое время он потратил на разведение костра. Когда собранный под кустами хворост быстро и жарко воспламенился, Эльрис снова повернулся к девушке.

— Индюк! Породистый индюк! — Карела билась на сухой траве, пытаясь ослабить веревки.

Эльрис отстегнул с пояса Карелы ножны и презрительно осмотрел саблю.

— Эта игрушка тебе больше не понадобится! Я выбью из твоей головы все, что накидал туда этот проклятый демон!

— Ты болван, Эльрис! Высокородный болван!

— И слушать не желаю больше ничего из твоих вечных оскорблений! — заявил он. — Тебе пора узнать свое место! Я считал, что такая гордая и умная девушка сможет стать мне достойной подругой! Но ты как была по рождению грязной, упрямой, твердолобой простолюдинкой, такой, верно, навсегда и останешься! А значит, нет тебе иного выбора, женщина, как стать тем, на что ты сама напрашиваясь своим вздорным упрямством!

Начав быстро снимать кольчугу, Эльрис злорадно ухмыльнулся:

— Будешь самой норовистой из моих наложниц! Это лучшее, что я могу предложить тебе, Карела. Отныне и навсегда, клянусь Митрой!

— Проклятый осел! Мерзавец! Чуб ты лопнул! — закричала Карела, но Эльрис так замысловато закрутил на ней свои путы, что она не могла отбиться от его сильных рук. Руки и ноги ее оставались связанными, а с одеждой ее Эльрис решил не церемониться и, взрезав ее кинжалом, выбросил прочь обрезки тряпок.

Ну и совсем уж немного времени понадобилось Эльрису, чтобы раздеться самому. Его нога выше колена была действительно плотно перевязана куском чистого холста, но о своих ранах: подарке Бриана и новой памятке о горном обвале, Эльрис, наверняка, даже и не вспоминал, едва увидев, каким великолепным телом ему сейчас предстоит насладиться...

— У меня нет времени для того, чтобы заготовить колья и растянуть тебя между ними для пущего удобства... — часто задышав, Эльрис склонился над Карелой. — Но твоя любезная Деркэто знает тысячи способов, как доставить удовольствие мужчине невзирая на путы. Несколько из них я и намерен сейчас воспользоваться. Только веревочки эти мы сейчас перевяжем по-другому...

Крепко прижав Карелу к земле так, что она не могла пошевелиться, офирец ослабил веревку на ногах девушки и, не обращая никакого внимания на сопротивление своей резвой жертвы, принялся завершать начатое. Затянув веревочную петлю на лодыжке Карелы, он согнул ее ногу в колене и стал подтягивать лодыжку к запястьям ее стянутых в локтях рук. Поняв, в какой позе она сейчас окажется перед Эльрисом, Карела взвыла от ярости и унижения, но даже Деркэто не могла сейчас ничем помочь ей.

* * *

Грубые веревки не так уж сильно впивались в ее локти и не так уж крепко обивали колени. Но Карела все равно не могла справиться со слезами, которые стекали по вискам прямо в уши и невыносимо щекотали их. Это были слезы бессильной злобы. Ненависть клокотала в ее груди, не находя выхода. Она все готова была отдать за немедленную

возможность всадить клинок в горло офицера по самую рукоятку!

Пот Эльриса еще не просох на теле Карелы, а офицер уже мирно спал рядом с ней, выдохшись от столь тяжкого труда, как получение удовольствия от тела женщины, такового удовольствия доставлять ему никак не желающей.

Что уж тут говорить, сколько мог, Эльрис получил... Карела готова была проклинать себя за то, что родилась женщиной, и притом красивой женщиной. Сколько, право, неприятностей возникает в этом случае! Похоже, что куда больше, чем преимуществ.

Солнце уже начало опускаться, сумерки начинали постепенно окутывать высохшую степь. День, начавшийся не слишком желанной встречей с Эльрисом, ничем хорошим для Карелы завершиться не собирался.

Но постепенно Карелу стали посещать и иные мысли, кроме крайне безнадежных и жалобных. Ее руки были по-прежнему связаны за спиной, а лодыжки ее Эльрис соблаговолил отвязать от запястий, позволил жертве выпрямить ноги и лишь не очень крепко накрутил на коленях веревку, чтобы прекрасная пленница не убежала. Однако теперь ее пути перестали казаться Кареле чем-то непреодолимым. Пока ты жив, есть возможность вырваться даже из пасти самого Нергала, и что уж тут говорить о каком-то высокородном насильнике.

Ни Карела, ни сам офицер, едва натянувший на себя штаны, еще не мерзли около горящего пока костра. Чуть приподнявшись на локтях, Карела окинула взглядом вещи. Ее сабля лежала совсем рядом, в двух шагах, но для того, чтобы до нее дотянуться, нужно было, как минимум, освободить руки.

Карела снова легла и рывком перевернулась на живот. Резкое напряжение мышц — и девушка уже стояла на коленях. Веревка позволяла ей еле-еле передвигаться по траве, но через некоторое время, за которое Эльрис успел два раза перевернуться с боку на бок, Карела уже стояла около самого костра. Осторожно, стараясь не плюхнуться задом прямо в огонь, она попыталась сесть спиной к пламени и несколько раз дернула локтями, чтобы болтающийся конец веревки попал прямо в костер. Не сразу, но это ей удалось.

Теперь она сидела и ждала, когда огонь постепенно начнет пожирать веревку. Но по мере того, как огонь потихоньку двигался вверх, веревку он все-таки не сжигал. Она тлела, издавая ужасную вонь, и Карела стала бояться, что Эльрис проснется. Но офицер видел, наверное, прекрасные мирные сны, и ни о чем не подозревал.

Веревка продолжала тлеть. Локтям становилось нестерпимо жарко. Напрягая руки, Карела пыталась разорвать подпорченную огнем веревку. Она хотела сделать это раньше, чем получит ожоги.

Наконец, веревка подалась, резко ослабла, и девушка поспешила освободить руки.

— Ну теперь, досточтимый, ты у меня ударом в пах не отделаешься, жизнью своей клянусь! Уж будь спокоен, Эльрис, — злорадно пробормотала она, поскорее разматывая веревку с ног.

Но не иначе как Митра и впрямь испытывал непонятную привязанность к офицеру. Когда девушка уже вставала с земли, Эльрис открыл глаза. Ему почти не понадобилось времени, чтобы понять, что именно произошло за время его безмятежного сна. Немедленно подскочив, он схватился за меч.

Карела прыгнула, перекатилась по земле, и сабля была у нее в руке. Эх, дорого бы она дала за то, чтобы сабля ее снова ожила, как тогда, в горном храме мести! Чтобы теплый пульсирующий эфес сам направил ее руку, а сверкающий клинок сокрушил бы не только камень, но и сталь в руках проклятого Эльриса! Впрочем, направлять ее руку было бы

незачем. Карела знала, что за жертва нужна ее богине, знала, чья кровь обагрит сейчас эту землю. Или она сейчас отомстит Эльрису, или погибнет здесь сама. Но дышать с этим человеком одним воздухом она больше не собиралась!

Она поднялась ему навстречу, сжимая свое оружие, обнаженная и прекрасная, оскорблена и разгневанна, как раненая тигрица. Или нет, что там тигрица! Разве сравнится боль ущемленной и поруганной гордости с надкусанной звериной шкурой или стрелой в боку?

— Брось свою игрушку, Карела, добром прошу! — вскрикнул Эльрис, хватаясь за меч двумя руками.

Карела угрожающе молчала.

Их разделял догорающий костер. Умирающее пламя бросало пляшущие отсветы на тугую гладкую кожу девушки. Ее лицо пылало румянцем гнева, но черты были спокойны, и уже не слезинки не было в ее огромных зеленых глазах.

Боком, медленно передвигая ноги, Карела стала обходить костер. Чуть замешкавшись, Эльрис почти сразу начал движение в ту же сторону.

— Карела, опомнись! Я не хочу тебя убивать!

— А я хочу, — коротко отозвалась она и резко шагнула вперед как раз тогда, когда движущийся по кругу офирец встал так, что выюки оказались у него за спиной.

Эльрис слегка отпрянул от ее резкого выпада, не принимая его всерьез, насколько можно было судить об этом по выражению его лица, но босая нога его запнулась за угол одного из мешков, и, потеряв равновесие, офирец стал падать на спину.

— Проклятье! — взвыл Эльрис, вскачивая и с силой пиная мешок. Высокий тюк от толчка медленно завалился прямо в костер, подняв целый фонтан искр. Угол сухого мешка занялся почти сразу же, и в предвечерних сумерках костер вспыхнул с новой силой.

Карела продолжала приближаться к офирицу. Он, похоже, пытался оттянуть тот момент, когда придется скрестить оружие с женщиной. Он с радостью продолжал бы воспитание своей непокорной наложницы тем же способом, который только что опробовал, и лишний раз дырявить восхитительную бархатную кожу ему не хотелось.

Огонь охватил упавший в костер мешок. Сухие тряпки горели быстро, грозя перекинуться на оставшиеся тюки.

Нога Карелы наступила на что-то твердое. Поводив ногой туда-сюда, Карела определила — кольчуга Эльриса.

Не сводя глаз с офирица, Карела быстро присела, схватила кольчугу, взмахнула ею и прямо через костер швырнула ее с силой, метя Эльрису прямо в лицо. Бросок попал точно в цель: кольчуга облепила голову офирица.

Эльрис судорожно вцепился в кольчугу, стаскивая ее с лица, но в течение того короткого мгновения, на которое он перестал видеть, что происходит вокруг, Карела, азартно вскрикнув, метнулась вперед, перепрыгнув через разползшиеся по земле языки пламени и, не останавливаясь, нанесла удар.

Эльрис медленно стянул с головы бесполезную уже кольчугу, вскинул руку с мечом, собираясь отогнать Карелу, но вдруг вскрикнул, дернулся, рука его разжалась, выпустив меч. Пошатнувшись, он опустил голову и с удивлением смотрел, как на его животе медленно раскрывается длинный и глубокий поперечный разрез, как он стремительно заполняется почти черной кровью и как внутренности начинают выпирать изнутри...

— О, Митра! — простонал Эльрис, падая на колени, и взглянул на Карелу удивленно и

недоверчиво.

— Не думаю, что на этот раз пресвятый тебе поможет! — процедила Карела.

— Будь ты проклята! — Лицо Эльриса позеленело и покрылось крупным потом. Рана была смертельна, и офицер не мог не понимать этого. Наверняка, боль была ужасной. Он силился сказать что-то еще, но голос его не слушался. Без сил Эльрис повалился на бок, его ноги неловко подогнулись, дыхание сбилось.

Сжимая саблю, Карела медленно обошла вокруг костра и нашла, наконец, свой кинжал. Подняв его, она вернулась к Эльрису и встала перед ним на одно колено.

— Ну что, досточтимый, твой бесславный путь закончен, так я думаю?

Он открыл глаза и шевельнул губами.

— Ты слышишь меня, Эльрис?

Он не ответил, но его взгляд говорил о том, что офицер все еще слышит Карелу.

— Ты делал ошибку за ошибкой, и теперь некого винить в этом. Так же, как я поступила с тобой, я поступлю со всяkim мерзавцем! Если бы не сегодняшнее, я бы просто забыла о тебе, предатель Эльрис. Но я давно уже решила, что ни один мужчина не овладеет мной без моей воли! А если все же кто-то сумеет взять меня силой, заплатит жизнью.

Эльрик кашлянул. Из рта его потекла кровь. Собравшись с силами, он вздохнул и прошептал:

— Добей меня, Карела...

— Что ж, пытать тебя я не собираюсь, — задумчиво произнесла девушка и одним четким ударом всадила кинжал в горло Эльрису. — Прощай, высокородный.

Глаза Эльриса медленно потухли.

Поднявшись на ноги, Карела огляделась.

Вещи лениво горели, огонь постепенно перекинулся на все мешки и на все тряпки, валяющиеся вокруг костра. Раскрошенная одежда. Карелы тлела там, куда швырнула ее Эльрис, и уже не могла пригодиться своей хозяйке.

Уязвленная гордость Карелы была отомщена, но как ей быть теперь, она не представляла. Все, что у нее теперь осталось, это четыре лошади и верная сабля Деркэто. На этот раз даже меньше, чем тогда, когда она покидала Серое ущелье. Правда, тогда лошадь была у нее всего одна, но кроме того была одежда, а ради того, чтобы укрыться от холода, окутывающей ночную степь, она согласилась бы отдать лишних лошадей. На что они ей? Она же не собирается тащить за собой всякий хлам, как это добросовестно делал Эльрис. Да и нет теперь у нее никакого хлама.

Карела нашла и подняла с земли ножны от сабли и медленно побрела к привязанным лошадям. Несколькими взмахами она перерезала поводья. Животные удивленно мотали головами, не понимая, что от них хотят. Но Карела взяла только своего коня и медленно повела его в поводу, двигаясь вдоль дороги.

Она была уже на приличном расстоянии от костища, рядом с которым нашел свою смерть высокородный Эль-рис, как где-то в стороне послышался стук копыт.

Четыре лошади галопом неслись от костища в ее сторону. Люди, сидящие верхом, держали в руках обнаженные клинки, и даже в надвигающейся темноте это было ясно видно.

Первым порывом ее было вскочить на лошадь и скакать, скакать, пока хватит духу. Но она тут же поняла, что если всадники догонят ее, она не сможет отбиваться от них в полную силу. Обнаженная женщина на лошади — слишком хорошая жертва для четырех клинков.

Бросив повод, Карела метнулась в сторону и помчалась вдоль узкой балки, полого

спускающейся между двумя холмами. Может быть, хотя бы укрыться где-нибудь. Лошади все же не собаки».

Она присела за густыми перепутанными ветвями какого-то степного кустарника. Всадники промчались где-то совсем рядом, по склону одного из холмов. Еще некоторое время Карела сидела на земле, притаившись, и наконец, когда стук копыт уже растаял в воздухе, вышла из своего укрытия.

В степи было тихо. Ветер трепал длинные волосы Карелы, сухие травинки и какие-то колючки застряли в пышных волнистых прядях. Босые ноги Карелы были мало привычны к земле, но все-таки это не были осклизкие горные камни, а прохладная суховатая трава. Поэтому на холод она старалась не обращать внимания.

...Что-то стремительно промелькнуло у нее перед глазами, и тугая грубая веревка сразу же врезалась ей в горло. Кто-то накинул удавку, смутно поняла она. Боль... Дыхание остановилось....

Карела очнулась на земле. В уши ей сразу же ударил громкий гортанный мужской хохот.

— Нет, Жузе, ты только подумай... Она посчитала, что самая хитрая! Думала, что сможет провести Моранаса, — давясь смехом, проговорил молодой густой голос, и говорившего тут же снова оборвал необузданный утробный смех нескольких человек.

— А хороша девка-то, слов нет, как хороша, — обронил кто-то сквозь смех.

Карела открыла глаза и вскочила на колени. Смех сразу же стих. Вокруг стояли четверо мужчин. Они были вооружены, но одеты странно. На голове одного из них, носящего короткий полосатый иранистанский халат, красовался неизвестного происхождения помятый шлем, из-за чего узкое вытянутое лицо мужчины становилось весьма потешным. Второй, очень смуглый, почти темнокожий, с кривыми ногами колесом, носил куртку, расшитую кусочками пестрого меха. Еще один, довольно молодой и крепко сбитый, был в тяжелом шерстяном плаще, одетом прямо на голое тело и в широченных шароварах. Его длинные темные выющиеся волосы были грязны и растрепаны, а нос явно был когда-то переломан и теперь напоминал кривой хищный клюв.

Только разбойники, живущие тем, что смогут награбить, могли так выглядеть. Поняв, что ее дела плохи, Карела запоздало и бесполезно выругала себя за неосторожность. Но ничего поделать уже было нельзя. Она медленно встала на ноги.

У четвертого разбойника и была та самая веревочная удавка, которую Карела попробовала на себе. Мужчина вертел ее в руках и улыбался во весь рот, показывая всему свету обломанный почти под корень клык. Он единственный из всей компании был одет в удобные штаны по размеру и в куртку из мягкой кожи. Весельчак был тоже молод и, судя по всему, именно он и был тот самый Моранас, который хвалился теперь перед приятелями своей исключительной ловкостью. Ну как же, женщину отловил! Мерзавцы этакие, подумала Карела, окончив рассматривать тех, в чьи руки она попала на этот раз.

— Иногда нам везет, иногда не везет, — весело проговорил парень с удавкой. — Но чтобы в сети попадалась такая птичка, такого давно уже не случалось.

Карела быстро оглянулась по сторонам. Но ее сабля вместе с ножами была в руках у молодца с перебитым носом.

— Я думаю, что Таниус простит нам сегодня то, что мы ничего не добыли. За одну только эту птичку он сменит гаев на милость. Она у нас перевесит поклажу целого каравана, клянусь хвостом Нергала, — добавил весельчак. — Ну а пока... Давай-ка, девочка, будь умницей и потешь бедных усталых путников.

Он протянул руку к груди Карелы, но она резко пнула его ногой в колено. Кривоногий и тот, что был в полосатом халате, схватили ее с двух сторон, заломили руки, едва не поднимая ее над землей.

— Врежь ей, Моранас, чего ты смотришь? — злобно сказал кривоногий.

Выругавшись, Моранас потер ушибленное колено и уже занес было руку для удара, как совсем рядом раздался стук копыт. Прямо из-за гребня холма выскочил всадник. Разбойники схватились за оружие, но Моранас, все еще морщась, махнул рукой:

— Спокойно, ребята, это Ордо.

Ослабившие было хватку мужчины с новой силой стиснули Карелу. Вновь приехавший соскочил с коня и быстро сбежал с холма в балку.

— Чтоб вам пусто было, парни! Таниус рвет и мечет, — загремел низкий басовитый голос. Прибывший оказался мощным человеком огромного роста. Он был широкоплеч и мускулист, казалось, напрягись он, и мышцы его непременно порвут куртку по швам. Он был не молод, а может быть так только казалось в надвигающейся темноте. Хотя в его темных волосах еще не было видно седины, почти черная короткая борода придавала его лицу лишний десяток лет. В ушах чернобородого болтались блестящие кольца. Правой рукой он сжимал рукоятку короткой плети и постукивал ею о раскрытую левую ладонь. — Что вы тут потеряли, в этой балке?

Его взгляд упал на Карелу, и слова застряли у него в глотке.

— Во имя Митры, Моранас, ты воюешь с детьми? — проговорил он.

— Протри глаза, Ордо! — сплюнул Моранас. — Много ты видел детей с такими формами? Дети по степи голыми не ходят!

— Ну да, — крякнул чернобородый Ордо, не отрывая взгляда от Карелы. Его блестящие в темноте глаза загорелись еще сильнее. Чувствовалось, что ему никак не хотелось смотреть в какую-либо другую сторону. — А все-таки, Моранас... Твой братец в лагере бушует. Думает, что какие-нибудь караванщики вас уже положили на дороге. А вы тут с девицами развлекаетесь.

— Развлечешься ты с ней! — Моранас схватил Карелу за волосы на макушке. — Строптивая, сука!

Не тратя лишних слов на мерзавца, Карела просто плонула ему в лицо. И зажмурилась, ожидая хлесткого удара сильной мужской руки.

Но удара не последовало. Открыв глаза, Карела увидела, что Ордо перехватил уже занесенную руку Моранаса. Мускулы на руках мужчин вздулись, лица были перекошены. С напряжением, но Ордо сдерживал напор более молодого Моранаса.

— Не встrevай, Ордо, куда не следует, — процедил Моранас.

— Если ты подпортишь своему брату подарок, он тебя не похвалит, уж это точно, — быстро ответил ему Ордо. — Ты хочешь с ней развлечься? А ты не помнишь, случайно, как поступает Таниус с теми, кто перебивает у него девок? Он не посмотрит, что ты ему брат, пустит кровь, и все дела!

— Выслуживаешься, собака?! — яростно прошипел Моранас, но руку опустил. — Ну и спрavляйся с ней сам, как сможешь! Но если проворонишь — пускать кровь будут тебе!

Ордо шагнул к Кареле, одной рукой оттолкнул в сторону кривоногого разбойника:

— Отойди, Жузе, нечего лапать добычу твоего атамана!

Второй из держащих Карелу сам разжал руки. Ордо ловко перехватил локти Карелы и потащил ее вверх к своей лошади. Уже сядясь в седло и затаскивая наверх Карелу, он крикнул

вниз:

— Абериусу и Двару велено оставаться и дежурить на дороге! А тебя, Моранас, братец видеть желает... с нетерпением!

Последние слова Ордо произнес злорадно. По всему было видно, что Моранас и Ордо были в отношениях далеко не приятельских.

Карелу бородач усадил перед собой и мощной рукой зажал ее в настоящие тиски.

— Будешь рыпаться, рыжая, голову откусу! — пообещал он и взял с места галопом.

Угроза оставаться без головы после всего пережитого Карелу не очень-то сильно тревожила. Рыпаться же ей не давала железная рука чернобородого разбойника. Его резвый конь вырвался далеко вперед, и хотя сзади все равно стучали копыта еще двух лошадей, она с ненавистью мотнула головой и прошипела:

— Отпусти меня! Грязный подонок! Отпусти немедленно, или ты за все мне заплатишь!

— Ха! — коротко ответил Ордо.

— Ты боишься своего атамана? — воскликнула Карела. — Как же, ведь тебе пустят кровь, если он не получит своего подарка! Разрази тебя Деркэто, бандит! Неужели все мужчины всего лишь низкие трусы?!

— Если я отпущу тебя сейчас, дурочка, а они это увидят, Моранас может тебя и прирезать сгоряча, — невозмутимо ответил Ордо, и не думая даже хоть немного ослабить нажим. Скорее всего, ему просто нравилось тискать мягкое тело девушки, пользуясь случаем, поэтому он с надлежащим рвением изображал бдительного стража.

— А потом? — уточнила Карела. — Что вы собираетесь делать со мной?

Ответом ей был мрачный смешок. Потом Ордо пояснил:

— Знаешь, рыжая, тех, кто разгуливает по степи в чем мать родила, ждет один конец. Таниус поиграет с тобой несколько ночей, потом Моранас по праву его брата, потом Жузе, ну, тот, с перебитым носом, как первый друг Моранаса... Потом ты окажешься под тем, кто сумеет быть ловчее прочих и отвоюет себе право отхватить от тебя кусок посвежее.

А не много ли на сегодня тех, кто жаждет отхватить от меня кусочек, мрачно подумала Карела. Но она прекрасно понимала, что слова чернобородого звучат более чем правдоподобно.

— Если ты при этом постараешься быть хорошей девочкой, есть надежда, что останешься жива, — добавил Ордо. — Тогда Таниус потом продаст тебя в какой-нибудь трактире.

Карела изловчилась и впилась зубами в обнимающую ее крепкую руку.

Ордо застонал, дернул рукой и рявкнул:

— Нергал тебе в печеньку! Еще выкинешь что-нибудь подобное — свяжу и брошу поперек седла, как овцу! Поняла, рыжая?! Въедешь в лагерь кверху своим пухлым: задом!

И Карела затихла. Спорить с бородачом было бесполезно. Она хорошо понимала, что если бы этот немолодой разбойник не появился в балке, то оставаться одной против четырех бандитов означало бы для нее жестокое насилие и верную смерть. То, что пообещал Ордо, было немногим лучше того. Но пока она жива, можно надеяться. И она надеялась, то ли на чудо, то ли на защиту и покровительство Деркэто, не особо представляя, что могущественная богиня может предпринять в сложившихся обстоятельствах.

Впереди, за холмом открылось пространство, поросшее некоторой растительностью: все теми же крайне изможденными и хилыми кустарниками высотой не более человеческого роста. Среди этих кустов, в низине, заслоненной от проезжих дорог гребнем высокого холма,

горели костры, много костров, никак не меньше десятка.

Ордо на всем скаку пронесся в самую середину выпотанной балки и осадил своего коня. Сняв Карелу с седла, он шлепком ладони по крупу лошади отправил животное восвояси.

Нестройный гул голосов стих почти сразу же, как Ордо поставил Карелу на землю. Отовсюду, от всех костров потянулись разбойники. Это была полупьяная толпа, одетая настолько пестро, что в свете многочисленных костров они казались каким-то потусторонним воинством.

— Вот это добыча так добыча. Настоящее сокровище, не то что на той неделе. За такое пиршество и пару голов срубить не жалко.

Кольцо вокруг бородача и девушки сужалось. Карела настороженно слушала восхищенные реплики пополам с грязными замечаниями.

— Вот это подарок! — раздался совсем рядом грубый мужской голос, и все прочие сразу же притихли.

Карела взглянула налево. Там стоял высокий плечистый мужчина с голым торсом. Длинные белые волосы прямыми прядями спускались ему на спину, а впереди залысины оголяли его лоб почти до самой макушки. Пышные усы и выпученные глаза придавали ему грозный вид человека, который бьет, не задумываясь. На поясе его висел огромный кинжал. Уперев в бока громадные кулаки, он разглядывал Карелу, как разглядывал бы лошадь на базаре.

— Ну вы подумайте, бывает же! Отличное средство против моего отвратительного настроения. Где же ты достал такую роскошь, Ордо?

— Это я ее достал! Я! — грубо расталкивая людей, в самый центр круга протиснулся Моранас, а позади его шел Жузе.

— А-а, ты, братец, язви свою душу! — ощерился беловолосый, который, как видно, и был тем самым Таниусом. — Где тебя носит целый день? Я тебя ведь отправил в дозор, а не девок лапать!

— Никого я не лапал! — взвизгнул Моранас.

— Рассказывай! — мрачно усомнился Таниус.

— Это он тебе наговорил, да?! — вскипел Моранас, показывая пальцем на Ордо. Но поскольку вокруг было десятка три свидетелей того, что Ордо, приехав, и рта не раскрыл, балку огласил многоголосый хохот. Бандиты откровенно поднимали на смех ершистого брата своего предводителя.

— Мне не надо наговаривать, я тебя знаю, как облупленного! — хохотнул Таниус, но сразу же стал серьезным. — Я тебя отправил добычу искать, и что?!

— Не было никого на дороге, — мрачно нахмурился Моранас.

— Неужели? — злобно прищурился Таниус. — А эта птичка по степи одна летала?

— Одна, — отозвался Моранас.

— И голая? Точно-точно... — Таниус помолчал, а потом рявкнул. — А ну, выворачивай карманы!

— Да не было у нее ничего! — взмолился Моранас. Наверное, он уже жалел о том, что связался с девчонкой. Ордо не дал ему попользоваться ею, а брат теперь вдоволь отыграется на Моранасе за то, что уже который день весь отряд сидит без дела и без добычи... Тут его взгляд упал на приятеля, и Моранас бросился к Жузе, срывая с его пояса ножны Карелы. — Вот и все, что у нее было, Таниус!

— Что-о-о? — Таниус взял в руку ножны и осмотрел эфес. — Эта штучка, конечно, кое-чего стоит. Старинной работы...

Таниус вынул клинок наружу и повертел, рассматривая оружие в отблесках света.

— Несомненно, старинная, а выглядит, как новая. Очень интересно. Ну да ладно. — Таниус покосился на Карелу. — Неужели, она и в самом деле твоя? А, птичка?

Карела рванулась, но твердая рука Ордо цапнула ее за локоть.

— Ее, ее, — поспешил подтвердил Моранас.

— Может, ты и держать ее в руках умеешь? — усмехнулся Таниус, подходя к Кареле вплотную.

— А ты дай ее мне, тогда узнаешь! — процедила она.

— А что, это мысль! Это нечто новенькое! — Таниус оживился.

Он внезапно схватил Карелу одной рукой и крепко прижал к себе под азартные крики пьяной толпы. Карела напряглась, содрогаясь от негодования и брезгливости. Она уже подумывала, не вцепиться ли зубами в крепкое потное тело, но Таниус шлепнул ее ладонью по заду и мягко оттолкнул.

— А ну, расступитесь, расступитесь пошире! — Таниус пошел по кругу, расталкивая своих людей, некоторые из которых уже качались из стороны в сторону и едва не падали с ног.

Когда он оказался на приличном расстоянии от Карелы, Ордо чуть придинулся к ней и спросил шепотом, не поворачивая головы и глядя совсем в другую сторону:

— Слушай, если он затеет битву, ты сможешь продержаться хоть немного?

— Какое тебе дело, мерзавец? — огрызнулась Карела.

— А такое, что там караван на подходе. Вот-вот Абериус вернется с донесением, тогда о тебе враз забудут, и я дам тебе лошадь...

Сердце гулко заколотилось в груди Карелы. Как-то не верилось ей, что чернобородый сказал это всерьез. Разве ж способны такие люди на добре дело? Да и с какой бы стати ему оказывать ей такую услугу? Если она останется здесь, то Ордо запросто отвоюет для себя четвертую очередь и будет следующим за кривоносым Жузе... Не зря же он так пялился на нее в степи.

— А пошел ты! — прошипела Карела, потому что ей показалось, что Ордо ждет ее ответа. Но чернобородый, сделав вид, что ничего не слышал, упрямо повторил:

— Продержись! — и отошел в сторону.

Закончив расчищать место для своей забавы, Таниус повернулся к Кареле и, вынув из ножен кинжал, пошел к ней, держа в левой руке ножны Карелы и протягивая их эфесом вперед.

На довольной лоснящейся роже бандита играла широкая улыбка. Пожирая глазами обнаженную девушку, он приглашал ее поучаствовать в новой интересной игре.

ГЛАВА 10

Глядя на медленно приближающегося бандита, Карела чувствовала странное отупение и растерянность. Кажется, ей только что велели продержаться. Но ради чего? Надеяться, что проходящий караван отвлечет разбойников? Но план Ордо показался Кареле надуманным. А если караванщикам взбредет в голову повернуть на развилке совсем в другую сторону? Продержаться... Легко сказать.

Таниус подошел совсем близко и с нехорошой сальной усмешечкой протянул ей ножны эфесом вперед.

Да, Ордо, конечно, молодец. Горазд советы давать. Продержаться... Надо было бы поинтересоваться у чернобородого, как он себе все это представлял, когда отдавал свое распоряжение и отходил в сторону. Интересно, как это Карела продержится против такой огромной лоснящейся от пота обезьяны? Если бы дело шло о битве насмерть, тут и разговоров никаких быть не могло бы, и никаких особых надежд на свою ловкость, и хитрость возлагать не приходилось бы. Карела прекрасно знала свои возможности. Если такой противник, как Таниус, задастся целью убить девушку, надолго умений Карелы не хватит, это точно.

Но в том-то все и дело, что, как поняла Карела, убивать ее Таниус не будет. Он хочет всего лишь позабавиться, погонять обнаженную женщину по кругу на потеху себе и своим людям.

Стоит ли доставлять им это удовольствие? Держаться изо всех сил ради того, чтобы пьяная толпа получила вожделенное зрелище? А после всех усилий еще и оказаться в его грязных лапах? Ну уж нет. Чем потешать разбойников, лучше прекратить это все сразу и навсегда.

И сделать это можно только одним способом: опередить и нанести удар при первой же возможности, когда этого меньше всего от нее ждут.

Поэтому, когда эфес сабли Деркэто коснулся ее груди, Карела криво усмехнулась, глядя прямо в глаза Таниусу, а затем медленно потянула саблю из ножен.

Едва кончик клинка вышел из ножен, Карела, даже не шевельнув рукой и не делая никакого замаха, сделала быстрый четкий выпад. Всего лишь резкий стремительный шаг вперед, направляя саблю в мускулистый живот Таниуса.

Она почувствовала, как упругое сильное тело всего лишь на мгновение задержало движение клинка. Сабля пронзила Таниуса, так быстро и мягко взрезая кожу и рассекая внутренности, что он сам этого поначалу не ощутил и продолжал плотоядно улыбаться.

Но те, что стояли вокруг и с восторгом предвкушали развлечение, увидев, как из спины их предводителя вышел окровавленный клинок, сначала затихли, а потом завопили на разные голоса.

Ощущив в теле смертоносную сталь и ее огонь, Таниус побледнел и руцищами, в которых голова Карелы могла спрятаться целиком, крепко стиснул плечи девушки, словно пытаясь оттолкнуть ее прочь, не понимая, что все его усилия уже тщетны. Она вскрикнула от боли и с трудом повернула эфес, проворачивая клинок внутри тела. Руки Таниуса разжались, хотя и не сразу. Он вдруг захрипел, открыл рот, из горла его хлынула кровь.

Вытащить клинок из тела Таниуса оказалось куда труднее, чем поразить человека, стоящего совсем близко и не ожидавшего от женщины такого выпада. Но Карела знала, что

медлить нельзя, потому что убийство атамана даром ей не пройдет. Напрягшись и даже уперевшись ногой в живот уже падающего в пыль Таниуса, Карела вытащила саблю из мертвого тела. Рослый мощный разбойник рухнул ей под ноги. Кровь напоследок выплеснулась из его рта на утоптанную землю и больше не текла.

— Так будет с каждым, кто приблизится ко мне ближе, чем на длину моего клинка! — выкрикнула Карела, отходя на пару шагов от тела.

Наверняка, никто из бандитов даже не допускал мысли, что их предводителя зарезать так же легко, как курицу на дворе трактира. И уж конечно они не ждали, что красавица, пойманная в степи, не побоится начать по-настоящему смертельную игру с сильным мужчиной, и не только не побоится начать, но и завершит эту игру стремительно и блестяще.

— О, боги! — раздался какой-то неживой голос Моранаса. — Эта мерзкая убила моего брата!

Карела быстро перевела взгляд на Моранаса. Вот и второй ее противник. Лицо разбойника было перекошено, и хоть руки его дрожали, его стоило принять всерьез. Даже некоторая оторопь, о которой свидетельствовала эта дрожь, не помешает ему хороенько проучить Карелу.

Кривоносый смуглый Жузе, как тень следующий за своим приятелем, тоже схватился за оружие.

Двое сразу? Это более чем серьезно. Но отказаться от этого сражения никак не получится. Карела перехватила саблю в левую руку, провела правой влажной ладонью по бедру, встряхнула рукой, сбрасывая напряжение, и снова удобно и ловко перехватила свое верное оружие. Сегодня сабле Деркэто предстояло уже третье испытание. Для одного вечера это было многовато, и Кареле очень хотелось сделать это третье испытание последним. Разумеется, последним только на сегодня.

Моранас и Жузе двинулись вперед. Сделав несколько шагов, они слегка разошлись и начали обходить Карелу с двух сторон. Пока один из них не оказался у нее за спиной, девушка постаралась отбежать как можно дальше от Таниуса, чтобы труп не путался под ногами.

Оба разбойника бросились на нее одновременно. Отскочив в сторону, Карела все-таки заставила их столкнуться лицом к лицу друг с другом. А потом только они повернулись к девушке. Теперь оба бандита были прямо перед ней. Клинки у обоих оказались довольно тяжелыми. Жузе угрожающе вертел над головой каким-то длинным палашом, а Моранас выставил вперед довольно грозный меч. Меч показался Кареле очень знакомым. И не зря. Это был меч благородного Эльриса, и ничто иное. Моранас все-таки нашел чем поживиться у кострища, у которого грелся зарезанный Карелой офицер.

Все это промелькнуло в голове Карелы и забылось сразу же. Только засела в голове одна крайне назойливая мысль: если все же хочешь выжить сегодня, столкновения с клинками Моранаса и Жузе стоит избегать как можно дольше. Вышибить ее сабельку могут запросто. Но Карела не была бы Рыжим Ястребом, если бы два грозных бандита могли запугать ее окончательно. Даже напугав Рыжего Ястреба, заставить его прекратить борьбу невозможно.

Уворачиваясь от свистящих клинков двух громил, Карела металась по отведенной ей площадке, подпрыгивая, приседая, то пряча голову в плечи, то бросаясь вперед. Попытки разбойников зажать ее в кольцо были безуспешны, и это не могло их не разозлить. Несколько раз запнувшись о труп Таниуса и задев пару раз друг друга плечами, бандиты совершенно разъярились. Что и говорить, Карела, в другой обстановке моментально вспыхивающая от неосторожного слова, в сражении умела быть хладнокровной и спокойной, чем заводила

своих противников.

Первым ошибся Жузе. Пытаясь достать Карелу очередным ударом, он решил, что предугадал следующее движение девушки. Но она рванулась совсем в другую сторону, и Жузе, не желая сдерживать удар, попытался изменить положение и, неловко повернувшись, упал на одно колено. И Карела, отпрыгивая от огирского меча Моранаса, по пути рубанула Жузе поперек груди. Она не стала взглядываться в результат, но готова была поклясться, что Жузе если и не убит, то опасности для нее больше не представляет. Оставался разъяренный Моранас.

Молодой злобный разбойник оказался довольно опасным и настырным. Дело ясное, никаких теплых чувств к лысоватому самодуру он не испытывал, но он конечно же мнил себя наследником безграничной власти своего брата. Если не Моранас приструнит мерзавку, то кто же? Если он, как и Таниус, собирался держать своих бандитов в страхе, нужно было соответствовать тому положению, на которое Моранас претендовал. И первое, что надо было ему сделать: безотлагательно предпринять хоть что-нибудь, чтобы рыжеволосая женщина нашла свою смерть здесь и немедленно.

Мужчина, решивший убить женщину, убьет непременно, но... только если женщина ему это позволит!

И Карела поняла, что иного выхода у нее нет, кроме как перейти от защиты к нападению. Собравшись, девушка удвоила скорость своих стремительных уверток и выпадов, то с одной, то с другой стороны нанося легкие удары. Ощущив, что Моранасу уже не так легко поспевать за ее летящими движениями, Карела выбрала совсем неуловимый миг, когда Моранас сбился с ритма и совсем немного открылся... Клинок Деркэто впился ему в шею у самого основания, прямо над ключицами. О, этот клинок был поистине настоящим хищником! Он знал, где у врагов самые лакомые кусочки, и откуда следует откусить, чтобы ужасные раны и поток крови повергли вольных или невольных зрителей в трепет.

Еще живые глаза Моранаса выпучились от боли и ненависти, но его голова, уже наполовину отделенная от тела, отвалилась на плечо. Карела отпрыгнула в сторону, не желая, чтобы хлынувшая широкой струей кровь пролилась ей на ноги.

Остановившись посреди круга, в середине которого лежали жертвы клинка Деркэто, Карела сжала эфес двумя руками и медленно повернулась кругом, разглядывая разбойников: не желает ли кто-то еще вступить с ней в бой.

Лица столпившихся вокруг бандитов не выражали никаких четких желаний. Время шло, а на лицах просматривалось только безграничное удивление и замешательство. На всех лицах абсолютно. Даже чернобородый Ордо, стоящий совсем рядом и стиснувший рукоятку своего меча, раскрыв рот, смотрел то на Карелу, то на тела в пыли, и вид у него был самый что ни на есть ошарашенный.

Желающие один на один выйти на битву с женщиной как-то не спешили о себе заявлять. Идея поединка с рыжеволосой девчонкой не казалась им больше хорошим развлечением.

Карела утерла локтем пот со лба, откинула назад пряди волос и снова крепко ухватила свою саблю.

— Ну же, грязные подонки, кто следующий? — произнесла она в тишине.

А тишина была поистине мертвей. Казалось, что мертвы не только предводитель и его ближайшие приспешники, но и вся шайка, лишившаяся враз всей своей верхушки, совершенно помертвела. Или уж по крайней мере потеряла дар речи. В зловещей тишине было слышно только потрескивание костров.

Таниус, проткнутый насеквоздь, как цыпленок вертелом, был уже мертв. Морана, отсеченная голова которого едва держалась на ключке кожи, залил своей кровью все вокруг. У ног Карелы еще судорожно дергал ногами Жузе, но ни у кого пока не возникало желания оказать ему помощь. Он был обречен уже потому, что рядом с ним в настороженной грозной позе стояла необыкновенно красивая и совершенно безжалостная к своим врагам женщина.

Расставив ноги и откинув за спину пряди волос, Карела грозно стояла с саблей на изготовку и молча ждала. Долго разбойники в оцепенении не пробудут, это было ясно.

И они зашевелились. Сначала только некоторые, самые решительные, потянули оружие из ножен.

«Сейчас они все кинутся на меня, — поняла Карела. — И от меня совсем ничего не останется. Что ж, так все же лучше, чем переходить из одних потных лап в другие...»

Вряд ли все эти пьяные негодяи были нежно привязаны к своему беловолосому предводителю. И если они сейчас, глухо ворча, медленно приближались к Кареле со всех сторон, то вовсе не из желания немедленно отомстить за смерть Таниуса и его прихвостней. Карела была готова поклясться, что гонит их на расправу задетое мужское самолюбие, и только. Как же это, какая-то пигалица так стремительно порубала трех самых сильных и наглых мужчин из их шайки, что никто и глазом моргнуть не успел! Разве такое бывает?

Кольцо смыкалось. Перекошенные тупой яростью лица замелькали, сливаясь для Карелы в одно пестрое кольцо. Сейчас все будет кончено...

— Эй, эй, вы что, с ума посходили?! — загремел над ее головой густой голос Ордо.

Чернобородый бандит с блестящими серьгами выскочил на середину круга прежде, чем хоть один из клинков коснулся тела Карелы. Один Ордо не мог заслонить девушку от разбойников, надвигающихся со всех сторон, но вид у него был довольно решительный.

— А ну, назад! Головы на плечах у вас есть? — мощные руки Ордо взвились вверх. — Что вас разбирает, приурки? Из ума выжили? Тогда в ваши головы надо вбить немного ума, но не вынуждайте меня обнажать меч и учить вас!

Люди остановились. На их лицах ярость мешалась с недоумением.

— Что ты защищаешь эту суку, Ордо?! — взвизгнул кто-то сбоку. — Голову ей снести, да на кол!

— Таниус заплатил за собственную дурость, и эти двое были немногим его умнее! — выкрикнул Ордо и, видя, что многие не оставили желание убить девушку, все же схватился за меч. — Вы что, хотите последовать за ними?

Его меч зазвенел о чей-то клинок, и раздался тот же молодой визгливый голос:

— Уж не ты ли отправишь нас вслед за ними? Не лезь, парень, не в свое дело! Или ты думаешь, Ордо, что мы побоимся справиться с этой рыжей бестией?

— Да послушайте же вы меня! — зычно громыхнул Ордо.

Разбойники остановились. Чернобородый оглядел всех и нарочито лихо спрятал свой меч обратно в ножны, желая показать, что он не желаетссориться с товарищами.

— Стоит ли с нейправляться? — Ордо шагнул и встал вплотную к Кареле. — Или Таниус был вашим любезным дружком? Лучше подумайте о том, что мы потеряли троих не самых худших бойцов, хоть они и были болванами, да упокоит Митра их души. Но мы лишились троих, так зачем же убивать эту женщину, которая хотя бы одного из них, но может заменить?!

— Ну, троих не заменит даже эта шустрая стервочка, — угрюмо возразил кто-то, и Ордо кивнул:

— Еще бы, ведь она всего лишь девчонка. Но в нашем деле каждая лишняя сабля может пригодиться, а эта женщина показала вам, как нужно владеть оружием. Разве не так?

Бандиты недоверчиво загудели.

— И неужели мы будем терять такого бойца? — продолжал вопрошать Ордо. — Да и потом, не надоело ли вам подбирать обедки после Таниуса? Пусть эта женщина сама выберет из нас того, кого захочет, и останется с нами. Разве же это будет не справедливо?

Уж не считает ли этот бородатый кусок мяса, что именно его Карела выберет в благодарность? Девушка вскинула голову и покосилась на чернобородого:

— Что ты несешь, мерзавец? Чтобы я с вами?..

— Молчи, рыжая! — угрожающе прошипел Ордо и взмахнул рукой: — Ну что, вы уяснили себе, что я вам толкую? Или, если хотите, можете испытать ее еще раз. Ну?! Кто первый?

Разбойники заворчали. Многие с лязгом заталкивали оружие в ножны. Карела кожей чувствовала напряжение, исходящее от Ордо. Бандит защищал ее, это было совершенно очевидно. Неужели он стал бы биться со своими же товарищами, если бы они не послушали его? Похоже, что он был к этому готов.

Постепенно плотный круг бандитов рассосался. Карела стояла и смотрела, как люди расходятся обратно к кострам, приглушенно переговариваясь и перегутиваясь друг с другом.

— Кажется, время мы выиграли, — пробормотал Ордо. Карела подошла к трупу Таниуса и выдернула из его левого кулака свои ножны.

— Пойдем-ка со мной, — Ордо подошел и взял Карелу за локоть.

Она резко вырвалась:

— Только попробуй тронь меня своими грязными лапами, и я срублю тебе башку!

— Да нужна ты мне... — удивленно протянул Ордо. Его лицо стало немного разочарованным. Но он вздохнул и нахмурился: — Так и будешь ходить голышом?

— А что? — Карела с вызовом прищурилась.

— Ничего. Но не стоит дразнить ребят. Женщины нам попадаются частенько, да и на постоянных дворах мы бываем, но, глядя на тебя, не каждый согласится долго ждать, пока ты соблаговолишь его выбрать. Будешь долго выставлять груди напоказ, кое-кто может и не сдержаться, как считаешь? — ехидно спросил Ордо. Можно было бы и рассердиться. Но не признать правоту Ордо было бы смешно.

— Ну так дай мне что-нибудь! — раздраженно отозвалась Карела капризным тоном.

— Ну так иди за мной, рыжая! — оскалился Ордо. — А то и вести себя не даешь, и сама с места не трогаешься! Что, не веришь до сих пор, что пока жива?!

Карела взмахнула своей саблей и ударила наугад, но ее оружие зазвенело о сталь меча Ордо. Бородач тоже оказался весьма проворным, и когда только он успел отразить ее выпад?

— Ну ладно, ладно тебе, — примирительно сказал он. — Иди за мной, я сейчас кое-что найду.

Чернобородый отвел ее к крайнему костру и принялся рыться в каком-то мешке.

— Помер вчера дружок мой, — произнес Ордо с ноткой искреннего сожаления. — Стасил у Жузе жемчужное ожерелье, дурак, да спьяну стал хвалиться перед ребятами. Ну, Жузе его и проткнул, не глядя. Это у нас обычное дело. Тянут добро из чужих мешков, а потом глотки друг у друга режут... Два дня помучался Фархан, да и помер. Роста он был неказистого... Так тебе в самый раз его тряпки придутся.

С содроганием приняла Карела темно-синюю рубаху с таким широченным воротом, что

девушка вся целиком могла в него пролезть. Рубаха была мало того, что длинная и широкая, так она еще и задубела от давно засохшего пота. То, что должно было, видимо, быть штанами, выглядело не лучше, а пожалуй даже и хуже. Подвязать штаны пришлось сначала веревкой, а потом уже подпоясаться. В довершение всего Ордо поставил перед Карелой седые от пыли и грязи сапоги с такими просторными голенищами, что ходить в них было совершенно невозможно: с каждым шагом они сваливались с ноги.

— Твой друг слоном не был ли, случаем? — проворчала Карела, болтая в сапоге ногой.

— Не нравится? — уточнил Ордо, с улыбкой косясь на нее.

— А тебе понравилось бы? — огрызнулась девушка. — Какое убожество!

— Знаешь, рыжая, если хочешь одеться получше, прежде придется хорошенко помахать сабелькой, — назидательно сказал Ордо. — Ты ведь в этом мастерица. Что добудешь, то и твое. А то можно устроиться проще и умнее: стать верной подругой удалому молодцу, который захочет сам добыть тебе богатую одежду да жемчужное ожерелье, а взамен ничего не попросит, только улыбку да горячие ласки.

— Сдается мне, ты на себя намекаешь, Ордо? — Карела снова начала сердиться. Слова бандита ей не нравились.

— А хоть бы и на себя! — чернобородый приосанился и повел плечами. — Со мной не пропадешь, рыжая. Я их смогу на место поставить. И ты на всех будешь королевой смотреть.

— Чтобы смотреть королевой, ты, разбойник, мне совсем ни к чему. А на место поставить я и сама могу, — проворчала девушка и кивнула туда, где по-прежнему валялись три трупа. Она уже застегивала на талии пояс с ножнами. Положив ладошку на эфес, она явственно уточнила: — Так ты поэтому и бросился на них, что уже решил, будто бы я охотно пойду под твое покровительство?

— Ну не то чтобы решил, — промямлил Ордо, поглядывая на маленькую кривую саблю Карелы. — Но сначала надеялся. Хороша ты, рыжая, что и говорить. Да к тому же ты отчаянно храбрая и, по-видимому, умна. Другая на твоем месте поняла бы, что для нее выгодней. Старый Ордо не обидит, оденет и накормит...

— Тогда ты не там ищешь себе подругу, разбойник! Ты и теперь надеешься?

— Да что я, осел, что ли? — возмутился Ордо. — Мне уже немало лет, и я могу отличить львицу от козочки! Я не хочу, чтобы мне невзначай отхватили что-нибудь под горячую руку... Как звать-то тебя, рыжая?

— Карела, — машинально ответила она, но тут же спохватилась и добавила. — Карела Рыжий Ястреб!

Сказано это было таким гордым и яростным тоном, что Ордо вздрогнул и кивнул:

— Во-во, я и имел в виду, что отличу ястреба от голубки.

Разбойники вокруг зашумели, повскакивали. Два всадника на полном скаку ворвались в самую гущу. Карела узнала узколицего бандита в полосатом халате и его кривоногого напарника.

— Таниус! — завопил узколицый. — Эй, Таниус!

Не услышав ответа, узколиций спешился и побежал к кострам.

— Где Таниус?! — крикнул он, обращаясь ко всем сразу.

— Да вон он, в пыли отдыхает, — равнодушно ответил ему кто-то.

Разбойник явно не понял шутки, метнулся туда, куда ему указали, и, взглянувшись, замер. Осмотрев и тронув ногой каждый труп, он побежал обратно, туда, где уже толпилась вся шайка, взбудороженная его таким шумным появлением.

Напряженно вглядываясь в лица людей, прискакавший разбойник явно выискивал кого-то, кому он теперь, в отсутствие предводителя, мог сделать донесение. Наконец он увидел идущих Ордо и Карелу и бросился к ним.

— Ордо, какого черта здесь произошло?! — завопил бандит.

— Ты опоздал, приятель, — хмыкнул Ордо. — То, что здесь произошло, повторять не будем.

— Да на кой мне повторять?! — возмутился узколицый. — Там караван идет!

— Да ты спятил? — сказал кто-то из толпы, лениво зевая. — Ночью? Ночью все караваны сидят по постоянным дворам и носа не кажут.

Ордо тоже скептически хмыкнул в ответ на слова дозорного, но Кареле почему-то показалось, что удивление Ордо несколько ненатуральное. В тот же момент Ордо, не дав возможности узколицему возразить, расхохотался и объявил:

— Да, ребята! Мы, наконец, дождались настоящего дела. Там и вправду караван! Я сам видел его в степи. Кто-то решил нас надуть!

Разбойники восторженно загудели.

— Какие-то болваны решили идти на ночь глядя, посчитав, видимо, что мы с вами храним у костров! — Ордо резко выбросил вверх сжатый кулак. — Но это у них не пройдет!

Ордо протяжно свистнул, и его оседланный конь тут же резво подбежал к нему. Следом за ним прискакала какая-то старая кобыла. Ордо повернулся к Кареле:

— Эй, Рыжий Ястреб, садись-ка на лошадь Фархана, она хоть и старая, как сам мой покойный приятель, но еще сvezет седока... По коням, ребята, тряхнем этих зажравшихся купчишек!

Гиканье и свисты заполнили балку. Разбойники, кто быстрее, кто еле-еле двигаясь по причине недавнего обильного возлияния, повлезали в седла.

Понимая, что ради спасения собственной шкуры ей придется осуществлять план Ордо и идти со всеми на караван, Карела запрыгнула в седло. Ордо тоже ловко и быстро вскочил на своего жеребца. Взглянув на Карелу, он спокойно сказал:

— Не судьба мне добывать для тебя ожерелья, рыжая. Не на ту я напал. Ну да ладно. Ты вот что... Лошадь особо не погоняй. Когда тебя все обгонят, разворачивайся и чеши в степь так быстро, как сможешь. И прощай, Карела...

Он резко поднял коня на дыбы и развернулся.

— Эй, Абериус, ты близко подходил к каравану? — крикнул Ордо узколицему.

— Довольно близко. Кажется, знакомец это наш старый, Ардарус, тот самый вонючий хвост Нергала, который три месяца назад ушел от нас под Аренджуном и оставил нам только с полсотни больных невольников.

— Что ж, посчитаемся! — весело вскрикнул Ордо и взмахнул рукой. — Джиро, Томба, Лускун, да вы двое». Пойдете со мной дозором! Нагоним караван и зайдем к ним спереди. Остальные с тыла, как обычно!

— Стой, Ордо! — Карела выкрикнула это и в нерешительности замолчала. Предупредить Ордо об опасности — это был первый ее порыв. Все, о чем она успела перемолвиться с этим хитрым бандитом, говорило за то, что он не желает ей зла. Хотя неизвестно еще, как внезапно могут измениться планы Ордо, в том числе и на счет нее самой, сейчас ей искренна хотелось помочь Ордо так же, как он помог ей.

— Что ты хотела сказать, Карела Рыжий Ястреб? — усмехнулся Ордо. — Говори, мы слушаем.

— Если ты собираешься останавливать караван дозором из шестерых человек, но это может стоить вам всем жизни! — четко проговорила Карела. — Этот караван нельзя брать так, как вы обычно делали.

Ордо удивленно захлопал глазами.

— По-моему, — сказал за спиной Карелы визгливый голос, тот самый, что раньше призывал к расправе. — По-моему, эта красотка болтает своим язычком еще шустрее, чем сабелькой! А это уже лишнее, мы оставили ей жизнь не для того, чтобы она мешалась в мужские дела!

— Я просто быстрее шевелю мозгами, осел! — огрызнулась Карела, резко оборачиваясь на голос. Глядя прямо в чьи-то зеленые глаза, она добавила: — Клянусь Деркэто, тебе лучше послушаться меня, если хочешь вернуться к этим кострам на ночлег, а не собирать по степи свои косточки!

— Почему, Карела, ты считаешь, что шестерых дозорных маловато? Мы всегда так делали. Караван останавливается, и люди в панике устремляются назад. Пользуясь замешательством, мы давим их, вот и все, — сказал Ордо, недовольно хмурясь.

— Да что ты уговариваешь ее, Ордо? — возмутился зеленоглазый разбойник. — Эта крошка дождется, что наше терпение снова лопнет. Веди нас, Ордо, и поменьше слушай, что болтает женский язык!

— Стой, Ордо! — снова воскликнула Карела, видя, что чернобородый готов сорваться с места. — Этот караван охраняется отрядом Домарана. Это тебе что-нибудь говорит?

— Да как же не говорит? — пробормотал Ордо. — Известный человек. Уважаемый. Личный враг добродушной половины лихих людей на всех караванных дорогах от Турана до Аргоса. Но Домаран много берет, а Ардарус — скряга. Сомневаюсь я, чтобы они сторговались при найме.

— Даже скряги иногда умнеют! Так последуй и ты их примеру, Ордо! — настойчиво сказала Карела. — Домаран поставил в голову каравана усиленную часть своего отряда, и не бежать в панике они будут, а прорываться вперед с боем. Твой дозор сомнут, Ордо, и ты лишишься не только добычи, но и головы, клянусь Деркэто!

— Выдумщица! С чего ты это все взяла? — пожал плечами Ордо.

— Знаю, с того и взяла! — сказала Карела. — Бери и ты половину людей. Только ту половину, которая прочно держится в седле, а я с остальными зайду с тыла.

— Прыткая ты, Рыжий Ястреб, — засмеялся Ордо. — Но не будет такой человек, как Домаран, выдумывать разные там штучки. Он просто хороший солдат, но сколько мы с ним ни сталкивались, он всегда делает одно и то же.

— Именно так он думает и о вас, и знает вашу тактику, как свои пять пальцев! — Карела даже руками всплеснула. — Почему ты не хочешь слушать хорошего совета, Ордо? Тебе не кажется, что нам стоит сегодня разочаровать Домарана?

— Да брось ты, женщина, выдумывать разные сказки, — отмахнулся Ордо и, понизив голос, добавил: — Лучше сделай, как я тебе велел. Спасай свой хорошенъкий зад и больше не попадайся разбойникам.

Он оглядел шайку и скомандовал:

— Дозор, давай за мной!

Шестеро всадников устремились вперед и довольно быстро растаяли в темноте.

— Нам придется атаковать не с тыла, а с боку каравана, так, чтобы мы могли в случае чего помочь этому безмозглому упрямцу и его людям! — решительно сказала Карела,

оглядывая оставшихся.

— Когти Нергала тебе в глотку, — фыркнул один из бандитов — Ты что это раскомандовалась здесь?

— А то, что слушайте, когда вам дело говорят! — вскипела Карела и стремительно вынула саблю из ножен. — Я что-то не вижу здесь второго человека, знающего, что делать! Нечего там в хвосте каравана брать! Там одни невольники, которые и так никуда не денутся, потому что Ардарус заморил их до полусмерти! Запомните, что Рыжий Ястреб говорит только тогда, когда знает! Если уж я говорю, значит слушайте! А ну, за мной, а не то упустим момент, и тогда, клянусь Деркэто, гиены поутру вами позавтракают!

Она вырвалась вперед и помчалась через гребень холма к степной дороге. Разбойники немного помедлили, но догнали ее уже на вершине холма. Довольно широкой цепью десятка два вооруженных всадников пересекли освещенную полной луной равнину и с пологого склона холма обрушились на растянувшийся по дороге караван, в голове которого уже вовсю рубился Ордо со своими людьми. Оттуда слышались крики и звон оружия.

— Быстрее, быстрее, олухи! — закричала Карела, с лета врезаясь в караван и принимая на себя первый удар сабли ближайшего к ней охранника.

Она не успела даже толком сообразить, что она такое делает. Только звон металла стоял в ушах. Перед глазами мелькали то чьи-то налитые кровью глаза, то сверкающий клинок чужого оружия. Карела, словно заведенная, отражала удар за ударом, вертелась во все стороны, дергая левой рукой поводья старой лошаденки, а правой без устали поднимала и опускала верную саблю Деркэто.

Передышки не было. Охранники из отряда Домарана оказались подготовлены ничуть не хуже, чем солдаты старого Клоруса, отца Карелы. Тот по сто потов спускал со своих подчиненных. И Домаран, вероятно, в перерывах между караванными переходами занимался со своими людьми тем же, поэтому отряд его оказался на высоте.

Когда вдруг вокруг Карелы оказались только трупы, и она едва вывела лошадь на чистое место, вырвавшийся из общего месива мужчина на белой лошади устремился к ней, взмахивая мечом. Он был в шлеме и кольчуге, но Карела разглядела, что то множество ударов разбойничих клинков, которое уже выпало принять стражнику, прямо-таки разлохматило легкую кольчугу. Тем не менее, если стражник и был ранен, то не тяжело, потому что на Карелу он налетел стремительно, как коршун.

Не давая скучать своей легкой сабельке, Карела принялась уворачиваться, отшатываясь в разные стороны и только иногда подставляла свой клинок, чтобы отразить скользящий удар. Мужчина сражался не просто умело, а великолепно. Но вот Карела повернула лошадь так, что на лицо девушки упал лунный свет. И противник вдруг дрогнул и отшатнулся. Он не испугался, нет. Он всего лишь удивился.

— О боги! Женщина! — услышала Карела его сдавленный вскрик.

— Легче тебе от этого не будет! — буркнула Карела, резко наклоняясь и пронзая мужчину точно так же, как совсем недавно проделала это с Таниусом.

Изрубленная кольчуга не спасла стражника. Выронив оружие, мужчина стал заваливаться набок и сам соскользнул с клинка под ноги лошади. Он упал вверх лицом, и Карела узнала его. Это был Домаран.

Что тут можно сказать? Случайность, чистая случайность. Дерзкой самоуверенной девчонке просто повезло, что куда более опытный боец позволил себе удивиться и поплатился за это. Что и говорить, везет частенько не тем, кто того заслуживает. Карела в

этот день славно поморочила головы и людям, и тем, кто с небес зорко за ними следит, и непонятно было, чем она заслужила свою удачу.

День-то давно закончился, но ночная битва на караванной дороге была в разгаре. Поэтому Карела, окинув взглядом пестрое месиво, снова бросилась в самую гущу событий.

* * *

Тьма уже совершенно окутала бескрайнюю заморанскую степь, когда последний противник был повержен. Стихи воинственные кличи и звон палашей о кольчугу и клинки караванной стражи. Но так и не утихали беспокойные крики разбойников, ржание и топот лошадей, стоны раненых. Над растерзанным караваном плыли яростные проклятья, поминающие всех мыслимых и немыслимых богов и богинь. Карела внимательно оглядела себя, но, не обнаружив на своем настрадавшемся за последние несколько дней теле ни одной новой царапины, тихонько и с удовольствием послала слова благодарности Деркэто, своей новой надежной покровительнице. Из всех убитков обнаружилось лишь, что чей-то бойкий клинок взрезал широкое голенище ее непомерного сапога, наскоро подсунутого Кареле Ордо. Но сталь не коснулась кожи, поэтому событие не стоило и упоминания.

Разобравшись с собой, Карела быстро пошла вдоль каравана, оглядывая людей. Ей трудно было пока разобраться, кто есть кто. В ночной тьме разбойники Таниуса и рабы мало отличались друг от друга. Но все же Карела уразумела, что налет на караван Ардаруса стоил разбойничьей шайке гораздо меньше, нежели пришлось заплатить караванщикам. Из охранников отряда Домарана осталось в живых шесть или семь человек, и все они были ранены.

— Охранников — к невольникам! — распорядилась Карела, проходя мимо. Только миновав пленных, Карела вдруг сообразила, что мгновение назад она, кажется, отдала приказание самым что ни на есть командирским тоном. Получилось это у нее совершенно непроизвольно. Поняв, что никто не огрызнулся и не возмутился ей в ответ, она с любопытством оглянулась и увидела, как два бандита отволакивают стражников в конец каравана, где были собраны под охраной невольники Ардаруса.

— Неужели это сошло мне с рук? — недоверчиво усмехнулась она.

Спешить, однако, не стоило. Эти головорезы могут еще спохватиться. Не зря же Ордо стоило такого труда удержать их от расправы.

Помянув Ордо, Карела очень внимательно огляделась вокруг и поняла, что чернобородого здоровяка с серьгами в ушах нигде не было видно. Беспокойство охватило ее. Карела не могла пока в точности объяснить почему, но ей очень не хотелось бы сейчас отыскать в общем беспорядке его труп. Наверняка девушка просто хотела, чтобы крепкие руки Ордо были где-нибудь поблизости, но не желала признаваться в этом даже самой себе.

— Где Ордо? — обеспокоенно спросила она, узнав выскочившего прямо на нее худощавого, юркого мужчину в коротком полосатом халате без рукавов. Узкое лицо его напоминало какого-то грызуна, и Карела вспомнила, что видела его все время где-нибудь рядом с собой.

— Он там! — Мужчина махнул рукой в голову каравана. — Потрепали их там сильно. Кажется, наших дозорных... того... порубали...

— А Ордо? Он жив?

— Откуда я знаю? — ощерился разбойник. — Я ему не пастух!

— Слушай-ка, я еще не забыла, как ты лапал меня, когда Моранас поймал меня в балке!

Могу напомнить! — Карела потянула саблю из ножен.

— Да что я-то?! — поспешил пробормотать разбойник. — Что я мог тогда против Моранаса? Там Ордо, там!

Ускорив шага, Карела поспешила в указанном направлении. Узколицый сначала остался на месте, а потом почему-то побежал следом за девушкой.

В голове каравана царило что-то невероятное. Вспоротые тюки брошены как попало. Несколько раненых лошадей, потерявших возможность двигаться и лежащих теперь поперек дороги, жалобно ржали, тянули шеи и взбрыкивали ногами, а у людей не было пока времени обратить внимание на несчастных животных и хотя бы прирезать их. Окровавленные трупы охранников Домарана и разбойников тоже пока не интересовали никого. Бандиты были заняты тем, что рылись в поклаже каравана, собирая ценности, а несколько человек раскладывали большой костер в стороне от дороги и сволакивали туда все лишнее, к коему относились ткани, безделушки, безнадежно поврежденные в битве вещи. В отдельную кучу сваливалось трофеиное оружие, и было оно, как показалось Кареле даже на первый взгляд, очень неплохим. Видимо, Домаран был не просто бывалым, но и очень опытным воином, потому что на вооружение своего отряда явно не скучился, правильно понимая, от чего зависит его жизнь и жизнь его солдат. Но даже бывалым искусственным воинам удача иногда изменяет. На этот раз удача перекинулась на сторону дерзкой шайки подвыпивших грабителей, и толковый умный командир караванной стражи лежит сейчас где-то на дороге со вспоротым животом.

Пристально вглядываясь в фигуры и лица разбойников, мелькавшие перед ней в сполохах огней, Карела наконец заметила широкую спину Ордо в самой гуще, среди нескольких изрубленных трупов. Рослый бородач стоял на коленях, скорчившись и прижав к лицу темную тряпку, какой-то красный платок. Другой рукой он опирался на плечо сидящему рядом бандиту. Тот выл в голос, обнимал свою рассеченную покалеченную руку и совершенно не обращал внимания на Ордо, у него просто не было сил, чтобы оттолкнуть чернобородого или послать его подальше.

— В чем дело, Ордо? — Карела присела рядом. — Что с тобой?

Разбойник вздрогнул и поднял голову, не отнимая руки от лица, и Карела поняла, что тряпица, которую Ордо крепко прижимал к лицу, была вовсе не красной. Это был бледно-желтый, почти белый платок, таким он и остался на кончиках. Красным он стал от крови Ордо.

— Что-нибудь серьезное? — спросила Карела, хотя и дураку было понятно, что дело серьезное. Такой здоровяк, как этот бородатый гигант, не стал бы корчиться от пустякового пореза.

— Мой глаз... — скрипнул зубами Ордо и снова уронил голову.

— Он получил удар клинком по лицу, — сказал узколицый разбойник за спиной Карелы. — Я видел издалека. Он один бился с четырьмя... На остальных тоже пришлось по паре охранников, и только Ордо да Лускун уцелели из всего дозора.

— Чтоб Нергал пожрал их кишki... — простонал Ордо. — Их оказалось слишком много для нас шестерых.

— Только не говори, что я тебя не предупреждала! — заявила Карела, глядя на кровавую тряпицу. Она напиталась кровью сверх всякой меры. Ордо в ответ на упрек только мотнул

головой:

— Да, Карела. Да, Рыжий Ястреб... Признаю, что ты была права.

— Всегда стоит слушаться умных советов, даже если их дает женщина! — назидательно сказала Карела. Но пускаться в поучение было сейчас совсем не время: даже на коленях Ордо едва стоял.

— Эй ты, как тебя?... — Карела повернулась к узколицему.

— Абериус, — хмуро отозвался он.

— Ну-ка, дай что-нибудь для перевязки. Помягче и подлиннее. Да побыстрее! — тон Карелы был непререкаем.

Немного порывшись тут же в тюках, Абериус подал длинный воздушный шарф. Карела взяла его и подняла за подбородок голову Ордо.

— А ну, брось эту тряпку! — решительно сказала она. Ордо отнял тряпицу от лица и опустил руку. Перед глазами Карелы все слегка закачалось: никогда она не видела таких страшных ран вблизи. Глаз бедняги, конечно же, вытек. Глубокий разрез пересекал левую половину лица от лба до подбородка, на щеке рассеченная мышца раскрылась, обнажая кость... Кровь текла уже не так сильно, как, видимо, это было поначалу, но все же ее было много. Но Карелу не так-то просто было заставить потерять самообладание, и уж во всяком случае не видом боевыхувечий.

Быстро свернув шарф в плотную подушечку, Карела приложила его к ране и прижала.

— Дай-ка что-нибудь... Дай свой пояс, Абериус! — скомандовала она и, получив требуемое, закрепила повязку.

Уцелевший глаз Ордо был залит кровью, но он так пристально и отчаянно смотрел в лицо Кареле, что она невольно улыбнулась:

— Да что ты, Ордо? В чем дело?

— Старый Ордо твой должник, Рыжий Ястреб. Вечный должник!

— Ну прямо так! — усмехнулась она. — Стоит ли из-за простой перевязки отдавать себя в вечное рабство?

Ордо шевельнул губами, но голос не сразу повиновался ему:

— Я знаю, что говорю, Карела! Ордо умеет платить долги.

Разбойник попытался встать, но Карела мягко удержала его:

— Коли так, подумай об этом хорошенъко. Ты не сможешь вернуть долг, если истечешь кровью! Абериус!

— Что? — сухо отозвался узколицый, запахивая раскрывающийся без пояса халат. — Может, еще и штаны с Абериуса снять прикажешь?

— Заткнись, болван! — рявкнула Карела. — Отвези Ордо в лагерь и позабочься о нем хорошенъко.

— Позаботиться? Вот мне больше делать нечего! — проворчал Абериус, однако помог Ордо встать и закинул на свое плечо его руку. — Как мне заботиться о тебе, Ордо, может, колыбельную спеть, или сказки рассказывать? Помню я с детства одну сказку про три чуда Митры...

Карела гневно обернулась на балагура, и тот замолк, едва взглянув ей в лицо. Смерив узколицего уничтожающим взглядом, она проговорила отрывисто, тоном, не допускающим никаких возражений:

— У него будет жар, Абериус, при таком ранении это почти наверняка. Принеси из родника воды, да следи, чтобы не нагревалась. Будешь ночью делать ему холодные примочки,

чтобы оттянуть жар. И смотри мне, если к утру Ордо не будет на ногах, поимеешь дело со мной и моим клинком, ты понял, Абериус? Узколицый пожал печами:

— Что ж тут непонятного, Карела?

— Если так зовет меня Ордо, это еще не значит, что и тебе это тоже позволено. Для степных шакалов я — Рыжий Ястреб! — отчеканила Карела. — Запомни на будущее!

— Скажи, пожалуйста... «шакалов»! — пробормотал Абериус, но слегка поклонился и потом скорчил крайне удивленную мину. Похоже, он сам удивлялся тому, что у него не получается противостоять напору женщины, так беззастенчиво вводящей здесь свои порядки.

— Послушай, Рыжий Ястреб! — горячая рука Ордо коснулась ее ладони, но Карела решительно отвела ее:

— После, Ордо, поговорим утром!

— Нет, подожди, — Ордо никак не мог успокоиться. — Я не могу уйти с Абериусом и оставить тебя здесь. Нужно многое сделать, чтобы скрыть наши следы, иначе они приведут нежелательных гостей от проезжей дороги в наш лагерь...

— Да я уж как-нибудь соображу, как со всем этим поступить, поверь мне, Ордо! — четко сказала Карела. — А с тобой поговорим утром!

Она развернулась и пошла прочь, с трудом приоравливаясь к ходьбе в огромных сапогах и прикидывая по пути, что нужно сделать срочно.

Ни разу еще за свои семнадцать лет Карела не грабила караванов, что было и не удивительно. Но кроме красивых глаз, пышной, груди и ловких рук у Карелы были еще и мозги. Мужчины обычно с трудом верят в подобные сочетания, опираясь на заблуждения,озведенные в ранг непреложной истины. Но это их мужские проблемы, пусть сами их и расхлебывают.

Рыжий Ястреб поглядывала вокруг, видела, чем занимаются разбойники, и ей не составило труда наметить все дальнейшие необходимые действия. Конечно, она не собиралась сейчас властно выкрикивать распоряжения, но в случае какого-нибудь замешательства вполне могла направить людей.

Так, невольников и попавших в руки бандитов пленных следовало бы в первую очередь отправить под охраной в лагерь. Потом сжечь и зарыть ненужный мусор, отволочь в сухую балку трупы людей и животных, где их прекрасно похоронят в своих желудках гиены и шакалы. Затем собрать оружие и ценную добычу, да проследить, чтобы разбойники не перегрызлись из-за добра, которое до справедливой дележки никому не надлежит даже пальцем трогать. Да мало ли дел может приключиться на безлюдной ночной дороге, по которой только что шел, не торопясь, богатый караван...

ГЛАВА 11

Время шло, уже перевалило за полдень, но разбойничий лагерь, разбитый в низкой балке среди вялых, приземистых степных деревьев, еще только просыпался. После такой удачной битвы последовала разгульная ночь. Поэтому бандиты еще только медленно раскачивались, поднимались и начинали бродить среди потухших костров.

Проведя не очень-то спокойную и совершенно бессонную ночь, в течение которой Карела старалась не привлекать к себе особого внимания и остерегалась снимать руку с эфеса своей сабли, девушка начала подумывать о том, что пора собираться в путь.

Она довольно обоснованно считала, что свою свободу она завоевала еще вчера, когда отчаянно бросилась на караван Ардаруса, в самую гущу жестокой битвы. Если же и сейчас кто-то из разбойников собрался бы сказать что-то против ее намерений, она без особого желания, но снова взялась бы за оружие, чтобы еще раз показать, кто она такая.

Ее драная рубаха, доходящая ей почти до колен, потрескавшиеся от ветхости кожаные штаны и огромного размера сапоги при дневном свете оказались немыслимым противным тряпьем. Еще совсем немного времени тому назад Карела скорее умерла бы, чем надела на себя такие кошмарные выношенные и вонючие тряпки с чужого плеча. Но последние события как-то исподволь научили ее испытывать равнодушие к некоторым неудобствам в тот момент, когда особого выбора не было. Тогда вечером выбора у Карелы не было никакого. Она всего лишь постаралась себя убедить, что одежду свою сменит при первом же удобном случае.

Дожевывая лепешку, добытую ночью из запасов провизии, отобранных у караванщиков, и запивая ее ледяной водой, от которой ныли зубы, Карела неторопливо размышляла над своей судьбой, когда заметила идущего к ней чернобородого Ордо.

Разбойник шел довольно твердо, но когда он приблизился, Карела с изумлением увидела, что хотя рану на лице закрывала свежая чистая повязка, сам Ордо был весь мокрый. С его длинных темных волос еще капала вода, куртка облепляла его мокрые плечи, и даже на сапогах виднелись потеки.

— Что это с тобой, Ордо? — подозрительно спросила девушка.

— Абериус перестарался, — ответил Ордо и поморщился.

— Как это? Я же ясно ему сказала, чтобы он не вздумал со мной шутки шутить и делать свое дело кое-как... — начала сердиться девушка.

— Тихо, тихо, — Ордо поднял руку. — Я помню, что ты вчера говорила. Абериус всю ночь со мной сидел и обкладывал меня мокрыми лоскутами, такими холодными, что я вообще перестал чувствовать, где у меня что... Но он просто измучил меня своими бесконечными байками. И когда я уже под утро не выдержал и рявкнул на него, он обиделся, в сердцах вылил на меня всю воду, что оказалась под рукой, и ушел.

— Вот мерзавец! — вскочила Карела.

— Ну не скажи, я же на ногах, значит, тебе не к чему придаться, Карела! — отозвался Ордо. — Я пришел спросить, ты как? Не голодна?

— Нет. Ты можешь подыскать для меня хорошую лошадь, Ордо?

— А то нет? — бородач горделиво выпрямился. — Уж в чем в чем, а в лошадях я, хвала Митре, разбираюсь. Сейчас посмотрю, наверняка в караване были неплохие, а если не найду там подходящей, дам тебе свою. Если честно, лучшего коня, чем мой, трудно сыскать в степях

Заморы!

— Если так, то не стоит лишать тебя хорошего коня. Меня в дороге вполне устроит что-нибудь попроще, но он должен быть достаточно выносливым, чтобы мне не пришлось менять его, едва отъехав подальше отсюда.

— Подожди-ка, подожди! — воскликнул Ордо. — А куда это ты собралась?

— Я еду дальше, приятель, — усмехнулась она. — Что-то загостились я у вас. Да и прием мне показался слишком уж теплым.

— Вот как? — Голос Ордо сорвался, видно было, что он не ожидал такой новости.

Переминаясь с ноги на ногу, он задумчиво смотрел на снующих по лагерю разбойников и наконец махнул рукой:

— Что ж, Карела, ты имеешь право уехать, и я никому не позволю помешать тебе сделать это. И я все равно дам тебе своего коня»

Разбойник пошел прочь, а Карела снова присела на поваленное сухое дерево подождать его. Какую лошадь приведет Ордо, ей было по большому счету безразлично. Потому что ей было так же безразлично, как далеко довезет ее конь. Она совершенно не представляла, куда ей держать путь.

Ордо почему-то долго не возвращался. А пока его не было, в лагере началось какое-то движение. Со всех концов балки к одному из костров потянулись люди. Карела видела, что вся шайка сгрудилась вместе, и разбойники что-то очень оживленно обсуждают. Гомон стоял довольно громкий, но нестройный, и ничего разобрать было нельзя.

Наконец люди расступились и, пропустив вперед Ордо, двинулись к Кареле плотной разношерстной толпой. Ордо держал за повод отличную каурую лошадь, молодую и сильную, со свежим рубцом от клинка на шее.

Карела поднялась навстречу шайке. Ее рука сама потянулась было к оружию, но ни у кого из идущих она не заметила обнаженного клинка. Лица разбойников были серьезны и сосредоточены, насколько вообще могут быть сосредоточены и собраны люди подобного сорта. Они сблизились с Карелой и остановились.

— Вот, — Ордо передал Кареле повод, — Это тебе, Рыжий Ястреб. Это верный друг. Это хороший боевой конь, не боится свиста и крика, не шарахается от блеска и звона клинков. Он тебя не подведет.

— Хорошо, — машинально произнесла Карела, не сводя глаз с пестрой толпы. — А какого дьявола вам еще нужно от меня?

Абериус, стоящий рядом с Ордо, толкнул чернобородого локтем в бок. Ордо сдержанно кашлянул, поправил повязку на лице и важно сказал:

— Мы тут поговорили с ребятами и решили... Решили просить тебя, Рыжий Ястреб, остаться с нами.

Карела вытаращила глаза:

— Вы серьезно? Ну, тогда вы, видно, на солнышке перегрелись Я ничего не забыла в вашей шайке!

Она поставила ногу в стремя и запрыгнула в седло. Никто из разбойников не шевельнулся и ничего не сказал. Но также никто из них не ушел прочь. Все, как один, стояли и смотрели на Карелу. Нет, ну каковы, мерзавцы? То едва не убили ее, то притащились просить... Ну, положим, если уж просить, то следовало бы просить как следует.

— Видишь ли, Ястреб... Всем нам пришлось признать, что благодаря тебе мы этой ночью не только взяли хороший куш, но и потеряли куда меньше народу, чем обычно, —

сказал Ордо. — И мы не хотели бы терять нашу удачу...

— Ну это только потому, что ваш Таниус был болваном и набивал себе брюхо, не считаясь ни с вашими жизнями, ни со своей. Мозгами он шевелил медленно, а может статься, у него их вообще не было, — фыркнула Карела. — К тому же, он забыл, для чего человеку даны уши, а может быть, мама не смогла ему это объяснить, а он сам так и не догадался... А уши вам даны, болваны, чтобы слушать хорошенеко по разным нужным местам, собирать полезные сведения и не попадать потом впросак именно благодаря этим самым сведениям, а не благодаря женщине, случайно попавшейся вам в руки... Разведку надо проводить, остолопы, если не хотите, чтобы удача повернулась к вам спиной!

Она внимательно изучала реакцию бандитов. Никто не решился ей возразить, да и стоило ли возражать против очевидных истин?

— Вот и наставь нас на ум, Рыжий Ястреб, — немного язвительно, но вполне серьезно проронил Абериус и тут же получил от Ордо по шее.

— Нам нужен новый предводитель, а ты показала, на что способна, — снова начал Ордо, но девушка оборвала его взмахом руки.

— Да стоите ли вы того, чтобы я тратила на вас время? — покачала головой Карела. — Посмотрите на себя!

Мужчины угрюмо молчали.

— Нет-нет, вы взгляните друг на друга, — повторила она.

Люди зашевелились, поднимая друг на друга помятые испитые лица. Видно было, что созерцание товарищей и собственного отражения в их глазах не принесло им повода ощутить гордость за самих себя.

— Вы обыкновенные пьянчуги! Свора облезлых шакалов, которые рады до безумия, если довелось случайно хапнуть и не потерять хвосты! Вы столько времени шастаете по степям, а никогда никто из вас даже не задумался о том, кто ведет вас! Вы получили по заслугам, и только по чистой случайности большинство из вас еще до сих пор живы. Вы трясете богатых караванщиков, а посмотрите, на кого вы похожи? Да нищие на базарах держатся с большим достоинством, чем вы, и они, эти нищие, имеют больше причин для того, чтобы с ними считались! — Карела вложила столько презрения в свои слова, сколько могла. Обиды и гнева этих людей она сейчас не опасалась. Это они пришли просить ее, а не наоборот, поэтому вполне можно было попробовать немного набить себе цену.

Хотя, конечно, и похвалить иногда не мешает.

— А ведь вы свободные люди! Вам даны сильные руки и дерзкие головы! Вы способны на многое! — воскликнула Карела. — Да вы могли бы стать настоящей грозой караванов, о вас заговорили бы повсюду.

— Так веди нас, Рыжий Ястреб! Иногда нужна хорошая встряска, чтобы понять: такая, как ты — это лучшее, чего можно желать! Нет среди нас ни одного, кто сравнился бы с тобой ловкостью рук и смелостью речей! Ты умна и неудержима, ты убедила нас, что никогда не действуешь слепо, и мы хотим подчиняться такому предводителю! — громко сказал Ордо, и разбойники поддержали его нестройным гулом.

— Даже моего смелого языка и ловких рук мало, чтобы ваша шайка вдруг в одно мгновение стала напоминать отряд! Пока я вижу перед собой только скопище пьяниц и дебоширов! — с горечью сказала Карела. — Вчера вечером я заметила, что некоторые пошли в атаку не под легким хмельком, что не так уж страшно, а просто едва держась в седле! Вот ты, например! — Карела ткнула пальцем в приземистого толстяка с сизым носом. Толстяк

насупился, вздыхая, и скорчил покаянную гримасу.

— Я понимаю, не грех отметить завершение удачного дела или глотнуть вина перед атакой для храбрости, если таковой у кого-то недостача, — снисходительно продолжила Карела. — Но надираться в дым, зная, что ночью предстоит серьезное дело, это чудовищное легкомыслие, которое может стоить жизни и тебе самому, и товарищам! Я не собираюсь становиться во главе такого отряда.

Мужчины хмуро переглядывались. Карела выразительно посмотрела на них и продолжила:

— Также вчера вечером я заметила, как вы ругаетесь между собой из-за добычи и вещей, воруете друг у друга ценности и готовы перерезать глотку каждому, кто вам не по нраву. Если вы хотите, чтобы я осталась, вам придется забыть о склоках и базарных дрязгах. После справедливой дележки добычи не должно быть никаких свар! И чтобы никто даже не смел вытаскивать из ножен оружие ради пустой мести или дурной забавы!

Люди загудели, и в этом гуле угадывалось одобрение ее словам.

— Так ты остаешься в нами, Карела Рыжий Ястреб?! — уточнил Ордо.

— Возможно. Но мне хотелось бы сразу внести ясность и услышать от вас, собираетесь ли вы выполнять мои условия, — усмехнулась Карела и серьезно взглянула сверху вниз.

— Собираемся, — вздохнул Ордо.

— Что ж. Если вы люди Рыжего Ястреба, вы должны выполнять все, что я скажу, подчиняться каждому моему слову! Если вы выбираете меня своим предводителем, мое слово — закон! Я буду здесь решать и приказывать! Потому что и думать здесь тоже буду я. И все, что я соберусь сделать, я стану делать, во-первых, хорошо подумав, и, во-вторых, ради того, чтобы у всех была вкусная и обильная еда и хорошее вино, чтобы в карманах звенела монета, а на плечах была добротная одежда. А уж имея все это, каждый дурак сообразит, как всем этим воспользоваться!

Она замолчала, выжидательно глядя вокруг.

— Пусть ведет нас Рыжий Ястреб! — крикнул Ордо, и вся толпа громко и дружно вторила ему.

Карела усмехнулась и уточнила:

— А мои условия?

Ордо решительно взмахнул рукой:

— Эй, ребята, все согласны?

Разбойники загудели, но как-то недостаточно бойко. Карела вскинула брови:

— Не поняла! Я требую полного повиновения, иначе мне с вами не по пути.

— Пусть будет так! — вскричали люди.

— Значит, все уяснили, что можно, а чего нельзя людям Рыжего Ястреба? — Карела перенесла ногу через седло, чтобы слезть с коня. Ордо, хоть и с опозданием, но протянул руку, чтобы помочь ей в этом. Но Карела сделала вид, что не заметила протянутую ладонь. Пружинисто спрыгнув, она потрепала лошадь по шее и улыбнулась: — А ведь и верно, какой красавец... Спасибо за подарок, Ордо.

Разбойники стояли вокруг и смотрели ей в рот, в ожидании, что еще такого скажет эта юная, красивая и грозная женщина.

— Значит, так, — Карела наморщила лоб. — Сегодня разберемся с добычей. Нужно будет по-умному распорядиться ценностями и найти способ побыстрее и повыгоднее обратить вещи в звонкую монету. Мы ведь не старьевщики и не торговцы, чтобы возить с

себой тюки с добром.

— Оружия много, — пробормотал молодой рыжеволосый парень в длинной кольчуге. — И пес его знает, что с ним со всем делать. У нас столько рук нет, сколько там всего оказалось.

Этот молодой разбойник явно ждал от Карелы распоряжений. Но во всем, что касалось оружия, Карела была сведуща только в той степени, которая помогала ей решить: возьмет ли она в руку то или иное оружие, или следует остановить выбор на чем-нибудь другом.

— Ордо! — Карела повернулась к чернобородому и ткнула пальцем ему в грудь. — Разберись с трофеями: возможно, что-то сгодится и на продажу. Думаю, в этом вопросе на тебя можно положиться. И прикажи, чтобы приготовили всю добычу, я все должна посмотреть своими глазами. Проследи, чтобы...

Ордо сосредоточенно внимал ее словам. Поняв внезапно, что она просто-напросто сваливает на Ордо большую часть всех текущих забот, Карела сначала удивилась, потом обрадовалась прекрасному выходу из положения, который сам собой напрашивался:

— Эй, слушайте все меня! Мне просто необходим помощник, на которого Рыжий Ястреб может положиться! — Карела положила руку на плечо Ордо. — Этого человека слушаться, как меня! Отныне Ордо — капитан Рыжего Ястреба. Отныне только я могу ему приказывать, а каждое его распоряжение должно быть исполнено вами в точности и немедленно! За неповинование я лично буду знакомить каждого из вас со своим клинком!

Судя по выражениям лиц разбойников, против нового назначения Ордо возражений не было. Сам Ордо азартно подбоченился и зычно выкрикнул:

— А ну, бездельники, кто что похватал за ночь?! Тряси мешки, карманы выворачивай! Скоро приду проверю!» А пока, — Ордо повернулся к молодому рыжему разбойнику. — Идем, Маро, посмотрим оружие.

Карела удовлетворенно поджала губы и кивнула:

— Прекрасно!

Все действительно шло прекрасно. Да, со стороны могло показаться, что рыжеволосая девчонка слишком много взяла на себя, пообещав бандитам легкую сытую жизнь под своим предводительством. Вполне ли представляла она себе, что это такое — командовать боевым отрядом? Может быть, и нет. Но душа ее пела и рвалась куда-то все выше и выше. Она была свободна и сильна, и окружавшим ее людям не потребовалось много времени, чтобы на себе почувствовать неудержимую силу этой женщины. В конце концов, она же не напрашивалась к ним. Более того, она всего лишь защищалась и даже в мыслях не имела претендовать на место главаря в разбойниччьей шайке.

Но дело сделалось само собой, и душа пела. И не в характере зеленоглазой Карелы было отступать перед возможными трудностями и риском.

Разбойники разбрелись кто куда. Кому было в чем каяться, пошли и вправду трясти свои мешки. После прошедшего дня никому из них не хотелось быть уличенным в воровстве, мошенничестве и утаивании части общей добычи. Знакомиться лично со сверкающей кривой саблей их новой предводительницы не улыбалось никому.

Карела принялась медленно обходить лагерь. Место, где Таниус устроил ночлег для своей шайки, не очень нравилось Кареле. Она с большей охотой переместилась бы севернее, ближе к более зеленым холмам южных предгорий Карпашских гор. Торговые пути там не менее оживленные, зато куда больше мест, где удобнее и безопаснее укрываться от отрядов регулярной армии.

Именно так она и собиралась поступить в скором времени. А пока нужно было наводить

порядок здесь. В то время, как большинство было занято пересчетом доставшейся шайке добычи, Карела решила проверить, как обстоят дела с тем живым товаром, который удалось отбить у каравана. Поэтому она решительно прошла к редким зарослям пожухлого кустарника, куда ночью пригнали невольников Ардаруса.

Рабы сгрудились в кучу. Кто сидел, кто лежал. Голодные измученные глаза на потемневших лицах затравленно озирались по сторонам. Судя по всему, эти люди не надеялись уцелеть. Они были, видно, уже наслышаны о том, что на караванной тропе их жизнь совершенно теряет ценность.

Карела медленно обходила тесный круг невольников. Как, когда потеряли они свою свободу, а вместе с ней и надежду выжить? Были взяты за долги, проданы в наказание за серьезную провинность или просто попались под руку бандитам? Что ж, у каждого своя судьба. Этим беднягам очень не повезло. Гнали их, судя по всему, издалека. Возможно, в пути их передавали из рук в руки. Люди все были не в лучшей форме. То тут, то там взгляд Карелы находил слабых и немощных, совершенно ни на что не годных невольников.

— Разделите-ка их! — Карела махнула рукой троим разбойникам, которые удерживали всех рабов вместе тычками палок и плетьями.

— Как разделить? — растерялся один, подвыпивший дюжий малый в грязном тюрбане.

— На больных и здоровых, болван! — ответила Карела.

Она стояла и смотрела, как разбойники, ругаясь и то и дело взмахивая плетьями, разгоняют невольников. Проходивший мимо Ордо тоже остановился и недоверчиво смотрел то на рабов, то на Карелу, и половина его лица, видная из-под повязки, отчетливо выражала недоумение.

— Зачем, Карела? Что ты возишься с ними? — недоуменно спросил он наконец. — Таниус просто приканчивал тех, кто не мог или не хотел к нему присоединиться, или ни на что не годился.

— Я не желаю слышать о всех глупостях, которые совершил за свою мерзкую жизнь ваш Таниус! — рявкнула Карела. — Я не для того здесь осталась, чтобы поступать, как он!

Увидев снисходительную гримасу на лице Ордо, Карела поспешила добавить, пока ее капитан не утвердился в мысли, что она просто вздорная девчонка:

— А также не для того я здесь, чтобы просто из упрямства делать все наоборот.

— А что же тогда? — Ордо вытаращил свой единственный глаз, стараясь уследить за ходом мысли своего атамана.

— Я буду поступать разумно, Ордо! — огрызнулась Карела. — Вот, взгляни на этих! — Она махнула рукой на более или менее здоровых и сильных мужчин. Их было десятка два, и они уже стояли отдельно от остальных. — Этих стоит свести на торги.

— На торги? В город? — изумился чернобородый.

— Посреди степи торгов не проводят, Ордо, ты что, идиот?

— Но ведь это рискованно! — сдержанно отозвался Ордо. — Соваться в город, где полным-полно стражи, а за голову каждого лихого человека назначена награда?!

— Ты что, думаешь, я выстрою вас в боевой порядок и войду в город, бряцая оружием? — Карела уже еле сдерживала раздражение. — Надеюсь, что маленький отряд, сопровождающий невольников к назначенным торговцам, не вызовет ни у кого особых подозрений.

— Ну а потом?

— Я не собираюсь стоять с ними на базаре и расхваливать во всеуслышание крепость их

мускулов! — фыркнула Карела. — Мы отправим их на невольничий рынок и продадим всех разом тому из работорговцев, кто окажется умнее прочих и поспешит взять такой качественный и недорогой товар! Да, за каждого из них мы выручим всего лишь полцены к тому, что мог бы взять за них Ардарус, но если учесть, что их довольно много, то это будет хорошая прибавка к добыче.... Если ваш Таниус так не делал, это не повод, чтобы ему подражать, Ордо! Завтра с утра отбери тех из наших людей, на кого можно положиться в этом деле. Ведь есть же такие, я надеюсь, кто поведет себя по-умному и к тому же не удерет с вырученными деньгами?

— Найдутся такие, — неопределенно сказал Ордо, пожимая плечами. Подумав, он добавил: — Не так чтобы они были совершенно безупречны, но сама посуди, Карела, кому хочется потом отведать мести тех, кого они оставят с носом? Все мы любим деньги, но выживают у нас те, кто еще сильнее, чем деньги, любят собственную жизнь!

— Хорошие слова, Ордо, — кивнула Карела и пошла дальше.

— Эй, Рыжий Ястреб! — Бородач схватил Карелу за плечо.

— Руки! — рявкнула она, но, увидев, что Ордо не только сразу же понял свою ошибку, но и тотчас же коротко, но почтительно поклонился, сменила гнев на милость, — Ну что еще, Ордо?

— А с этими что делать? — одноглазый повел рукой на сжавшихся в стороне невольников, которые были отбракованы. — Прикажешь убить?

— Хочешь ославить Рыжего Ястреба? — прищурилась Карела. — Но я не желаю, чтобы обо мне шла такая слава, будто я безжалостно расправляюсь с теми, кто даже оружие в руках не в силах держать... Отпусти их, Ордо, да и дело с концом, — она снова собралась идти прочь.

— Как отпустить? — удивился Ордо.

— Ордо, не заставляй меня пожалеть о том, что я сделала тебя своим капитаном! На что мне такой помощник, которому каждое приказание нужно отдавать дважды, а потом еще и разъяснять, что к чему? Я что, должна подробно объяснить тебе, как развязать людей, как вывести их на проезжую дорогу и в какую флягу налить им с собой свежей воды?! — раскипятилась Карела.

— Хорошо, все будет сделано, как ты велишь, Карела! — буркнул Ордо, хотя было заметно, что его изумление не прошло.

В третий раз собралась Карела уйти с этого места, но за ее спиной раздались крики и шум какой-то борьбы. Свистнули плети, и проклятия разбойников смешались с чьим-то стоном.

Тяжело вздохнув, Карела снова повернула обратно. Люди Ордо стегали плетьями невысокого темноволосого невольника-кофийца, который вырвался из нестройного ряда рабов, устремляясь туда, где в стороне расположились освобожденные из-под стражи больные.

— Чтоб вас разорвало! — процедила Карела. С одной стороны, нет ничего страшного в том, чтобы приструнить плетью невольника, собирающегося скрыться. Но мужчина не хотел бежать. Он рвался к молоденькому пареньку, который лежал на земле и был не только не в силах подняться, но и вовсе был в жестокой лихорадке. Это был совсем еще подросток, изможденный болезнью и недоеданием. Его тряслось сильно, до судорог, он был без сознания и не видел, что происходит вокруг.

— Пустите меня к сыну, собаки! — прокричал невольник, прежде чем новые удары

посыпались на него и заставили его замолчать.

— Прекратите! — прикрикнула Карела на своих людей, и они с неохотой опустили плети. — Неужели вы не видите, что он никуда не убежит? Пусть подойдет к сыну.

Невольник бросился к больному и склонился над ним, тщетно стараясь унять судороги несчастного.

— Знаешь, Рыжий Ястреб, а надо ли расточать милости тем, кто не стоит того? — задумчиво произнес Ордо, подходя к ней вплотную.

— А почему ты решил, Ордо, что ты можешь решать, кто чего стоит? Если у тебя или у меня нет детей, это еще не значит, что их нет ни у кого! Что за беда, если человек побудет с сыном до завтрашнего утра, мы же не сейчас погоним их в путь! — воскликнула Карела.

— Беды нет, но нет и смысла... — проворчал чернобородый капитан, легонько постукивая рукояткой своей плети по раскрытой ладони. — Я ведь не о своей славе пекусь. Но если люди увидят, что Рыжего Ястреба можно разжалобить, твоя власть не продержится долго, даже если я буду с тобой до конца. Эти люди понимают только клинок и плеть, Карела! Мягкость обернется против тебя. Так-то вот, Ястреб... Девушка скользнула взглядом по сжавшемуся на земле невольнику, держащему в объятиях больного паренька. Что ж получается? Избить, связать, накормить землей, замешанной на крови... Человек, проживший жизнь и вырастивший сына, наверняка успел натворить много такого, за что боги уже лишили его удачи и свободы. И уж топтать такого может любой, кто почивает над ним свою власть. И никто из окружающих не осудит Карелу за вполне естественную в ее положении суровость. Жестокий, но здравый смысл слов Ордо она, конечно же, почувствовала. И все же, она уже давно сказала себе, что никто не заставит ее изменить свои приказы, если они ей нравятся. Придется заставить и остальных оценить ее решения по достоинству.

— Ты не прав, Ордо! — заявила Карела, немного подумав. — Только одним лишь страхом никого не удержать. Я убила троих ваших людей подряд, но разве именно это удержало остальных от расправы?

Ордо поджал губы, но ничего не ответил.

— Понимаю, Ордо. Ты пытаешься напомнить мне о том, что это ты удержал их, — снисходительно улыбнулась Карела. — Будем считать, что так. Но все же, если бы ярость их была достаточно велика, они не послушали бы и тебя, а просто рассекли бы меня на мелкие кусочки и разбросали их по степи, потому что даже если противник владеет грозным оружием — это еще не причина, чтобы покорно опускать руки. Ты внушил им разумную мысль о том, что я могу им пригодиться. Но ведь если бы я не повела вас на караван Ардаруса, пригодиться я могла только в качестве подстилки, передаваемой ночами от костра к костру, разве не так?

— М-м-м... — неопределенно пожал плечами Ордо, не решаясь напрямую подтвердить слова девушки.

— То-то же, Ордо. Именно так бы и случилось. Но вместо этого я помогла вам добыть неплохой улов, и вы сами пришли просить меня стать во главе вашего отряда. Но не за мои красивые глаза и не за то, что я умею срубать головы мужчинам. Люди почувствовали, что Рыжий Ястреб знает, где и чем можно поживиться, и как сделать это с меньшими потерями. Разве не так?

— Ну, так, — вздохнул Ордо, внимательно слушая девушку.

— И вывод мой таким будет. Можно запутать человека до полусмерти. А потом

заглушить этот страх заманчивым звоном золота. А потом еще более зверской жестокостью и угрозами перебить прелесть любого посула. И так до бесконечности. Вашим предводителем меня сейчас сделали ваш страх и ваша жадность. Но и то и другое — еще не все, что движет людьми. И если человек, пусть он даже никчемный мерзавец, бандит и пропойца, попадет в такой замкнутый круг, куда он, по-твоему, рванется из него?

— Туда, где с ним поступят по справедливости, — буркнул Ордо и с силой хлестнул рукояткой плети по своей ладони. — Ты трижды права, женщина! Я прослежу, Карела, чтобы этого кофийца не разлучали с его мальчишкой.

— Вот-вот, ты уж проследи, — Карела перевела дух. Вообще-то она чувствовала трудно преодолимое желание накричать на Ордо и просто приказать ему сделать то, что казалось ей нужным. Но в какой-то момент ей почему-то захотелось подвести этого человека, который не показался ей никчемным подзаборным пском, к верной мысли. Долгие нудные разговоры всегда раздражали Карелу, но когда ей удалось достойно завершить свои поучения, а Ордо показал себя не просто послушным подчиненным, но и сообразительным человеком, Карела почувствовала не только торжество, но и некоторую приязнь к Ордо. — Проследи, чтобы мои распоряжения исполнялись в точности и никак иначе.

Ордо кивнул и беспокойно оглянулся туда, где послышался гомон, отчаянная ругань и какой-то треск.

Карела тоже взглянула туда и добавила:

— А потом, Ордо, не забудь сделать так, чтобы хмельная гульба по поводу удачного дела не кончилась дракой или поножовщиной. Слышишь, что там у них происходит? Я не уверена, что мое первое предупреждение они восприняли всерьез, но дважды я об одном и том же не говорю!

— Если кто-то забудется — башку сверну, — мрачно сказал Ордо. — Мне самому всегда не нравилось, что Таниус распустил людей. Если бы он меня слушал! Не тревожься, Карела, может быть, не сразу, но порядок я наведу. Тех, кто не подчинится разумным приказам, придушу своими руками, другие поостерегутся вольничать!

— И это будет очень даже по справедливости! — засмеялась Карела.

Ордо тоже широко улыбнулся в ответ, но рана дала о себе знать, и лицо чернобородого перекосило от боли.

— Ты как, капитан? — Карела понизила голос, но не сумела скрыть беспокойства.

— Признаюсь тебе, Карела, впервые мне настолько паршиво, — криво усмехнулся Ордо. — Но винить мне некого, кроме себя самого.

— Тебе лучше отдохнуть до утра, — неуверенно сказала Карела.

— Суета куда лучше лечит, чем лежание кверху пузом! — покачал головой одноглазый капитан.

— Как знаешь. — Карела положила свою маленькую прохладную ладошку на широченное горячее плечо Ордо.

Он вздрогнул, нервно поправил повязку, слегка прикоснувшись к ней, и взглянул поверх плеча Карелы с несколько излишней озабоченностью:

— Эй! Эй, олухи! Да что же вы делаете, когти Нергала вам в печеньку!..

Он как-то слишком поспешно кинулся туда, где олухи совершили что-то, на взгляд Ордо, совершенно непростительное.

Карела усмехнулась и продолжила свой обход пестрого лагеря.

Над разбойничим пристанищем сгостились ночные сумерки. Костры, разложенные в низине, среди хилых пожухлых деревьев, что росли вокруг единственного в округе родника, уже вовсю пылали. Плыл запах жареного мяса.

День завершался вполне удачно. Добыча была сочтена и разобрана. Даже по той бросовой цене, по которой придется продать награбленное, можно было бы получить очень даже приличные деньги. Поэтому вечер Карела посвятила сборам: поутру ее отряд должен был выступить к Шадизару. Рабов ждали невольничьи торги, а Ордо уверял, что знает в городе некоторых бойких скupщиков, которые без лишних вопросов примут у степных гостей любой товар.

Встречаясь с Карелой, разбойники почтительно расступались перед ней. Пока срабатывали и страх перед внезапным гневом предводительницы, и предвкушение скорого звона монет в карманах.

Гордо подняв голову и не удостаивая людей улыбкой, проходила она туда-сюда, и даже если у кого и возникали чересчур вольные мысли по поводу легкой и восхитительно аппетитной фигурки, никому не приходило в голову даже рот раскрыть в игривом намеке. Эта женщина знала себе цену, и всем давала понять, что ее товар не про степных шакалов.

Иногда ей припоминались слова Табасха, и те, кого она видела теперь перед собой, годились только на роль псов, лижущих ноги той, чье превосходство они осознали и приняли... Друг пророчил ей и иных, искренне преданных и равных ей, но таковых пока не было, и вряд ли таких людей достаточно ходят по земле, чтобы так быстро попасться Кареле на глаза. Пока на глаза попадались или мерзавцы вроде Эльриса, или самоуверенные наглецы, вроде того синеглазого варвара на постоялом дворе. И если труп офицера уже был, возможно, благополучно съеден гиенами, то досаду и унижение, перенесенные Карелой при встрече с мальчишкой-варваром, ей пришлось до времени припрятать поглубже до лучших времен, буде таковые настанут...

— Госпожа!

Карела шла по лагерю, погрузившись в свои невеселые мысли, и невольно вздрогнула, когда перед ней выросла невысокая плотная фигура немолодого кофийца, того самого, которому Карела разрешила остаться с больным сыном. Мужчине крутили руки двое разбойников из тех, кого Ордо приставил к невольникам и которые должны были с рассветом гнать рабов на торги. В одном из них она узнала Абериуса.

— Почему он опять здесь? — нахмурилась Карела. — Я же разрешила ему быть с сыном.

— Мой сын умер, госпожа, — вздохнул кофиец. — Уж очень плох был, я ничего другого уже и не ждал... И меня снова отправили сюда.

— Ну и что тебе? — коротко бросила она.

— Я... Я хочу просить тебя... — кофиец судорожно дернулся в крепко держащих его руках. — Я хотел бы остаться и быть под твоим началом, женщина! Я один остался на свете, и цепи да рудники не так уж страшат меня... Но возможно, руки мои принесут больше добычи твоему отряду, чем те жалкие гроши, которые вам дадут за меня на торгах.

Карела оглядела его еще очень крепкие плечи и ноги, заметила горький, но решительный блеск темных глаз и кивнула:

— Хорошо, пожалуй... Как тебя?

— Талбот, госпожа.

— Для тебя я Рыжий Ястреб. Ступай, Талбот, найди себе место. Я велю Ордо определить тебя к делу.

Разбойники беспрекословно отпустили его. Карела скользнула взглядом по их недовольным лицам:

— В чем дело, а?

— Ты выбросила на ветер не меньше двадцати монет, Рыжий Ястреб! — смело отозвался Абериус. — А может быть и больше.

— Насколько я знаю, прежде вы именно так и делали! — огрызнулась Карела.

Но Абериус хитренько прищурился:

— Век живи, век учись... Уже весь отряд знает, что мы собираемся поживиться на этих невольниках. И вдруг — упустить живые деньги. Негоже так поступать. Если ребята об этом узнают, им это не понравится.

— Лопни твои глаза, наглец! — Карела схватилась за свою саблю. — Ты бы лучше мозгами работал, чем языком, Абериус! Готова спорить с тобой на что угодно, что этот Талбот куда лучшее приобретение для вашей шайки, чем двадцать монет! А если кому-то что-то не нравится, я лично не настаиваю! Тебя что-то не устраивает, Абериус? Жалеешь, что приятели твои не получат по лишней монете? Так зайди место Талбота в невольничьем караване! Сейчас живо это устрою, клянусь Деркэто! Уберись с глаз моих, пока я именно так и не поступила с тобой!

Абериус давно понял, что перехватил. Пробормотав что-то и мотнув головой, он поспешил убраться подальше от гнева атаманши.

Оставшись одна, Карела вслушалась в себя и поняла, насколько она устала. Суматошный яркий день слился в одну пеструю ленту, которая бесконечно прокручивалась перед глазами. Так и свалилась бы сейчас куда-нибудь, лучше всего на мягкую, широкую постель, и крепко уснула...

— Вот еще что, Карела, — прервал ее размышления невесть откуда появившийся Ордо. — Пойдем-ка, я провожу тебя к своему костру.

— Что мне делать у твоего костра? — подозрительно спросила Карела.

— Ну а где же ты ночевать будешь? Не рядом же с этими рабами, еще заразу какую подхватишь, — передернулся Ордо. — И потом...

Он замялся, и Карела тяжело вздохнула:

— Не тяни жилы, Ордо. Что «потом»?

— Будешь поблизости от меня, так и мне спокойнее будет, и тебе безопаснее, — проговорил чернобородый, запинаясь.

— Да тебя что, Ордо, снова жар мучает? — ехидно поинтересовалась Карела.

— Да нет вроде бы, — осторожно ответил Ордо. — А что такое?

— Да будь ты проклят! Если я не ошиблась, ты предложил мне защиту? Так?

Ордо надоело переминаться с ноги на ногу, и он отчаянно рубанул:

— Да брось ты, Карела! Не стал бы я храбриться на твоем месте. Не все были согласны с нашим решением выбрать тебя предводителем. Есть те, кто ропщет... Я не хочу подвергать тебя опасности.

— Все, Ордо! Замолчи и слушай! — прошипела Карела, хватая его за грудки. — Твое счастье, что нашего разговора никто не слышит! А то я вынуждена была бы обнажить против

тебя оружие, как сделаю это против каждого, кто осмелится вслух заподозрить, что Рыжий Ястреб не может сам себя защитить! Впрочем, если ты еще раз посмеешь сказать такое даже наедине со мной, я буду драться с тобой, Ордо, причем насмерть! И это не пустая угроза, клянусь Деркэто!

— Но Карела!.. — пробормотал Ордо.

Карела выпустила из рук ворот капитана и сжала кулаки, пытаясь успокоиться.

— Будем считать, что ты предупредил меня о возможном недовольстве некоторых наших людей, а я в ответ поблагодарила тебя за бдительность! Но и все! А ночевать я не буду ни у твоего костра, ни у чьего бы то ни было еще! — Карела заставила себя сдержаться. — Ты понял меня, капитан?

Ордо одернул свою короткую куртку и молча опустил голову.

Карела отчаянно боролась с негодованием. То, что Ордо решил и дальше о ней заботиться, было бы оправдано в отношении любой другой женщины! Но с Карелой подобные шутки не проходят. Такой проницательный человек, как этот рослый чернобородый разбойник, мог бы не допускать столь досадных просчетов в их отношениях.

— Так ты понял меня или нет? — повторила она. Ордо кивнул, кисло усмехаясь.

— И что же ты понял?

— То, что Рыжий Ястреб сама себя защищает от кого бы то ни было, — отозвался Ордо и безнадежно махнул рукой.

— Ну и прекрасно! — пробормотала Карела, отходя в сторону. — А то если и есть такой человек, кому я не хотела бы стать врагом, так это ты, пожалуй, только ты, Ордо.

Она ждала, что после ее яростной отповеди капитан уйдет. Но он стоял на прежнем месте и теребил свою плеть.

— Послушай, Ястреб. Одеться бы тебе... — несмело проговорил Ордо, явно опасаясь, что его слова опять вызовут гнев. Он был уже готов к тому, что Карела не преминет обрушить свою немилость и на того безумца, который вздумает намекнуть Рыжему Ястребу на то, что она одета несколько непотребно, и уж во всяком случае не так, как приличествует предводительнице отряда лихих мужчин численностью в три с лишним десятка.

Но Карела оглядела себя и вздохнула:

— Да, Ордо, ты прав. Разрази меня Деркэто, если я не похожа на последнюю нищенку из какой-нибудь вонючей подворотни. Но где же я найду в вашем пьяном безобразии хоть одну приличную тряпку?

— Пьяного безобразия больше не будет! — поспешил пообещать Ордо. — А не то я им задам перцу! А что до тряпок... Лишнюю одежду мы обычно сжигаем, и женскую, всю целиком, сбывать ее слишком хлопотно и невыгодно. Но...

Он оглянулся и взглянул на копошащихся вокруг костров разбойников.

— Есть тут у нас один, — пробормотал Ордо, морщась и прижимая руку к повязке. — Галарх его зовут. Он всякий хлам, который не продать, не съесть, не выпить и на себя не одеть — все подбирает. Уверен, что и в караване Ардаруса он такой хлам не пропустил. Ну-ка, я его тряхну...

Ордо ушел и через некоторое время возвратился с невысоким сухеньким и довольно-таки пожилым мужчиной с седеющей клиновидной бородкой. Стариашка тащил за спиной объемистый мешок.

— Есть у меня кое-что для тебя, госпожа... Уж будешь довольна! Галарх плохого не подбирает, даже если тебе уже наговорили про меня невесть чего! — гордо сказал он, снял

мешок со спины и развязал его.

Он тряхнул мешок и высыпал перед Карелой его содержимое одной огромной кучей.

У нее глаза разбежались, едва раскинула она на пожухлой траве целый ворох разноцветных вещей, весьма высокого качества и наверняка такой же высокой цены. Знал этот напыщенный индюк Ардарус толк в торговле, что есть, то есть! Но разбойничья шайка — не торговый караван. Никто здесь не будет заниматься даже самыми дорогими тряпками в то время, как в руки стекаются монеты и слитки, драгоценные камни и изящные изделия золотых дел мастеров.

Карела присела на корточки посреди кучи вещей. Те обноски, которыми она прикрывала сейчас свою наготу, были просто ужасны, и ей не терпелось облачиться во что-нибудь более достойное ее нового положения. А среди товара господина Ардаруса можно было повыбирать.

Чего здесь только не было! Прозрачные шелковые покрывала самых немыслимых оттенков. Широкие шаровары с расшитыми серебром и золотом поясами. Нагрудные чаши — и плотные, переливающиеся филигранными чеканными узорами, и мягкие, поблескивающие богатством изысканной вышивки. Накидки и плащи из шерсти и шелка, добротные и теплые, в которых не страшна даже ночевка в ночной степи, а также легкие и изящные, словно специально пошитые для того, чтобы развиваться за плечами дерзкой предводительницы грозных разбойников. Были здесь и превосходно выделанные меховые шкуры, лучшая постель для ложа страсти и дивных ночных грез..

Карела принялась вытаскивать то одну, то другую вещь, рассматривая ее со всех сторон.

«Если только женщина подолгу копается в тряпках, начинает казаться, что ни на что другое она уже не способна», — всплыл вдруг в памяти насмешливый голос Табасха.

Резко подскочила Карела на ноги, исподлобья взглянув на равнодушно зевающего Галарха. Поспешно, едва соображая, а то ли она берет, что ей действительно нужно, она подхватила украшенные чеканкой чаши, свободные шаровары с широким поясом, мягкие сапожки с острыми, слегка загнутыми носами и темно-зеленый плащ на серой подкладке.

— Убери все это, что тебе здесь, базар, что ли? — заворчала она на Галарха, отходя с вещами за дерево.

— Куда убрать-то? — окликнул ее Галарх и, не дождавшись ответа, зачесал в затылке. — Ладно, сложу все в мешок, может, когда сгодится чего на смену. Да где-то у меня палатка была, дорогая, красивая... Таниусу она была не нужна, а тебе в самый раз придется, Рыжий Ястреб, раз ты у костра с нами ночевать не собираешься... Вот, погоди-ка, вспомню, куда засунул, да отда姆 Ордо.

Хозяйственный старикашка деловито сгреб вещи обратно в свой тюк и утащил.

Карела облачилась в свой наряд и почувствовала себя более-менее прилично. Ночевать с разбойниками у костра она действительно не собиралась. И очень будет славно, если старенький сухой скопидом Галарх и вправду отыщет палатку. А уж Карела знает, как ей повести себя, чтобы ее палатка стала неприступной крепостью в этой стае шакалов, которых ей только предстоит превратить в грозных псов заморанских степей. Удача отряда держится на двух вещах: на мозгах командира и дисциплине подчиненных. В мозгах своих она была более-менее уверена, в то время как дисциплина бандитов оставляла желать лучшего.

Где-то поблизости загремел басовитый голос Ордо. Уже позабыв про свою рану и боль, новоиспеченный капитан наводил порядок и усмирял каких-то дебоширов, устроивших пьяную свару. Послушав, как Ордо отчитывает провинившихся, пересыпая свою речь

сочными эпитетами, Карела усмехнулась: все-таки не так уж это и плохо, когда рядом есть человек, к которому не страшно повернуться спиной... Она уже хотела было похвалить сама себя за то, что остановила свой выбор именно на Ордо, но вдруг поняла, что восхищаться собой в данном случае было бы слишком глупо. Если бы она не согласилась остаться в отряде, разбойники совершенно добровольно пошли бы под начало к Ордо. Этого крепкого, деловитого и отчаянно храброго человека уважала и побаивалась разномастная свора лихих людей, и вся заслуга Карелы в назначении капитана состояла только в том, что она верно угадала то, что и без ее вмешательства было совершенно очевидно.

Карела села под дерево, поджав ноги, завернулась в плащ и прислонилась спиной к стволу. Темнота уже скрадывала предметы и фигуры людей, сновавших туда-сюда. Впереди была ночь, первая ночь Карелы, которую ей предстояло провести в роли полноправной хозяйки положения.

Усмехнувшись и положив руку на эфес своей сабли, Карела прикрыла глаза. Поначалу ее сон был некрепок, каждый громкий звук, будь то лошадиное ржание, крики ссорящихся или пьяный гогот, заставлял ее длинные ресницы трепетать.

Но усталость оказалась сильнее. Карела не слышала уже, как подошел Ордо и обратился к ней с каким-то вопросом, не почувствовала, как он, склонившись над ней, долго смотрел на спящую девушку, а потом осторожно поправил распахнувшуюся полу ее плаща и, постояв немного, ушел прочь.

Он, немолодой уже человек, не один год проведший в лихих разгульных странствиях и повидавший всякого, был уверен: скоро торговый да служивый люд узнает, что на земле Заморы, на свободных просторах ее холмистых равнин и неласковых степей гордо расправил свои легкие, но дерзкие крылья дикий и неукротимый Рыжий Ястреб.

WWW.CIMMERIA.RU